

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВЫХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

1. ВАЖНЕЙШИЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДОМАРКСИСТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В освободительном движении всех стран распространению научного социализма предшествовал более или менее длительный период господства идей утопического социализма. Быть может нигде развитие передовой мысли «от утопии к науке» не было столь долгим и мучительным, не потребовало стольких жертв, как в России. В этом проявилась одна из важнейших исторических особенностей России — своеобразие появления в ней марксизма.

Первым сознательным революционным выступлением в России, направленным против самодержавия и крепостного строя, явилось выступление декабристов, представленное узким кругом дворян-революционеров, которые, по выражению Ленина, были страшно далеки от народа¹. Это выступление не могло увенчаться успехом, но оно внесло значительный вклад в развитие русского революционного движения.

Декабристы своей революционной деятельностью нанесли первый удар по престижу царского самодержавия. Задача теперь состояла в том, чтобы идею уничтожения самодержавия и крепостного права сделать посредством революционной агитации достоянием широких масс, достоянием народа. Опираясь на ленинскую оценку движения декабристов, М. В. Нечкина пишет: «Своим горьким опытом декабристы показали следующим поколениям, что протест революционеров бессилён без

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

поддержки народа. Неудачей своего выступления декабристы как бы завещали последующим революционерам строить свои планы в расчете на активное участие народных масс. Тема о народе, как о главной силе революционной борьбы, прочно входит с тех пор в сознание деятелей революционного движения»².

Поиски путей, посредством которых революционные борцы могли бы осуществить связь с движением народных масс, поднять народ на выступление, стали одной из характерных особенностей освободительного движения в России.

Декабристы пробудили к борьбе с царским самодержавием разночинцев, т. е. значительно более широкий круг участников революционного и оппозиционного движения, вышедших из среды городского мещанства, чиновничества, сельских священников, купцов, крестьянства, ремесленников. Революционная часть этой интеллигенции в своих требованиях выражала чаяния народа, крестьянства.

Широкая масса трудящегося крестьянства, слабо дифференцированная еще в классовом отношении, единая в своей ненависти к классу дворян-помещиков, а также другие слои трудящегося населения явились той социальной средой, в которой с 40-х годов XIX в. в России стало зарождаться революционно-демократическое и утопически-социалистическое движение.

Само царское правительство во главе с Николаем I начало понимать, что крепостной строй отжил свой век. Крепостной строй превратился в величайший тормоз на пути развития производительных сил и всей общественной жизни страны.

В силу особенностей исторического развития Восточной Европы господство феодально-крепостнического строя в России затянулось. Развитие капиталистических отношений в недрах крепостничества началось здесь значительно позже, чем в Западной Европе, и протекало значительно медленнее. Поэтому и этап буржуазно-демократического освободительного движения начался в России позднее, чем на Западе.

Своеобразие идеологии русского революционно-демократического движения домарксистского периода состояло в том, что, являясь буржуазно-демократическим по своему объективному историческому содержанию, она с самого начала была утопически-социалистической по форме. В это время, в 40—50-х годах, на Западе уже с полной силой проявились непримиримые противоречия буржуазного общества. Гнет капитала начал ощущаться и в России. Вот почему русское революционно-демократическое движение было направлено не только против крепостнического, но и против капиталистического гнета.

² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 453.

Важнейшей особенностью буржуазно-демократического освободительного движения в России явилось то, что здесь, в отличие от Запада, его единственной массовой социальной базой являлось многомиллионное крестьянство. Революционные демократы в России выступали как идеологи закрепощенного помещиками крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения России.

Зависимая экономически и политически от государственного аппарата царизма, напуганная развитием рабочего движения на Западе и перспективой роста пролетарского движения внутри страны, русская буржуазия с самого начала показала свою слабость, свою неспособность к решительной борьбе с самодержавием. Русская буржуазия никогда не была революционной. Поэтому вместо традиции доверия трудящихся масс к городской торгово-промышленной буржуазии, как это было на Западе, в русском демократическом движении утвердилась традиция недоверия к буржуазии, традиция борьбы с буржуазным либерализмом³. Традицию эту начали революционные демократы, предшественники русской социал-демократии.

Уже в 40-х годах XIX в., в обстановке господства феодально-крепостнического строя Герцен, как указывал Ленин, «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»⁴. Предшественники русской социал-демократии внесли огромный вклад в развитие домарксистской философской мысли. Революционно-демократическая направленность русской материалистической философии, ее резко подчеркнутый атеизм, нетерпимость к мистике, поповщине, ко всякой идейной реакции оказали большое влияние на развитие передовой русской науки и революционной мысли на пути к марксизму. Предшественники марксизма в России были не только мыслителями, но и выдающимися политическими деятелями.

Основой революционно-демократической идеологии явилось признание непримиримости интересов царизма и народа, классовых интересов помещиков и крестьян, эксплуататоров и эксплуатируемых, признание необходимости свержения самодержавия и уничтожения крепостничества посредством крестьянской революции, переход к новому «народному строю».

Русские революционные демократы с глубоким интересом

³ Советские исследователи истории русской общественной мысли 30—40-х годов XIX в. доказали, что В. Г. Белинский и А. И. Герцен боролись в этот период не только с славянофилами, но и с либералами — Боткиным, Грановским и др.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9—10.

следили за опытом европейских революций и за передовыми социально-политическими течениями.

Н. Г. Чернышевский, величайший представитель русского утопического социализма, рассматривал теории знаменитых французских утопистов первой трети XIX в. как «новую науку». Он одобрял Герцена и Огарева за то, что они внимательно отнеслись к этим теориям, которые, несмотря на фантастическую форму, содержали в себе «истины глубокие и благодетельные»⁵. Но эти теории не могли целиком удовлетворить русских социалистов. Виднейшие западноевропейские социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн и их последователи были против политических и в особенности против каких бы то ни было революционных действий. Они стремились достигнуть социализма мирным путем, ожидая решающую помощь в осуществлении социалистических преобразований общества от «власть имущих». Между тем опыт борьбы с феодально-крепостническим режимом на родине, как и опыт революции 1848—1849 гг. в Европе, убедил русских утопистов в невозможности без революционной борьбы осуществить демократические преобразования, которые они отождествляли с социалистическими преобразованиями.

Обстановка, в которой действовали русские революционеры, толкала их на выработку самостоятельной теории социализма. Не понимая исторической роли пролетариата, русские социалисты 40—60-х годов в своих теоретических исканиях пытались обосновать возможность для России особого пути развития, при котором можно было бы миновать капитализм и связанный с ним процесс массового разорения крестьянства, миновать «язвы пролетариата».

Большое влияние на развитие социалистической мысли как на Западе, так и в России оказала революция 1848—1849 гг.⁶

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 216.

⁶ А. С. Н и ф о н т о в. Россия в 1848 г. М., Учпедгиз, 1949. В этой работе дан анализ внутреннего экономического и политического положения России накануне и в период революции 1848—1849 гг., анализ обострившейся классовой борьбы в стране в связи с революцией. Дано также освещение конкретных путей проникновения в Россию сведений о революционных событиях 1848—1849 гг., влияния этих событий на развитие русского общественного движения. Автор конкретно и убедительно показывает, что «помимо официальной николаевской России существовала подлинная Россия свободолюбивого народа».

Глубокий интерес русских революционных демократов к событиям 1848—1849 гг. был вызван задачами антикрепостнической борьбы в России. Именно эти задачи, а не простое увлечение «фурьеризмом», стояли в центре русской передовой мысли. К сожалению, до сих пор при изучении истории развития русской социалистической мысли очень слабо учитывается значение практического опыта массового революционного рабочего движения на Западе и, в частности, уроков революции 1848—1849 гг.

Основоположники марксизма указывали на исключительное значение опыта революционных событий 1848—1849 гг. для теоретической разработки вопросов революции, классовой борьбы, роли идей, творчества народных масс в революции, отношения к государству.

Революция 1848 г. нанесла на Западе удар всем «...шумным, пестрым, крикливым формам домарковского социализма»⁷. Это обстоятельство своеобразно отразилось и на развитии русской разновидности утопического социализма.

Родоначальником русского утопического социализма является А. И. Герцен. До отъезда за границу Герцен, революционер, демократ и социалист, полагал, что социалистические преобразования будут осуществлены сначала на Западе, прежде всего во Франции. Он скептически относился к идеализации старьянофилами устоев русской патриархальной жизни и отнюдь не считал социализм национальной особенностью русского народа. Герцен горячо приветствовал революцию в европейских странах, связывая с ней начало практического осуществления великих социалистических преобразований, которым последует и Россия. Поражение революции 1848 г. изменило взгляды Герцена.

В. И. Ленин в своей знаменитой статье «Памяти Герцена» (1912) показал, что в основе мировоззрения Герцена лежит борьба русского народа против крепостничества. Вместе с тем Ленин впервые определил главные этапы развития идейно-политических взглядов Герцена. Герцен не понимал буржуазного характера демократического движения в период революции 1848—1849 гг. Расстрел республиканской буржуазией рабочих Парижа в июньские дни 1848 г. Герцен принял за конец социалистического движения в Европе. Не поняв роли пролетариата в революции 1848 г., Герцен впал в пессимизм, решив, что Западная Европа уже прошла зенит революционного творчества и что только в России имеются благоприятные возможности для движения к социализму. «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года, — писал Ленин, — был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»⁸.

В своих знаменитых очерках «С того берега», «Концы и начала», в статье «Русский народ и социализм», в письмах к Линтоу Герцен обосновывал самобытный исторический путь

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.

⁸ Там же, стр. 10.

России к социализму — через сельскую общину и артель. «Община,— пишет он в статье «Русский народ и социализм»,— спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе... Какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации⁹, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания. Человек будущего в России — *мужик*, точно также, как во Франции работник»¹⁰.

Считая, что народы Европы почти исчерпали себя в борьбе за социализм, Герцен высоко ценил возникновение и развитие здесь самой идеи социализма. «Итак,— суммирует он свой анализ исторических корней «крестьянского коммунизма»¹¹,— элементы, вносимые русским крестьянским миром,— элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота,— состоят из трех начал, из:

1. Права каждого на землю.
2. Общинного владения ею.
3. Мирского управления.

На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь»¹². Перейдя к социализму, Россия, по мнению Герцена, могла бы повести за собой Европу.

Этой теории Герцен оставался верен всю свою жизнь. За несколько лет до смерти, в 1866 г., он так сформулировал сущность своей теории: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»¹³. Ленин писал: «Герцен — основоположник

«русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз»¹⁴.

В этом «социализме» не было, по словам В. И. Ленина, ни грама подлинного социализма. Он являлся лишь выражением революционных требований крестьян, их стремления к полной ликвидации крепостного права и его остатков. Утопические мечты о возможности миновать, предотвратить капитализм и проповедь аграрной революции В. И. Ленин считал основными элементами, из которых слагалась идеология народничества.

Взгляды Герцена на политическую борьбу, как и его мировоззрение в целом, противоречивы.

Неверие Герцена в социалистические возможности западно-европейского пролетариата явилось главной причиной отрицательного отношения к Герцену со стороны Маркса и Энгельса. Им претили также отступления Герцена от демократизма к либерализму.

В. И. Ленин видел историческое значение деятельности А. И. Герцена прежде всего в том, что он своей долголетней неустанной и талантливой борьбой против царизма и остатков крепостничества сыграл «великую роль в подготовке русской революции» и что «...при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»¹⁵. К концу жизни Герцен начал порывать и с анархизмом.

Ярким выразителем революционно-демократической идеологии на ранней стадии ее развития был В. Г. Белинский, гениальный литературный критик.

С начала 40-х годов Белинский — убежденный материалист, страстный борец против идеализма, религии, мистики. Он стремится применить свое воззрение на мир к решению общественно-политических вопросов.

Г. В. Плеханов верно подметил главную тенденцию в развитии социологических взглядов Белинского: «отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие самой общественной жизни»¹⁶. Отсюда его неудовлетворенность учениями социалистов-утопистов Запада.

Абстрактные планы мирного перехода к социализму посредством апелляции к разуму власть имущих не могли удовлетворить русского революционера, тем более Белинского, глубоко

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 9, 12.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. X. М.—Л., 1925, стр. 349.

⁹ Т. е. вне капитализма.

¹⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. VII. М., 1956, стр. 323, 326.

¹¹ Термин принадлежит Герцену, см. там же, стр. 329.

¹² А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XIV, 1958, стр. 182—183.

¹³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX. П., 1922, стр. 127—128.

убежденного в революционном пути преобразования России как единственно верном. «Его раздражение,— замечает Плеханов,— против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, выросло тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности...»¹⁷.

В социологических взглядах Белинского центральное место занимает идея закономерности исторического процесса, идея закономерной смены исторических эпох. В силу отсталости социально-экономических отношений России 40-х годов Белинский не мог подняться до подлинно научного обоснования законов развития общества, но его высказывания о классовом характере общества и решающей роли народных масс в историческом развитии свидетельствуют о близости Белинского к историческому материализму.

Белинский был самым последовательным русским революционером своего времени, стоявшим значительно выше своих современников в понимании противоположности интересов помещиков и крестьян, царского самодержавия и народа, в понимании необходимости крестьянской революции как единственно верного средства полного уничтожения крепостничества. Идея крестьянской революции, которую впервые открыто провозгласил Н. Г. Чернышевский, уже содержалась в литературных произведениях Белинского.

Мысль Белинского о народной революции была прочно воспринята следующим поколением революционеров. «Революционным разночинцам 60-х и 70-х годов,— писал Плеханов,— вступившим в революционную борьбу с правительством, уже невозможно было думать, что осуществление их идеалов придет «сверху»; они могли стать и остаться революционерами, лишь питая твердое убеждение в том, что существующий порядок вещей будет разрушен «снизу», т. е. народной революцией»¹⁸.

Социалистические взгляды Белинского были неотъемлемой частью его революционно-демократической идеологии. Однако необходимо отметить, что Белинский не разделял многих положений, характерных для народнического социализма, он не идеализировал самобытность русского экономического строя с его общиной, артелью и прочими «устоями» старой русской деревни. От западноевропейских утопистов и русских утопистов типа Бакунина Белинского отличало также отношение к политической борьбе. В его сознании идея борьбы за социализм не заслоняла задачи борьбы за политические права народа.

Для Белинского характерен исторический оптимизм. Его

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 344.

¹⁸ Там же, стр. 345—346.

мысль, что социализм неизбежно восторжествует, так как в нем заинтересованы трудящиеся массы, которым принадлежит будущее, очень близка к взглядам Н. Г. Чернышевского. В западноевропейском пролетариате Белинский увидел растущую революционную силу, что отличало его от Герцена. Отличало его от Герцена и более глубокое понимание природы капитализма. В письме к Боткину от 15 февраля 1848 г., незадолго до своей смерти, он высказал несогласие с Бакуниным в его огульном отрицании какой бы то ни было прогрессивной роли капитализма в развитии общества. Являясь поборником развития в России промышленности, торговли, железных дорог, Белинский понимал как прогрессивную, так и отрицательную сторону развития крупной капиталистической промышленности. Уничтожающую критику французской буржуазии дал Белинский в 1844 г. в статье, посвященной роману Е. Сю «Парижские тайны»¹⁹.

Влияние Белинского на революционную интеллигенцию 40-х годов было велико. Родословную русской социалистической интеллигенции Ленин ведет от кружка петрашевцев²⁰, названного так по имени его инициатора М. В. Буташевича-Петрашевского. Кружок был создан в 1845 г., когда в России поднялась волна крестьянского движения, и несомненно явился его отголоском. Четырехлетняя энергичная деятельность этого и созданных несколько позднее других кружков петрашевцев свидетельствует о том, что тогда в России идеи социализма вызвали интерес не только у одиночек, но и у определенного круга русской революционной интеллигенции и что пропаганда этих идей приняла значительный размах²¹.

Петрашевцы имели своих последователей и в других городах России. Взгляды петрашевцев формировались под влиянием отечественной освободительной литературы, под влиянием идей Радищева и декабристов, Герцена и особенно Белинского. Значительное влияние на петрашевцев оказали освободительные идеи Великой Французской революции, революции 1848 г., а также идеи французских социалистов-утопистов, особенно Фурье. В библиотеке Петрашевского имелась «Нищета философии» Маркса.

¹⁹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. II. М., 1948, стр. 626—646.

²⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 26.

²¹ Новейшие данные о степени распространения в России революционных идей к концу первой половины XIX в. и деятельности революционных организаций подробно освещены в кн.: И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX века (революционные организации и кружки). М., 1958. Эта работа освещает начало переходного периода от дворянской революционности к революционной демократии, начало выработки основ революционно-демократической и утопической социалистической мысли в России.

Характер идеологии петрашевцев можно определить как переходный от дворянской революционности к революционности разночинной. Кружки петрашевцев по составу не были однородными. Буташевич-Петрашевский, Спешнев, Ханыков, Момбелли и их сторонники тяготели к революционно-демократическому направлению, другие члены кружка — к умеренному.

Петрашевский и Спешнев составили проект, в котором требовали передачи помещичьей земли в собственность крестьянам без выкупа. Петрашевцы стояли за уничтожение царского самодержавия, видя в нем главный источник экономического застоя России, бедности ее населения. Они выступали за введение демократической республики, за свободу печати и открытое судопроизводство, решительно осуждали реакционную внешнюю и внутреннюю политику царизма, его захватнические устремления, его политику национального угнетения нерусских народов.

Своеобразием идеологии кружка петрашевцев, особенно его радикального крыла, как и идеологии А. И. Герцена и В. Г. Белинского, явилась слитность идей буржуазно-демократических и утопически-социалистических. Проявляя особый интерес к учению великого французского утописта Ш. Фурье, которое они считали отправным пунктом своих социалистических взглядов, петрашевцы вместе с тем указывали на многие недостатки этого учения, в частности на его незрелость, фантастичность.

Это был первый в России революционный кружок, который начал изучение социалистических теорий с определенной целью: выработать свою самостоятельную систему социалистических взглядов, соответствующую условиям России.

Однако Петрашевскому и его единомышленникам не удалось создать цельную систему утопических социалистических взглядов.

Новый, высший этап в развитии русского утопического социализма, как и всей передовой домарксистской общественной науки, связан с именем крупнейшего мыслителя и великого революционного демократа — Николая Гавриловича Чернышевского. Мирозозрение Чернышевского и его ближайших единомышленников — Н. А. Добролюбова, братьев А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичей и др. — сложилось в условиях более зрелых общественных отношений, чем условия, в которых началась славная деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева, представителей старшего поколения русских революционеров.

Опираясь на достижения корифеев русской материалистической философии и революционной мысли (от Радищева до Герцена), а также на достижения лучших представителей передовой мысли в Западной Европе, включая предшественников Маркса, представителей классической немецкой философии, английской политической экономии и французского социализ-

ма, опираясь на опыт русского и международного революционного движения первой половины XIX в., Н. Г. Чернышевский сделал громадный шаг вперед в развитии русской революционной мысли «от утопии к науке».

В русской марксистской литературе, с самого ее возникновения, Н. Г. Чернышевскому, его роли и значению в развитии русской передовой мысли и в революционном освободительном движении уделялось особое внимание²². Но только В. И. Ленин определил подлинное место и роль Н. Г. Чернышевского как предшественника русской революционной социал-демократии. «Великий русский революционер», «великорусский демократ», «всероссийский демократ-революционер», «русский великий социалист домарковского периода», «величайший социалист-утопист», «демократ эпохи нераздельности демократизма и социализма»²³ — таковы важнейшие ленинские определения исторического места Н. Г. Чернышевского в развитии революционной мысли и освободительного движения России.

В. И. Ленин высоко ценил Чернышевского и как философа. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»²⁴.

Самостоятельность и оригинальность в разработке философии как идейного оружия в борьбе с реакцией за революционное преобразование мира, утверждение материализма в качестве единственной научной теории, признание непримиримости материализма с идеализмом, самостоятельная глубокая критика философского идеализма, оригинальное определение его гносеологических корней, признание связей философии с общественной деятельностью, с политической борьбой, решительное отрицание эклектизма, элементы исторического материализма, — таковы крупнейшие заслуги этого замечательного предшественника русских марксистов в развитии русской материалистической философии. Хотя «Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»²⁵, но он ближе, чем кто-либо из предшественников марксистской философии, подошел к нему.

²² Достаточно указать на работы Г. В. Плеханова о Н. Г. Чернышевском.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 262; т. 4, стр. 248; т. 17, стр. 97; т. 20, стр. 100; т. 21, стр. 85; т. 28, стр. 50; т. 31, стр. 52.

²⁴ Там же, т. 14, стр. 346.

²⁵ Там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали заслуги Чернышевского перед мировой наукой и культурой. «...Банкротство «буржуазной» политической экономии,— писал Маркс в первом томе «Капитала»,— ...мастерски выяснил... в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»²⁶.

Чернышевский не поднялся до научной критики капитализма по основному вопросу — о сущности капиталистического способа производства. В этом решающем вопросе он оставался социалистом-утопистом. Но все же он очень близко подошел к учению Маркса.

Отдавая должное критике капитализма, данной утопистами Запада, Чернышевский вместе с тем вскрыл слабые стороны этой критики, особенно слабость учения утопистов о путях достижения социализма, оторванность утопистов от народа, их неверие в его творческие революционные способности.

Произведения Н. Г. Чернышевского, особенно его экономические работы «Примечания и дополнения к политической экономии Милля» и «Труд и капитал», получили в 70—80-х годах широкое распространение в интеллигентских и рабочих революционных кружках и подготовили их участников к изучению экономической теории Маркса.

Чернышевский, как и Герцен, не понял исторической роли пролетариата. Но, в отличие от Герцена, революция 1848 г. не вызвала в нем духовного краха. В революционных схватках западноевропейского пролетариата 40—50-х годов он черпал исторический оптимизм, он видел в них неотвратимость социализма вопреки единичным поражениям. «По одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм,— вдохновенно писал Чернышевский,— было уже дано в обеих передовых странах Западной Европы. Во Франции это была июньская битва на улицах Парижа; в Англии — колоссальная апрельская процессия хартистов по лондонским улицам. Обе битвы были даны в 1848 г. Обе были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы,— с каким успехом, мы увидим. А впрочем, с каким бы успехом ни были даны они, мы должны вперед знать, что проигрыш только возвращает дело к положению, из которого должны возникнуть новые битвы, а выигрыш,— не только первый, который и сам когда-то еще будет,— но и второй, и третий, и может быть десятый еще не даст окончательного торжества, потому что интересы, охраняющие нынешнюю экономическую организацию, страшно сильны. Разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя?»²⁷.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 13.

²⁷ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. II, полутом II. М.—Л., 1935, стр. 546—547.

Здесь ярко выражена глубокая убежденность великого революционного демократа в неизбежности гибели капитализма и торжества социализма во всем мире.

Чернышевскому было глубоко чуждо то ненаучное отношение к вопросу о перспективах осуществления социализма, которое было свойственно Бакунину, Ткачеву и их единомышленникам. Он глубоко понимал, что смена буржуазного строя социалистическим потребует много времени и громадных усилий со стороны трудящихся, что это будет долгий и сложный процесс. Указывая, что для смены господства феодалов господством буржуазии потребовалось несколько веков, Чернышевский спрашивал: «Сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в ...жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим? По всей вероятности, это будет история очень длинная»²⁸.

Чернышевский указывал на организующую роль государства в создании социалистического общества, был сторонником политической борьбы, врагом анархизма.

Чернышевский был далек от мысли, что социалистические теории есть абстрактное изобретение человеческого ума. Наоборот, он полагал, что они явились выражением действительных противоречий в буржуазном обществе, выражением назревших потребностей времени.

Во взгляде на проблему русского социализма Чернышевский делает шаг вперед по сравнению со своими предшественниками — русскими социалистами. «...Мы совершенно ошиблись бы,— писал он,— если бы вздумали считать наклонность к общинному уравнительному владению в наших поселениях какой-нибудь таинственной чертой исключительной национальной организации славянского вообще, или в частности великорусского племени»²⁹.

Взгляды Чернышевского на роль сельской общины как базы непосредственного перехода России к социализму подвергались в литературе обстоятельному анализу. Здесь укажем лишь, что, в отличие от предшествующих ему представителей русского утопического социализма, Чернышевский не отождествлял общину с социализмом. Он рассматривал общину лишь как условие, облегчающее переход к социализму. Общественное владение землей являлось, по Чернышевскому, первой ступенью будущего социалистического общества. Затем следовала вторая ступень — общинное совместное производство и, наконец, общинное потребление, т. е. коммунизм.

²⁸ Там же, стр. 546.

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. I. М.—Л., 1928, стр. 187.

При этом, что очень важно, Чернышевский не исключал возможности развития России по пути капитализма. Он указывал на факт втягивания страны в общий водоворот товарно-капиталистических отношений, на первые признаки роста в ней крупной капиталистической промышленности и вытеснения мелкой. Но он считал, что эти процессы находятся еще в зародыше, и при условии близкой революции Россия благодаря преобладанию общинного землевладения сможет миновать капиталистический путь развития.

Неразрывная связь социалистических взглядов Н. Г. Чернышевского с его революционно-демократической идеологией была отмечена В. И. Лениным: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогадки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»³⁰.

Ленин отмечал, что сочинения Чернышевского пронизаны духом революционной классовой борьбы. Борьба Чернышевского, Добролюбова и их последователей с Кавелиным и его единомышленниками утвердила в русском освободительном движении традицию борьбы с либерализмом, с политической трусостью, с приспособленчеством.

В принципиальном безоговорочном признании революционно-демократического пути преобразования России посредством крестьянской революции как единственного радикального средства полной ликвидации крепостничества, самодержавия и всех их остатков, в решительном проведении линии революционной классовой борьбы и разоблачении измен либерализма, в борьбе с отступлениями демократов в сторону либерализма, — в этом состоит прежде всего громадный шаг вперед, сделанный Чернышевским в сравнении с Герценом.

Представители русского утопического социализма в силу отсталости социально-экономических отношений России 40—60-х годов XIX в. не могли подняться до понимания теории научного социализма. Как утопический социализм на Западе, так и русский утопический социализм «не умел ни разяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его раз-

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

вития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»³¹.

Белинский, Герцен, Чернышевский в разной степени оставались идеалистами в понимании истории. Им не были ясны материальные основы развития человеческого общества, они не умели точно определить роль и значение каждого класса в буржуазном обществе; их социализм являлся формой выражения требований крестьянства, требований по характеру своему буржуазно-демократических. Но глубокое убеждение русских революционных демократов в неизбежности и необходимости революционных и социалистических преобразований как решающих условий прогресса человеческого общества, их вера в революционные способности трудящихся масс России, их беззаветная борьба с царизмом и крепостничеством, их острая бичующая критика буржуазного общества и его защитников — все это двигало вперед русскую революционную мысль и революционное движение.

* * *

С начала 60-х годов в связи с создавшейся революционной ситуацией в стране революционно-демократическое движение интеллигенции приняло широкий характер.

Грабительский характер реформы 1861 г. вызвал глубокое возмущение в народе. Перед революционерами встала задача непосредственной подготовки вооруженного восстания, чтобы таким путем полностью ликвидировать остатки крепостничества и осуществить программу революционного преобразования России. Из этой основной задачи вытекала и важнейшая задача создания подпольной революционной организации, способной руководить движением народа против царизма.

Революционный демократизм превратился в 60-х годах в идеологию широкого общественного движения. Идеи борьбы за полную ликвидацию остатков крепостного права, за свержение царского самодержавия, за новую революционную Россию захватывали все более значительные слои передовой интеллигенции и особенно молодежи. В столицах и провинции появились подпольные группы и кружки.

До середины 60-х годов в программах и практической деятельности революционных групп и кружков, и прежде всего в программе и деятельности крупнейшей революционной организации того времени — «Земли и воли», преобладало влияние Чернышевского. Оно проявлялось и в политических требованиях, и в тактике подготовки и организации восстания, и в идее

³¹ Там же, т. 19, стр. 7.

создания руководящей революционной организации. К этому периоду относятся первые попытки революционной интеллигенции установить связь с народом и создать тайную революционную организацию как орудие осуществления крестьянской революции.

Со второй половины 60-х годов намечается новый этап в развитии разночинского периода освободительного движения. После жестокой расправы царизма с вождем революционной демократии Н. Г. Чернышевским и безвременной смерти его друга и единомышленника Н. А. Добролюбова, после подавления массового крестьянского движения 1861—1863 гг. и разгрома самой крупной революционной организации 60-х годов — тайного общества «Земля и воля» усилилась политическая реакция и начался спад революционного движения и его идейного уровня.

Оставаясь в основном верными идеям революционной демократии, новые руководители движения отступили от материалистических традиций к позитивизму и субъективному идеализму, а в области тактики — к чисто пропагандистской деятельности (лавристы) или же к анархизму (бакунисты) и бланкизму (ткачевцы). Вместе с тем в конце 60-х годов усиливается стремление передовой учащейся молодежи к активной революционной борьбе, вызванное растущим недовольством крестьянства реформой, недовольством всего народа гнетом царского самодержавия и другими остатками крепостничества.

Отмена крепостного права в России и рабства в США — эти крупнейшие события мировой истории 60-х годов XIX в. — нанесли мощный удар по политической реакции в Европе, установившейся после поражения революции 1848 г., и дали тем самым могучий толчок к новому революционному подъему, ведущую роль в котором на Западе играло массовое движение пролетариата. Рост западноевропейского рабочего движения оказывал в свою очередь воздействие на развитие русского революционного движения и социалистической мысли.

Таким образом, для нового этапа в развитии русской революционной мысли и революционного движения, наступившего с конца 60-х и начала 70-х годов, характерно, с одной стороны, дальнейшее обогащение практики революционной борьбы, а с другой — снижение идейного уровня движения по сравнению с эпохой Чернышевского.

Из деятелей революционного народнического движения 70-х годов, произведения которых отразили этот зигзаг в развитии русской революционной мысли и во многом определили как направление революционной литературы, так и практические приемы революционной деятельности той эпохи, в первую очередь надо назвать М. А. Бакунину, а за ним П. Л. Лаврова.

Для понимания теории и тактики народничества необходимо хотя бы беглое знакомство с их взглядами.

Деятельность известного анархиста М. А. Бакунина, одного из идеологов революционного народничества, длительное время протекала за границей и находилась в поле зрения Маркса и Энгельса. Впервые анархистские взгляды Бакунина были им изложены в программах «Интернационального социалистического союза» и «Организации интернациональных братьев» (1864—1865 гг.). Уже здесь государству как таковому и всякой власти была объявлена непримиримая война.

Идейные истоки, социальные корни и сущность анархизма Бакунина, как и его раскольнической деятельности в I Интернационале, были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом в процессе решительной борьбы с ним и его последователями в международном революционном движении 60-х и начала 70-х годов³².

Существо анархизма Бакунина, как и некоторые стороны его деятельности, блестяще изложены в письме Ф. Энгельса к Т. Куно от 24 января 1872 г. «Бакунин, — читаем здесь, — который до 1868 г. вел интриги против Интернационала, вступил затем в него, потерпев фиаско на Бернском конгрессе мира³³, и тотчас же начал *внутри Интернационала* устраивать заговоры против Генерального Совета. У Бакунина своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем в его прудонизме самым существенным является то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно, и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*...

Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и

³² Из важнейших работ К. Маркса и Ф. Энгельса о Бакунине и бакунизме см. К. Маркс. Конфиденциальное сообщение (март 1870 г.) (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 355—367); К. Маркс. Мнимые расколы в Интернационале (1872) (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 391—433); Ф. Энгельс. О бакунистском «Альянсе» (1872) (там же, стр. 472—474); Ф. Энгельс. Генеральный Совет. (1872 г.) (там же, стр. 475—480); Ф. Энгельс. Доклад об Альянсе социалистической демократии, представленный Гаагскому конгрессу от имени Генерального Совета (1872 г.) (там же, стр. 492—502); К. Маркс и Ф. Энгельс. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих (1873 г.) (там же, стр. 537—649); Ф. Энгельс. Бакунисты за работой (1873 г.) (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 105—124); см. также «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951.

³³ Имеется в виду Бернский конгресс буржуазной «Лиги мира и свободы», одним из руководителей которой до октября 1868 г. был Бакунин.

тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, — и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица; уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и включает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Отсюда — полное воздержание от всякой политики... Проповедовать рабочим воздержание от политики при всех обстоятельствах, — заключал Ф. Энгельс, — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев»³⁴.

Философские взгляды Бакунина представляли собой эклектическую смесь идеализма и метафизики с обрывками исторического материализма. Бакунину, как известно, казалось, что он разделяет материалистическое понимание истории. Однако в то же время он утверждал, что «частная собственность является лишь следствием авторитарного принципа». Эту теоретическую «загадку» Г. В. Плеханов объясняет тем, что Бакунин «совершенно не усвоил материалистического понимания истории, он был лишь «софистицирован» этим учением»³⁵.

Идейными предшественниками анархизма Бакунина были «отцы анархии» — М. Штирнер и П. Прудон. Бакунин продолжал борьбу Прудона против марксизма, но ему пришлось действовать в условиях, когда массовое рабочее движение на Западе уже начало сливаться с теорией научного социализма. Анархизм, разумеется, не мог уже выступать открыто в прежней форме прудоновского индивидуализма. Бакунизм, это мелкобуржуазное течение, стал как бы маскироваться «коллективизмом» и материализмом. Прикрываясь фразами о борьбе с буржуазией, бакунисты на деле все силы направили на борьбу с революционным пролетарским движением, пролетарской партией. Бакунизм нанес огромный вред рабочему движению. Изгнание Бакунина и его единомышленников из Интернационала имело положительное значение и для дальнейшего развития русского революционного движения.

Идеи анархизма, получившие в 60—70-х годах распространение в романских странах (Франция, Италия, Испания), захватили на время и значительную часть русской революционной интеллигенции.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. М., 1953, стр. 277, 278.

³⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. IV. М., 1922, стр. 211.

Взгляды Бакунина на проблемы революционного движения и социализма в России были смесью идей анархизма с идеями утопического «крестьянского социализма». Эти взгляды Плеханов определил в «Наших разногласиях» как смешение социалистических теорий латинских стран с русскими крестьянскими идеалами, народного банка Прудона — с сельской общиной, Фурье — со Стенькой Разиным.

Анархистская программа Бакунина в применении к России изложена им в развернутой форме в первом номере журнала «Народное дело» (1868), в брошюре «Государственность и анархия» (1873) и в других его работах.

По мнению Бакунина, сельская община сможет сыграть свою роль исходного пункта социальных преобразований только при условии уничтожения государства. Община сама по себе, утверждал Бакунин, существует века и не проявляет никакого движения вперед. «...Я решительно не допускаю, — писал Бакунин, — совместимости социального преуспеяния России и развития тех зародышей, которые вот уже скоро тысячу лет действительно таятся в недрах русского крестьянского общества, с дальнейшим существованием всероссийского государства»³⁶.

Своеобразен взгляд Бакунина на роль народа в революции. Сначала он вслед за Герценом апеллировал к народу в целом, к крестьянству. Затем он стал делать ставку на «разбойные» элементы среди крестьянства и на «беспардонных юношей», т. е. на деклассированный элемент. Развивая наиболее слабые стороны «русского социализма» Герцена, Бакунин довел до крайности идеализацию русского крестьянина как «коммуниста по инстинкту». Он настойчиво доказывал, что русский народ уже готов к социалистической революции и что можно немедленно поднять его на бунт.

К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» указывают на высказывание Бакунина, характеризующее его тактику: «Что же станем мы делать? Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо... Мы должны народ не учить, а бунтовать»³⁷.

За границей и в самой России проповедь анархизма Бакуниным встретила решительные протесты, особенно со стороны последователей Н. Г. Чернышевского. Им претила анархистская «теория» уничтожения государства, авантюризм бакунистов в вопросах организации революционных сил, их идеализация бунтарства, «теория всеобщего разрушения», их гонение на науку. В известных письмах «К старому товарищу» Герцен выразил

³⁶ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 288.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 599.

свой протест против анархизма Бакунина, особенно против его гонения на науку³⁸.

Еще более решительно, чем Герцен и Огарев, против Бакунина выступила группа последователей Чернышевского, образовавшая в 1870 г. в Женеве «Русскую секцию Интернационала» (Н. Утин, А. Трусов и др.). В. И. Ленин высоко оценил место этой группы в истории русского утопического социализма, характеризуя ее деятельность как «попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал»³⁹. Г. В. Плеханов считал, что Русская секция была единственной из русских революционных групп начала 70-х годов, выражавшей неоднократно свое отрицательное отношение к теории политического невмешательства⁴⁰.

Члены секции не имели ясного представления о связи социализма и политической борьбы, особенно о значении политической борьбы в родной стране, но в общей постановке этих вопросов они примыкали к марксистскому крылу Интернационала. Они повели решительную борьбу против Бакунина и его последователей, расходясь с ними по ряду кардинальных вопросов теории и тактики русского и международного революционного движения⁴¹.

Члены Русской секции осуждали анархистскую идею отказа от политики. Они считали главной задачей революционеров систематическую пропаганду революционных идей в народных массах, подготовку народных масс к революционной борьбе. Для руководства массами они признавали необходимым создание организации, основанной на внутреннем единстве, доверии,

³⁸ Письма «К старому товарищу», в которых А. И. Герцен порывает с М. А. Бакуниним, отмечены В. И. Лениным как поворот Герцена к руководимому К. Марксом I Интернационалу и рабочему движению (см. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11).

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 260.

⁴⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, М., 1922, стр. 68.

⁴¹ Подробно о сущности этих разногласий см. Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 384—386.

Б. П. Козьмин в результате обстоятельного анализа идейного багажа Русской секции показал, что первая крупная заслуга ее состоит в том, что в момент наступившей волны анархизма и других признаков начавшегося идейного упадка члены Русской секции остались в основном верны своему учителю Н. Г. Чернышевскому. Это касается прежде всего их взглядов на революцию и государство, на значение социализма, на значение предварительной подготовки революции, революционной пропаганды и агитации и закономерности, неизбежности победы социализма, на значение в связи с этим на роль «мозгового пролетариата», т. е. передового, образованного, сознательного авангарда общества в лице революционной интеллигенции, это касается также их взглядов на социально-экономическое развитие России. В вопросах же философского мировоззрения и в некоторых проблемах социально-экономического развития России они отступали от Чернышевского.

равенстве, моральной чистоте. При революционных выступлениях они считали очень важным реалистически учитывать сложившуюся историческую обстановку.

Верные делу Интернационала и идее единства задач революционного движения Запада и России, члены Русской секции по своим взглядам на судьбы революции в России оставались в основном на позициях народнического утопического социализма. Но считая принципиально важной, не только в интересах европейского рабочего движения, но и для русского революционного движения, борьбу с анархизмом Бакунина, Маркс дал свое согласие быть представителем Русской секции Интернационала при Главном совете⁴².

В революционном движении нашей страны Русская секция сыграла определенную роль своей решительной борьбой против русского анархизма и своей пропагандой идей Интернационала в России. Но ей не удалось установить широкие связи с революционными группами в России, и вскоре она совсем сошла со сцены. Преобладающим течением в революционном народничестве к середине 70-х годов стал бакунизм.

Меньшим успехом у революционной молодежи 70-х годов пользовался П. Л. Лавров — другой виднейший идеолог народничества. Литературное наследие П. Л. Лаврова значительно. Его теоретическая, публицистическая деятельность охватывала широкий круг проблем философии, социологии, истории общественной мысли, революционного движения, литературы, искусства. Но главное внимание Лавров сосредоточил на вопросах социологии. Он известен как один из зачинателей русской школы субъективной социологии. Эклектизм Лаврова в философии и политике был вскрыт Ф. Энгельсом и подвергнут им решительной критике. Эту критику продолжил Г. В. Плеханов. Всесторонняя критика народничества, а в связи с ней и народнических взглядов П. Л. Лаврова, в частности критика его идеалистической субъективной социологии, была дана В. И. Лениным.

В демократическом движении Лавров начал участвовать со второй половины 50-х годов. В 1860 г. он издал «Очерки вопросов практической философии», которые были подвергнуты решительной критике Н. Г. Чернышевским в его знаменитой работе «Антропологический принцип в философии». Незадолго до ареста Чернышевского Лавров сблизился с ним.

Лавров вступил в тайную революционную организацию «Земля и воля». В 1866 г. он был арестован и отправлен в ссылку. До конца 60-х годов он оставался мало известным в революционной среде, но написанные им в ссылке знаменитые

⁴² См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 38.

«Исторические письма» (1869) выдвинули его в ряды «властителей дум» народнической интеллигенции,— писал Плеханов. «Исторические письма» «имели почти такой же успех, как самые знаменитые сочинения Чернышевского. Их автор вдруг приобрел огромную популярность. Передовая молодежь с удовольствием, не чуждым удивления, увидела в нем *революционера*»⁴³.

В «Исторических письмах» призыв идти «в народ», который исходил еще ранее от Герцена, получил дальнейшее обоснование с точки зрения долга перед народом. «Мы, образованное меньшинство,— обращается Лавров к интеллигенции,— поднялись к знанию и культуре за счет пота и крови народа. Интеллигенция должна уплатить народу долг. Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем»⁴⁴.

Эклектизм Лаврова, который содержался в его «Исторических письмах», как и в его иных произведениях, ярко обрисовал Плеханов. «В его исторических взглядах,— писал он,— как в земной коре при вертикальном ее разрезе, можно заметить целый ряд постепенно образовавшихся наслоений... В качестве добросовестного читателя П. Л. Лавров ознакомился со всеми выдающимися немецкими мыслителями; в качестве *эклетики* он не согласился целиком ни с одним из них, но зато ни одного из них он целиком не отвергнул. У каждого он нашел частицу истины и заботливо перенес ее в пестрое здание своих собственных исторических взглядов»⁴⁵.

В понимании закономерности исторического развития Лавров отстал не только от Чернышевского, но и от Герцена и Белинского. Его «формула прогресса» имела «внесловный» и «внеклассовый» характер, он не понимал великого, творческого значения классовой борьбы в общественном развитии. Историю, по его мнению, двигают «одинокое борющиеся личности».

П. Лавров был близко знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, наблюдал деятельность I Интернационала, был близок к деятелям Парижской коммуны, написал даже брошюру о Парижской коммуне, а также ряд статей и заметок о массовом рабочем движении на Западе, но так и не понял исторической роли пролетариата. Его представления о пролетариате были такие же, как у всех народников, т. е. он признавал, что промышленный пролетариат в Западной Европе порожден капитализмом и

⁴³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, 1883—1894. М., 1940, стр. 114.

⁴⁴ П. Лавров (П. Л. Миртов). Исторические письма. Женева, 1891, стр. 77.

⁴⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, стр. 114.

является там наиболее передовой революционной силой. Он искренне радовался успехам рабочего социалистического движения во Франции, Германии, Англии. Но он считал, что в России современного промышленного пролетариата не будет, здесь другой пролетариат, он состоит из полурбочих-полукрестьян, к тому же он слишком малочислен, чтобы играть самостоятельную политическую роль.

В отличие от революционных просветителей 40—60-х годов, которые видели в народных массах силу, способную преобразовать мир, П. Лавров видел эту силу в основном лице интеллигенции. «Осуществление прогресса» принадлежит «критически мыслящим личностям», т. е. интеллигенции,— писал Лавров⁴⁶.

Эклектизм П. Лаврова ярко сказался и в политике, в частности в его отношении к борьбе марксистов с бакунистами.

П. Лавров всегда проявлял глубокое уважение к К. Марксу и Ф. Энгельсу, которые находились с ним в длительной дружеской переписке⁴⁷. Он никогда не выступал против международного социал-демократического движения, как М. Бакунин. Но вместе с тем Лавров тогда не выступал и против анархистов, в защиту Маркса и Энгельса и их последователей. Более того, в самый разгар борьбы основоположников научного социализма с анархизмом Бакунина он осудил эту борьбу, призывая к примирению марксизма с анархизмом, за что был подвергнут решительной критике Ф. Энгельсом⁴⁸.

В понимании характера предстоящей революции в России П. Лавров стоял на точке зрения Герцена. «Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный... Вопрос *политический* для нас подчинен вопросу социальному, а в особенности экономическому»⁴⁹. «...Специальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения... есть крестьянство с общинным землевладением»⁵⁰—такова была программа лавристов. Исходя из того, что Россия стоит непосредственно перед социалистической революцией, Лавров почти не придавал значения политической борьбе.

В вопросе о государстве взгляды П. Лаврова были так же противоречивы и эклектичны, как и в других коренных проблемах теории общественного развития. Вообще Лавров относился к государству отрицательно, хотя и предупреждал, что имеет в виду лишь прошлые и настоящие, т. е. феодальные и бур-

⁴⁶ См. П. Лавров. Исторические письма, стр. 82.

⁴⁷ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 191—284.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 240.

⁴⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч. на социально-политические темы, т. II. М., 1934, стр. 26, 28.

⁵⁰ Там же, стр. 30.

жуазные государства, следовательно, он как будто не исключал возможность государства будущего. Но он сделал столько оговорок, что трудно установить его действительную позицию в этом важнейшем вопросе.

Свои взгляды П. Лавров систематически пропагандировал в редактируемых им журнале «Вперед» и газете «Вперед», получивших сравнительно широкое распространение в русском революционном подполье, среди участников интеллигентских и рабочих кружков 70-х и 80-х годов.

Ф. Энгельс в 1875 г., понимая всю непоследовательность взглядов П. Лаврова на задачи русской революционной интеллигенции, тем не менее предпочитал их для того времени, противопоставляя эти взгляды воззрениям Бакунина и Ткачева: «Редактор журнала «Вперед» требует, чтобы русская революционная молодежь чему-нибудь училась, обогащала себя серьезными и основательными знаниями, выработала способность критически мыслить правильными методами, работала в поте лица своего над саморазвитием и самообразованием. Г-н Ткачев с отвращением отвергает подобные советы...»⁵¹

Взгляды П. Лаврова на характер русского революционного движения менялись вместе с эволюцией народничества. В начале 70-х годов он отрицательно относился к бланкистским течениям в России, отстаивая идею народной революции, революции «не только для народа, но и посредством народа»⁵². На интеллигенцию возлагалась задача длительной и систематической пропаганды идеи революции. В начале 80-х годов Лавров сближается с народовольцами и склоняется к идее «захвата власти кучкой заговорщиков».

Социалистические взгляды П. Лаврова также были лишены той сравнительной цельности, какую они имели у Герцена и Чернышевского. Как отметил еще Плеханов, Лавров в одном случае изображает социализм как «исторический фазис, фатально вырабатывающийся из капиталистического строя общества»⁵³. Но одновременно Лавров указывает на сельские общины и артели как на базу социализма⁵⁴.

Заслугой Лаврова и его последователей является то, что они содействовали ознакомлению русских революционеров, и особенно передовых рабочих, с международным социал-демократическим движением⁵⁵. Как указывает П. Лавров, издаваемый им в Париже в 1872—1874 г. журнал «Вперед» считал

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 244.

⁵² П. Л. Лавров. Избр. соч., т. II, стр. 31.

⁵³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV. М., 1927, стр. 86.

⁵⁴ См. «Вперед». Двухнедельное обозрение, год второй. Лондон, 1876, стр. 67—69.

⁵⁵ П. Лавров. Из рукописей девяностых годов. Изд. Союза русских социалистов-революционеров. Женева, 1899, стр. 42.

своей обязанностью наряду с отделом, посвященным революционному движению в России, а также со статьями по вопросам рабочего движения в отдельных странах, «посвящать в каждом номере обобщающую главу тому движению, которое имело чисто интернациональный характер и которое было, в главной своей части, историей международных конгрессов».

И хотя в борьбе с бунтарской тактикой Бакунина, которую вели Маркс и Энгельс, сам Лавров занимал примиренческую позицию, лавристы боролись против бакунистов. Влияние лавристов в движении русской революционной молодежи было в начале 70-х годов довольно значительным. Но с середины 70-х годов они постепенно уступали свое место бакунистам-«бунтарям». Причина неуспеха лавристов заключалась как в крайней эклектичности, противоречивости их взглядов, так и в том, что их тактика ограничивалась почти исключительно пропагандой. А передовая молодежь России в то время все больше стремилась к активному участию в революционной борьбе. Действенная тактика Бакунина встречала у этой молодежи живой отклик. Кроме того, Бакунин в своих обращениях к молодежи неизменно подчеркивал, что он продолжает дело Чернышевского и Добролюбова. Имея весьма смутное представление о социализме и о народе, жаждущем «социальной революции», значительная часть революционной молодежи поддалась бакунистскому влиянию⁵⁶.

В противоположность Лаврову, подчинявшему политическую революцию «экономической», и Бакунину, который признавал лишь «экономическую» революцию, П. Н. Ткачев, один из виднейших деятелей революционного народничества 70-х годов, выдвигал на первый план политическую революцию. Ткачев с группой своих единомышленников основал в 1875 г. в Женеве журнал «Набат». Направление «Набата» отражает тот новый этап в развитии народничества, когда в результате «хождения в народ» выявились слабости как лавровской тактики «чистой» пропаганды, так и анархистской тактики Бакунина. Программа «Набата» представляет собой смесь идей «русского крестьянского социализма» и бланкизма — разновидности французского утопического социализма. Основные положения этой программы изложены в статьях П. Н. Ткачева в «Набате», в его брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» и в его «Открытом письме к Ф. Энгельсу».

⁵⁶ История русской литературы, т. 9, ч. 1. М.—Л., 1956, стр. 14—15. Интересно, что сам П. Лавров, как верно отметил Ш. М. Левин, своей тактикой социалистической пропаганды не отодвигал революцию на далекое будущее: он впоследствии осуждал своих сторонников в России за недостаточную революционную активность, за их переход к политике «выжидания», являющийся, как он писал, «синонимом самоубийства для всякой партии».

Ткачев, как и Бакунин, спешил «делать революцию», исходя из того, что народ всегда готов к ней. Как и Бакунин, он считал, что русский крестьянин, «если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции»⁵⁷. Но Ткачев не соглашался с утверждением Бакунина, что готовность народа к революции означает его способность совершить революцию.

Стремление Ткачева немедленно совершить революционный переворот диктовалось сознанием того, что капиталистическое развитие уже коснулось России, и чтобы спасти сельскую общину как основу социализма, необходимы быстрые и решительные действия. «Огонь подбирается и к нашим государственным формам,— писал Ткачев.—... Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены, разрознены. Против нас одно правительство со своими чиновниками и солдатами... Но что будет завтра?»⁵⁸,— спрашивает Ткачев. Завтра царская Россия может превратиться в конституционное государство, которое все будет поддерживать и, таким образом, будут упущены благоприятные условия для революции.

Таков основной мотив необходимости немедленного революционного действия. Отсюда неприемлемость для Ткачева пропагандистской тактики Лаврова, призывавшего молодежь овладевать знаниями. «Я не могу удержаться,— пишет Ткачев в брошюре «Задачи революционной пропаганды»,— чтобы не выразить снова и снова чувства глубокого негодования, которое они всегда возбуждали во мне... Учитесь! Перевоспитывайте себя! О боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям! Ждать, учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать (т. е. с революцией)? Имеем ли мы право тратить время на перевоспитание?... Знания — необходимое условие мирного прогресса, но они совсем не необходимое условие революции»⁵⁹.

Вместе с тем Ткачев отвергал и тактику Бакунина. В статьях «В чем должна состоять ближайшая практически достижимая цель революции?» и «Ораторы-бунтовщики перед русской революцией» П. Н. Ткачев решительно критикует основу бакунинской анархистской доктрины — требование разрушения государства. Он проповедует захват политической власти и создание революционного государства как предварительное условие социалистической революции. Соотношение революции и государства, при котором «революция осуществляется революционным государством», вытекает из бланкистского понимания революции как акта, совершенного узкой заговорщической организацией интеллигенции. Этот путь казался Ткачеву самым лег-

⁵⁷ П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. 3. М., 1935, стр. 91.

⁵⁸ Там же, стр. 219—221.

⁵⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 244.

ким. Он полагал, что русское государство «только издали производит впечатление мощи. На самом же деле его сила только кажущаяся, воображаемая. Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия». Русское государство, по его мнению, это государство «висящее, так сказать, в воздухе»⁶⁰. Эти взгляды Ткачева были подвергнуты решительной критике Ф. Энгельсом, который вскрыл полную несостоятельность народнического мировоззрения Ткачева, в частности его взгляда на происхождение и характер русского государства и русской общины⁶¹.

Программа «Набата», названная Г. В. Плехановым «русским бланкизмом», не получила широкого распространения в среде русских революционеров второй половины 70-х годов. Лишь в начале 80-х годов идеи Ткачева стали получать известное признание⁶² среди деятелей «Народной воли».

Среди представителей передовой русской интеллигенции, оказавших большое влияние на революционную молодежь 70-х годов, почетное место следует отнести В. В. Флеровскому. О его книге «Положение рабочего класса в России» К. Маркс писал 24 марта 1870 г. членам комитета Русской секции I Интернационала в Женеве: «Это — настоящее открытие для Европы... Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса»⁶³.

О поистине потрясающем впечатлении, произведенном этой книгой в России на молодое поколение 70-х годов, пишет О. В. Аптекман, видный деятель революционного движения того времени: «Завеса упала с глаз. *Впервые* «великая крестьянская реформа» выявилась в том виде, в каком она была в действительности. *Впервые* мы узнали доподлинно, что она действительно дала народу. И потрясающая картина народного разорения, обнищания, пауперизма встала перед нами. Это — не западноевропейский пролетариат, «свободный как птица»: это — нищий, голый, с сумой на плечах, блуждающий по деревням и селам «крещеной Руси», — нищий и голодный, прикрепленный,

⁶⁰ П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. 3, стр. 91, 92.

⁶¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 251—264; т. XVI, ч. II, стр. 388—401.

⁶² Близость заговорщической тактики Ткачева и заговорщической тактики некоторых деятелей «Народной воли» показана Г. В. Плехановым в «Наших разногласиях». Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 142—148, 153—156.

⁶³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 39.

как раб к своей галере, цепями бесправия к своей «общине»... Канун революционного паломничества «в народ» носит на себе яркую печать непосредственного могучего влияния Флеровского — его идей, его обаятельной личности»⁶⁴.

Другой семидесятник отмечает большое влияние на молодежь начала 70-х годов «Азбуки социальных наук» Флеровского. ««Азбука социальных наук», — пишет он, — вместе с «Историческими письмами» Миртова (Лаврова) и «Примечаниями к политической экономии» Чернышевского сделалась одной из самых любимых книг учащейся молодежи и всей передовой интеллигенции того времени. С этих книг начались занятия по общественным вопросам. Вокруг них сосредоточивались наиболее горячие споры «утилитаристов» и «альтруистов» семидесятых годов»⁶⁵.

Основные течения русского революционного народничества 70-х годов — пропагандистское, анархистское и заговорщическое — при всех существенных различиях между ними имели своим исходным пунктом идею крестьянской «социалистической» революции, «крестьянского социализма». Русская революционная интеллигенция 70-х годов рассматривала идеологов революционного народничества как прямых продолжателей дела Герцена, Белинского, Чернышевского. Горячие и настойчивые призывы Лаврова, Бакунина, Ткачева продолжать революционную борьбу находили живой отклик среди широких кругов передовой учащейся молодежи.

Серьезное влияние на освободительное движение России в 70-х годах оказывало рабочее движение в Западной Европе. Под влиянием деятельности находившегося тогда в апогее своей славы I Интернационала, под влиянием решений его конгрессов, отчеты о которых печатались не только в нелегальных, но частично и в некоторых легальных русских газетах и журналах, революционная интеллигенция в России предприняла первые попытки соединить русское революционное движение с международным рабочим движением. Это выразилось не только в создании Русской секции I Интернационала, но и в непосредственном участии русских революционеров в международном рабочем движении и в деятельности их в ряде других секций I Интернационала.

Беззаветная борьба парижских коммунаров с версальской контрреволюцией глубоко всколыхнула русскую революционную молодежь. «Гром парижских пушек», — писал Ленин, — разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролета-

⁶⁴ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг. 1924, стр. 73.

⁶⁵ Н. А. Малиновский. Не пора ли вспомнить? «Русская мысль», 1905, кн. IV, стр. 130.

риата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды»⁶⁶.

Виднейшие народники 70-х годов сами описали революционный подъем, охвативший народнические организации в горячие дни Парижской коммуны. «С Парижской коммуной, грозный взрыв которой потряс весь цивилизованный мир, — вспоминает С. Степняк-Кравчинский, — русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские»⁶⁷.

Народоволец И. П. Присецкий 11 октября 1881 г. в своем письме в «Вольное слово» так изображает отклик русской революционной молодежи на великую борьбу французского пролетариата: «раздались раздирающие душу стоны парижского народа, бьющегося на баррикадах. Это была Парижская коммуна. Стоны и ужас массами расстреливаемых борцов за идею, их геройская самооборона и удивительная стойкость не могли не дойти до слуха дремавшей интеллигенции... Сильная своим героизмом, своей любовью к мужику, своим самоотвержением, неопытная, несведущая молодежь двинулась по всей России с проповедью социальной революции»⁶⁸.

Настроение народнической молодежи, взволнованной революционными событиями в Европе, описала и В. Н. Фигнер, известная деятельница революционного народничества. «Мы прочитывали одно за другим, — вспоминает она, — главнейшие сочинения по истории народных движений в Западной Европе... французская революция 30-го года, а потом 1848 г. — революции во Франции, Пруссии и Австрии; Парижская коммуна 1871 года... Мы создавали иллюзию, что, если народные массы и не находятся в перманентном состоянии революции, то всегда готовы к ней, и недостает лишь искры, сравнительно ничтожного толчка, чтоб общественная буря поднялась и затопила ненавистные, обветшалые формы жизни»⁶⁹.

Несомненно, из деятельности Интернационала и Парижской коммуны большая часть русской революционной молодежи той поры сделала своеобразные выводы. В росте рабочего движения на Западе, не понимая корней этого роста, она черпала уверенность в близости революции в родной стране, в готовности к революции измученного, обманутого царем и помещиками народа.

Влияние деятельности руководимого Марксом Интернационала и Парижской коммуны на «хождение в народ» признано

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 115.

⁶⁷ С. Степняк. Подпольная Россия. СПб., 1906, стр. 10.

⁶⁸ «Историко-революционный сборник», т. II. Под ред. В. И. Невского. Л., 1924, стр. 69.

⁶⁹ В. Фигнер. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1929, стр. 95—96.

другим видным участником этого движения — Л. Дейчем. «Вскоре затем из-за границы, — читаем мы в его воспоминаниях, — где тогда гремел Первый, марксовский Интернационал, и незадолго перед тем в крови десятков тысяч рабочих раздавлена была Парижская коммуна, раздался из рядов нашей эмиграции знаменитый клич «в народ», нашедший горячий отклик в сердцах лучшей части нашей передовой молодежи»⁷⁰.

Этот период, завершившийся знаменитым «хождением в народ», имел важные последствия для дальнейшего развития «действенного народничества» 70-х годов. Это была первая серьезная проверка на опыте революционного движения народнической теории «крестьянской социалистической революции», «крестьянского социализма».

«Хождение в народ» имело своей ближайшей целью революционное воздействие на народ со стороны передовой революционной молодежи. Основная тактическая идея народников — идея связи, сближения с «народом» переходит из области теории к практике. В связи с этим проблема конкретных путей этого сближения становится в центре внимания революционной интеллигенции. Главное препятствие на пути сближения интеллигенции с народом революционеры начала 70-х годов усматривали в глубокой пропасти между положением образованной части общества и участием трудящихся масс. Отсюда отказ от дипломов, выход из учебных заведений, стремление к физическому труду, создание ассоциаций, жизнь в «коммунах» и т. д. — как средства сближения с народом.

В результате «хождения в народ» круг участников революционного движения из среды учащейся молодежи значительно расширился. В движении была вовлечена «масса энергичнейших и талантливых работников»⁷¹. Тайные кружки учащейся молодежи возникли почти во всех городах. «Хождение в народ» и пропаганда революционных и социалистических идей способствовали в известной степени появлению в 70-х годах первых нелегальных рабочих кружков в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Одессе, Киеве, Нарве, Ростове-на-Дону, Саратове и в иных городах. В революционное движение в связи с «походом в народ» были вовлечены и отдельные представители крестьянства, ремесленников, кустарей.

Что касается распространения отдельных разновидностей народнического движения, то ни одна из них не была принята нелегальными кружками в России полностью. Однако в самом начале 70-х годов в нелегальных кружках было сильно пропагандистское течение народничества.

⁷⁰ Л. Г. Дейч. За полвека. Изд. 3. М.—Л., 1926, стр. 54.

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 259.

Участники действовавшей в 1869—1873 гг. петербургской революционной группы (М. и О. Натансоны, Н. Чарушин, А. Сердюков, С. Синегуб, П. Кропоткин, С. Перовская, С. Кравчинский, Д. Клеменц и др.) и примыкавшие к ней участники некоторых иногородних кружков, также известные потом деятели революционного народничества (Н. Морозов, А. Желябов, П. Волховский, М. Фроленко и др.), ставили своей задачей издание и распространение революционной литературы. Эта работа была подготовительной для «хождения в народ».

«Хождение в народ» было порождено верой народников в «коммунистические инстинкты» крестьянина. Эта вера, разумеется, отодвигала политическую борьбу на второй план, либо ее вовсе отрицала. Неудачный опыт «хождения в народ», завершившийся массовыми арестами и разгромом нелегальных кружков, показал, что, вопреки заверениям Бакунина, крестьяне не воспринимают социалистическую пропаганду. «Я стал припоминать, — пишет Аптекман, — как холодно относился народ к социализму, и, наоборот, с какой горячностью и страстностью дебатировались те вопросы, которые касались его неотложных нужд и потребностей, которые не выходили из обычного круга его представлений и понятий о лучшей крестьянской жизни, о лучшей доле. Завеса стала спадать с моих глаз»⁷².

Вывод, сделанный народниками о необходимости перейти от пропаганды чисто социалистических (а вернее утопических) идей к агитации, которая исходила бы из насущных требований крестьян, нашел свое выражение в программе крупнейшей революционной народнической организации «Земля и воля», созданной в 1876 г. Продолжая верить, как этому учил Бакунин, что идеи общинного социализма коренятся «в умах и стремлениях народных масс»⁷³, землевольцы вместе с тем отвергли идею Бакунина о возможности немедленно поднять крестьян на революцию. «Мы, — говорится в программе «Земли и воли», — суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту»⁷⁴. Эти требования сводились к следующим четырем главным пунктам: 1) переход всей

⁷² О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 178.

⁷³ «Земля и воля», 1878, № 1; «Революционная журналистика семидесятых годов». Париж, 1905, стр. 120.

⁷⁴ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, стр. 58. Первоначальная редакция этой программы начиналась со следующего тезиса: «Из всех родов западноевропейского социализма мы всецело сочувствуем федералистическому интернационалу, т. е. анархистам, но полагаем, что осуществление анархических идеалов во всей их полноте в данный момент невозможно» (там же, стр. 54).

земли в руки сельского рабочего сословия и равномерное ее распределение; 2) мирское самоуправление, т. е. переход всех общественных функций в руки общин, полная автономия общин; 3) полнейшая свобода исповедания; 4) содействие разделению Российской империи на национальные районы соответственно местным желанием⁷⁵.

Признав, что эти и другие требования под лозунгом «Земля и воля» могут быть реализованы «только путем насильственного переворота», программа землевольцев предусмотрела «организаторскую» и «дезорганизаторскую» части своей деятельности.

Последняя подразумевала революционную деятельность «в войсках и главным образом среди офицерства, привлечение на свою сторону лиц, служащих в правительственных учреждениях, и террор против наиболее вредных лиц из правительства»⁷⁶. Таким образом, программа землевольцев содержала в себе наряду с бунтарской тактикой и элементы террористической тактики.

В области «организаторской деятельности» было решено отказаться от роли «странствующих» пропагандистов, от «летучей пропаганды», перейти к длительному оседанию на одном месте, к организации «поселения в народе». Поселением в деревне на длительный срок преследовалась цель завоевать доверие местных крестьян или хотя бы части из них. Наконец, важнейшим уроком из «хождения в народ» было решение создать централизованную строго законспирированную организацию революционеров, призванную руководить всем движением. Идея такой организации не была новой, ее выдвигали и в значительной мере осуществили русские революционеры еще в 60-х годах, создав первую «Землю и волю». Но вторая «Земля и воля» была более многочисленной и значительно более активной боевой организацией.

Создание централизованной организации, без которой невозможна была планомерная, систематическая революционная борьба с царским самодержавием, В. И. Ленин считал крупным достижением русского революционного движения.

Но печальный опыт «хождения в народ» не поколебал идейных истоков землевольцев; они оставались на прежних

⁷⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. М., 1930, стр. 58—59.

⁷⁶ Возникновение, состав и деятельность этой организации освещены в марксистской литературе прежде всего Г. В. Плехановым. Из личных воспоминаний на эту тему наиболее полной является книга: О. В. Аптекин. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Из специальных работ см. П. С. Ткаченко. К вопросу о возникновении и составе «Земли и воли» 70-х годов XIX в. «Уч. зап. МГУ», вып. 156. Труды кафедры истории СССР, 1952.

позициях утопического крестьянского социализма бакунистского толка. В программу «Земли и воли» вошли основные догмы М. Бакунина. Политическая борьба по-прежнему осуждалась как измена социализму. Главную задачу социалистов землевольцы по-прежнему видели в том, чтобы поднять народ против всякого государства вообще во имя «свободной федерации свободных общин». Хотя отсутствие сплоченности и организованности среди крестьянства и признавалось, землевольцы продолжали верить в то, что народ все же восстанет «по натуре», что главное средство революционного воспитания масс — «бунты», а главная сила в революции — крестьянство. Но русским народникам-бунтарям 70-х годов пришлось иметь дело не с государством вообще, а с государственным аппаратом царизма. «...Агитация,— справедливо пишет Плеханов,— возможна была в деревне, сводилась к протесту против *нынешнего полицейско-сословного государства*. Проклинавший «политику» бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором*...»⁷⁷.

Бунтарская тактика последователей Бакунина в России в конечном счете имела то положительное значение, что она, толкая революционную молодежь на практические действия, на опыте доказала несостоятельность анархизма, в частности анархистской теории политического воздержания. «Бунтарство,— пишет Плеханов,— в отношении своего идейного содержания хромало на обе ноги. Но бунтари имели большое преимущество: это были энергичные *люди дела*. И чем настойчивее они пытались осуществить свое дело, чем больше энергии они проявляли в своей агитации в народе, тем отчетливее выступало непримиримое противоречие между логикой их учения и объективной логикой русской общественной жизни»⁷⁸.

Попытки землевольцев при помощи «поселения в народе» установить прочные связи с народом, лучше ознакомиться с его нуждами, выявить из народной среды «народных вожаков», а также организовать боевые дружины не увенчались успехом. Ни одна из этих задач не была решена. Громадное большинство землевольцев пришло к заключению, что их цели осуществить невозможно, как невозможно при господстве царского самодержавия и широкая революционная агитация. В среде революционных народников начались новые разногласия, новые споры о дальнейших путях революционной борьбы. Неудача «поселения в народе» вызвала еще более сильное разочарование и еще более глубокий кризис среди революционной интеллигенции, чем «летучая пропаганда».

⁷⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. IX. М., 1923, стр. 17.

⁷⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, стр. 15—16.

Несостоятельность попыток революционной народнической интеллигенции поднять «народ на социальную революцию» стала ощущаться лучшими ее представителями в связи с нараставшей в стране в конце 70-х годов революционной ситуацией.

На фоне повысившейся активности масс чаще вспыхивали крестьянские волнения, росло число рабочих стачек, особенно выделялись крупные стачки 1878—1879 гг. в столице, усиливалась оппозиция в широких кругах интеллигенции в связи с крупными политическими процессами, все очевиднее становился ничтожный результат деятельности народников в деревне. Между тем царское правительство подавляло малейшие проявления общественного протеста, особенно усилились репрессии против организованных попыток антиправительственной пропаганды. Многие народники говорили, что в условиях наступившего тяжелого политического гнета царизма их деятельность в народе по подготовке его к социалистической революции явно обречена на неудачу и, в сущности, им приходится тратить все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед. В этой обстановке большинство народников стало все больше склоняться к выводу, что их дальнейшая деятельность в деревне бесполезна и бесперспективна.

Г. А. Лопатин, один из виднейших деятелей революционного движения, по приезде из очередной длительной поездки по России так характеризовал в письме к Ф. Энгельсу от 23 ноября 1878 г. положение в землевольческой организации: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные из революционеров перешли, инстинктивно, на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто сознаться в этом. Эта политическая борьба носит, правда, пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести против некоторых лиц и попытками освободить отдельных товарищей»⁷⁹. Таким образом, уже к лету 1878 г. переход от бунтарской тактики к тактике политической борьбы с правительством становился очевидным даже для приезжавшего из-за границы русского революционера. При этом важно свидетельство Лопатина о том, что этот переход был вызван прежде всего бесплодностью деятельности землевольцев в деревне, а также усилившимися репрессиями со стороны царского правительства.

Идея, воспринятая русскими революционерами в 60-х годах от Чернышевского, заключалась в том, что условием широкой

⁷⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 230.

социалистической пропаганды в народе является уничтожение царского самодержавия, т. е. борьба за политическое освобождение России. Эта идея к концу 70-х годов, после длительного увлечения бакунистской тактикой «политического воздержания», стала снова овладевать большинством русских революционеров. Такой прогресс в сознании землевольцев был достигнут чисто эмпирическим путем, в результате неудачной практики агитации в деревне.

В июне 1879 г. большинство землевольцев, ставшее на точку зрения политической борьбы, образовало партию «Народная воля». Тогда же был создан знаменитый «Исполнительный комитет» этой партии. Меньшинство землевольцев, которое упорно сопротивлялось новому курсу, но не способно было отстоять старый, образовало свою группу «Черный передел».

Народовольцы остались верны идеям революционного народничества. «По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники», — так начинается «Программа Исполнительного комитета «Народной воли»»⁸⁰.

В программе народовольцев не подчеркивается первенствующее значение аграрного вопроса по сравнению с фабричным, как это сделано в землевольческой и чернопередельческой программах⁸¹. Но отдельные пункты программы народовольцев, утверждавшие, что политический переворот должен совпасть с социальным, взгляды народовольцев на экономические отношения в России, высказанные ими на страницах их главных органов печати — «Народная воля» и «Вестник Народной воли», указывают на то, что они в коренных вопросах развития русской революции — о судьбах капитализма в России и о сельской общине — оставались в основном на позициях старого «крестьянского социализма».

Народовольчество тем не менее явилось не только последним, но и высшим этапом в развитии революционного народнического движения. Признание необходимости бросить все революционные силы на борьбу с царским самодержавием, чтобы добиться политической свободы, было шагом вперед в развитии русской революционной мысли и революционного движения. О переходе от землевольчества к народовольчеству В. И. Ленин писал: «Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полуанархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социалистом... Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба

⁸⁰ «Литература партии «Народной воли». М., 1930, стр. 49—51, 310, 311.

⁸¹ См. «Земля и воля», 1878, № 1; «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 114—125.

за учреждения, выгодные буржуазии. Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось»⁸².

Шагом вперед была линия «Народной воли» на сосредоточение революционной деятельности не в деревне, а в городе и попытки народовольцев привлечь к борьбе с самодержавием представителей различных слоев общества. Важнейшими задачами подготовки революционного переворота народовольцы считали: «1) создание центральной боевой организации, способной начать восстание; 2) создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание; 3) обеспечить восстанию поддержку городских рабочих; 4) подготовить возможность привлечения на свою сторону войска, или парализования его деятельности; 5) заручиться сочувствием и содействием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе; 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы»⁸³.

«...Они постарались,— писал о народовольцах Ленин,— привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»⁸⁴. Программа партии «Народная воля» предусматривала наряду с террористической деятельностью — пропагандистскую и агитационную⁸⁵. А. И. Желябов, С. Л. Перовская и другие народовольцы при организации покушения на жизнь царя и его ставленников поддерживали связь с рабочими кружками Петербурга.

Народовольцы за сравнительно короткий отрезок времени еще шире, чем это сделали землевольцы, развернули революционную пропаганду среди интеллигенции и передовых рабочих, а также среди военных, главным образом офицеров. Кружки народовольцев вели революционную пропаганду в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе и ряде других городов России.

«Народная воля» много сил положила на то, чтобы создать свою организацию, сделать ее крепкой, централизованной и хорошо законспирированной. Но это была чисто заговорщическая организация, непригодная для руководства массовым, народным движением.

Намечая широкую политическую программу организации революционного переворота при участии различных слоев народа, утверждая, что народовольцы идут «не только за на-

⁸² В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 54.

⁸³ «Литература партии «Народной воли», стр. 306.

⁸⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 442—443.

⁸⁵ «Литература партии «Народной воли», стр. 306.

род, но и с народом»⁸⁶, «Народная воля» на деле, на практике не выходила за рамки узко заговорщической тактики политического террора одиночек. Опираясь на неверную теорию и не связывая революционное движение с классовой борьбой, оставаясь в плену утопического народнического социализма и не видя перспектив массового рабочего движения, народовольцы понимали политическую борьбу узко, лишь как террористические действия хорошо законспирированной группы революционеров против царя и его ставленников.

В эклектическом сочетании взглядов утопического «крестьянского социализма» с идеей борьбы за политическую свободу и сказалась внутренняя идейно-политическая несостоятельность народовольцев, неспособных вывести русское революционное движение из того тупика, в котором оно оказалось к концу 70 — началу 80-х годов.

В отличие от народовольцев, пришедших к выводу о необходимости борьбы за политическую свободу, чернопердельцы остались на прежних землевольческих позициях. Они продолжали отстаивать старую полуанархистскую программу и тактику, по-прежнему утверждая, что народ готов к «социальной революции».

При этом чернопердельцы черпали доводы в пользу своей тактики против народовольцев в фактах роста недовольства масс, в частности в росте стачечного рабочего движения конца 70-х годов. «Мы сами виноваты,— писал в 1880 г. Г. В. Плеханов, один из главных деятелей «Черного передела» в то время,— если не воспользовались многими представлявшимися нам случаями усилить свое влияние и сделать популярным и свое имя в народе. Стоит лишь,— продолжал он,— припомнить волнения казаков на Урале, в Полтавской станице Кубанского войска и на Дону; стачки рабочих в Серпухове, Костроме, селе Тайкове (видимо, Тейкове.— Ю. П.), наконец, Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, чтобы увидеть, как обильна была наша жатва и как мало оказалось жнецов»⁸⁷. Таким образом, в неудаче пропаганды в деревне идей «социальной революции» Плеханов винил не утопичность теории народнического социализма, а саму революционную интеллигенцию.

Программные заявления в журнале «Черный передел», написанные главным образом наиболее видными деятелями этой организации — Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, теоретически крайне беспомощны, представляют собой пережевывание старых догм землевольцев середины 70-х годов. Правда, в последних номерах журнала (всего в 1880—1881 гг. было из-

⁸⁶ Там же, стр. 218.

⁸⁷ «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М., 1923, стр. 190—191.

дано пять номеров) уже признавалась необходимость политической борьбы и усиления пропаганды среди рабочих.

За рабочим движением по-прежнему не признавалось роли ведущего фактора, его подчиняли крестьянскому движению, задаче социальной «крестьянской революции».

Оставшись в основном на прежних позициях, т. е. позициях революционных народников полуанархистского толка, чернопередельцы в своих идейных взглядах наиболее ярко отразили тот факт, что революционное народничество себя исчерпало.

Многолетние самоотверженные героические усилия лучшей части революционной интеллигенции поднять народ на «социальную революцию» или своими собственными силами пробить ему путь к осуществлению идей «крестьянского социализма» оказались безрезультатными. Революционное движение интеллигенции зашло в тупик.

Опыт практической деятельности толкал лучших представителей обеих фракций революционных народников к глубокому осмысливанию того, что собой представляла с научной точки зрения та теория «крестьянского социализма», на которой зиждилась их революционная деятельность.

* * *

Даже самый общий взгляд на важнейшие моменты развития русской домарксистской революционной мысли показывает, с какой самоотверженностью передовые люди России той эпохи искали верный путь к политическому и социальному обновлению своей великой Родины.

Какое же значение имели эти поиски для появления марксизма в России? В каком смысле русские революционеры-демократы являлись предшественниками русской социал-демократии?

На этот вопрос марксистская литература дала ответ еще в 90-х годах прошлого столетия в трудах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Тем не менее при конкретном исследовании этой темы мы встречаем в литературе различное понимание указанного вопроса.

Некоторые наши историки, как отмечалось, приписывают предшественникам марксизма в России — революционным демократам — даже заслугу распространения идей марксизма и пытаются найти у них те или иные идеи или положения марксизма. Такое буквальное понимание слова «предшественники» антинаучно.

Преемственность русских марксистов по отношению к предшествовавшим поколениям революционеров состоит отнюдь

не в элементах марксизма, которых на самом деле и не было в воззрениях последних, а в том, что русские революционные демократы самостоятельно поднялись на ту вершину домарксистской мысли, за пределами которой находится уже мировоззрение нового класса — пролетариата.

Имеются различные суждения по вопросу о том, кого следует считать предшественниками русской социал-демократии.

В знаменитой книге «Что делать?» В. И. Ленин, подчеркивая громадную роль передовой теории для революционной марксистской партии, советовал русским марксистам вспомнить «о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»⁸⁸. Это положение В. И. Ленина толковалось в нашей литературе различно. Были и такие, которые считали, что к предшественникам можно отнести только Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Революционеры 70-х годов, вопреки Ленину, не признавались предшественниками⁸⁹.

Многочисленные оценки В. И. Лениным представителей ряда поколений русских революционеров-демократов 60-х и 70-х годов дают основание считать, что следует различать понятие предшественники в широком политическом смысле и в более узком идейно-теоретическом.

Предшественниками русских марксистов в широком политическом смысле следует считать не только Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, но и революционеров 70-х годов, отличавшихся боевым демократизмом и беззаветной самоотверженной борьбой с царским самодержавием. Имея в виду именно эту их борьбу, Ленин и назвал революционеров 70-х годов «нашими предшественниками»⁹⁰. А в идейно-теоретическом отношении Ленин, разумеется, выделял из предшественников русских марксистов прежде всего Н. Г. Чернышевского.

Основоположники научного социализма высоко ценили теоретические искания предшественников русской социал-демократии; тот большой вклад, который они внесли в науку, культуру и освободительное движение. Ф. Энгельс, подводя итоги развития передовой домарксистской мысли в России, писал в 1884 г.: «Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой

⁸⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342.

⁸⁹ См. В. Кирпотин. Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России. М., 1930, стр. 68.

⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 345.

теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского»⁹¹.

Русские революционные демократы 40—60-х годов, помимо влияния передовых идей своих соотечественников, испытали на себе влияние тех же идейных течений, что и основоположники научного социализма: немецкой классической философии, английской политической экономии и французского социализма.

Деятельность русских революционных демократов, по сравнению с предшественниками Маркса и Энгельса, протекала в более поздний период, в обстановке более развитых форм классовой борьбы.

Русские марксисты появились на арене истории, когда теория научного социализма уже была детально разработана Марксом и Энгельсом. Это помогло им преодолеть историческую ограниченность своих предшественников.

Представляет интерес также идея создания русскими революционерами 60-х и 70-х годов конспиративной организации и ее практическое осуществление. Русские марксисты критически переработали и этот опыт.

Революционная практика 70-х годов имела для последующего марксистского периода очень важное значение еще и тем, что она вскрыла и наглядно показала несостоятельность всех и всяческих народнических течений, в частности анархизма.

Объясняя причины ничтожного влияния анархистов в России после 70-х годов, В. И. Ленин указал, что наряду с систематической борьбой русских марксистов важное значение имело то обстоятельство, что анархизм «имел возможность в прошлом (70-ые годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность, как руководящей теории для революционного класса»⁹².

Такую же роль сыграла и заговорщически-террористическая тактика народовольцев, которая продемонстрировала свою полную несостоятельность, вызвав глубочайший идейный кризис среди народнической интеллигенции.

Революционное народническое движение 70-х и начала 80-х годов являлось закономерным этапом поисков верной революционной теории. Историческое значение этого движения заключалось в том, что оно «приняло здесь,— по словам Энгельса,— форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы умственного и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, вера, от которой не был совсем

⁹¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 277.

⁹² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 16.

свободен, как мы видели, и Чернышевский, эта вера,— подчеркивал Энгельс,— сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов... Таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции»⁹³. Предшественники марксизма в России создали традицию непримиримой борьбы с царским самодержавием.

Россия стала в авангарде борьбы за социализм. Но это ее положение определилось другими историческими условиями и иными социально-экономическими и идейными предпосылками, нежели те, которые породили утопический «крестьянский социализм».

2. РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 60—80-х ГОДАХ XIX В. И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

После революции 1848—1849 гг. Россия оставалась единственной крупной европейской державой, в которой продолжал господствовать феодально-крепостнический режим. Но не прошло и полутора десятка лет, как и в ней пало крепостное право.

С начала 60-х годов, после отмены в России крепостного права, начались глубокие и резкие перемены во всей ее экономической и общественной жизни. Капиталистическая система, ставшая к тому времени господствующей мировой системой, неминуемо втягивала Россию в водоворот буржуазных отношений. Россия становилась капиталистической страной. Однако смена старых, феодально-крепостнических, отношений новыми, буржуазными совершалась здесь в условиях сохранившихся сильных многочисленных остатков крепостничества, опутывавших все общественные отношения в стране, что определяло своеобразие развития капитализма и борьбы классов в России.

По известным подсчетам В. И. Ленина, к концу XIX в. 10,5 млн. беднейших крестьянских дворов (т. е. около 50 млн. населения России) имели 75 млн. десятин земли, а 30 тыс. семей помещиков (около 150 тыс. населения) — 70 млн. десятин земли⁹⁴.

Господство крупного дворянского землевладения, малоземелье крестьянства, значительное распространение остатков крепостнической отработочной системы, выкупные платежи, многочисленные крестьянские повинности и поборы помещиков

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 399.

⁹⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 63.

и царской власти, наконец, политическое бесправие народа при диком произволе царских чиновников — все эти непосредственные пережитки крепостничества оказывали разрушающее действие на крестьянское хозяйство, на жизнь и быт крестьянской массы, которая была доведена до нищеты.

Но наряду с деградацией мелкого патриархального крестьянского хозяйства в деревне шел процесс развития капитализма, который выразился прежде всего в росте товарности сельского хозяйства, в частности в росте товарности хлеба как в помещичьих, так и в зажиточных крестьянских хозяйствах. После реформы усилился начавшийся еще ранее процесс разложения, распадаения когда-то единого патриархального крестьянства, появились в деревне новые типы социальных групп — сельская буржуазия и сельский пролетариат. Этот процесс шел особенно интенсивно в 80 — начале 90-х годов в связи с мировым аграрным кризисом.

Как показал В. И. Ленин⁹⁵, этот процесс к тому времени зашел уже далеко: около 60% всего крестьянского населения не могло прокормить себя и свои семьи за счет доходов от сельского хозяйства. Эта масса становилась главным источником рабочей силы и для кулацко-помещичьего сельского хозяйства и для капиталистического производства.

Одним из важнейших показателей развития капиталистического производства в России явилось создание здесь железнодорожного транспорта, которого к моменту падения крепостного права страна почти не имела. Необходимость быстрого строительства железных дорог диктовалась как военными соображениями, так и всем ходом капиталистического развития страны.

Высший подъем железнодорожного строительства в России за период 60—80-х годов XIX в. падает на середину названного двадцатилетия. Именно в это время в основном были построены крупнейшие железнодорожные магистрали (кроме Екатеринбургской в Донбассе и Сибирской), связавшие Москву с бассейном Волги, а также с портами Прибалтики и Черного моря, с городами на западе и на юге страны, что способствовало развитию всероссийского сельскохозяйственного рынка. Вместе с тем железные дороги дали выход продукции Центрально-промышленного района в другие местности России, в том числе и на далекие окраины, что повело к усиленному росту капитализма не только в центре, но и в национальных районах.

Коренные изменения, которые внес быстрый рост капитализма в жизнь русского общества, в жизнь трудящихся классов — пролетариата и крестьянства, а также в развитие передовой рус-

ской мысли, были связаны прежде всего с ростом крупной промышленности.

Падение крепостного права застало русскую промышленность на мануфактурной стадии развития: в большинстве отраслей промышленности, как тяжелой (особенно горной и горнозаводской), так и легкой (кроме бумагопрядильной, ситцебавивной и некоторых других), господствовали мелкое производство и ручной труд. Превращение ремесленно-мануфактурного производства в крупную машинную индустрию началось в России еще накануне падения крепостного права, но протекало главным образом в 60—80-х годах XIX в. В основной отрасли капиталистической промышленности России — текстильной и прежде всего в хлопчатобумажной — еще в 40—50-х годах XIX в. паровые машины и механический ткацкий станок стали вытеснять ручное ткачество. Но до реформы 1861 г. распространение механического ткацкого станка шло медленно. Преобладала раздаточная система в сочетании с ручным ткачеством. Фабричное производство в текстильной промышленности получило широкое распространение в 60-х и особенно в 70-х годах XIX в.⁹⁶

Текстильная промышленность была размещена в исконных промышленных районах страны — Московской, Владимирской, Петербургской и Тверской губерниях, — где капитализм начал развиваться сравнительно раньше, чем в других местностях центральной России. Этому благоприятствовало наличие развитой домашней промышленности и дешевых рабочих рук, близость рынков сбыта и удобные пути сообщения. Домашнее ручное производство, не выдерживавшее конкуренции фабрики, все более сокращалось и замирало. Фабричные села с их раздаточными конторами и светелками превращались в центры крупной фабричной промышленности, а кустари — в наемных рабочих. Развитие хлопчатобумажной промышленности в России в пореформенный период сопровождалось ростом концентрации производства. По данным Н. Я. Масленникова, в 1866 г. на хлопчатобумажных фабриках с числом рабочих свыше тысячи

⁹⁶ О степени вытеснения машинной индустрией внефабричного мелкого производства говорят следующие данные: в 1866 г. вне фабрик было произведено 1398,7 тыс. кусков хлопчатобумажных тканей, что составляло около 35% от производства тканей на фабриках и мануфактурах. В 1879 г. выработка на дому упала до 1034,7 тыс. кусков, что составляло 7% от фабричного производства. См. П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.—Л., 1946, стр. 34. По данным Туган-Барановского, на хлопчатобумажных фабриках в 1866 г. по 50 губерниям Европейской России было занято: на фабриках — 94,5 тыс. рабочих, на дому — 66,1 тыс., в 1879 г. соответственно 162,6 тыс. и 50,1 тыс., в 1894—1895 гг. — 242,0 тыс. и 20,4 тыс. См. М. Туган-Барановский. Русская фабрика. М.—Л., 1934, стр. 352.

⁹⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 112—116.

работало 43,2%, а в 1879 г.— 56,9% всего числа рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности⁹⁷.

Значительное развитие в 60—70-х годах получили и другие отрасли легкой промышленности, особенно пищевая.

В важнейших отраслях горной и горнозаводской промышленности в 60—70-е годы также произошли некоторые сдвиги; однако господствовавшая здесь веками примитивная и рутинная техника крепостной эпохи, сохранение монополии и владельческого права уральских заводчиков-помещиков и личной зависимости от них прикрепленного к ним горнозаводского населения обусловили весьма замедленное развитие технической революции. Пережитки крепостничества, особенно живучие на Урале — главным центре русской металлургии крепостной эпохи, — сильно тормозили развитие здесь производительных сил⁹⁸. Крайне медленно шел также технический прогресс в горной и горнозаводской промышленности московского района.

На юге, в Донбассе и Криворожье, которые стали в 80-х и 90-х годах XIX в. главными центрами металлургической и угольной промышленности капиталистической России, 60-е и 70-е годы были временем зарождения этих отраслей промышленности. Здесь царили ручной труд и самая примитивная техника.

В целом тяжелая промышленность России в 60—80-х годах XIX в. оставалась на жалком уровне развития по сравнению со странами Запада и США, хотя производство чугуна, добыча каменного угля, нефти повышались. Исключительно быстрое железнодорожное строительство, о котором говорилось выше, хотя и стимулировало развитие тяжелой индустрии, но решающего влияния на ее рост оказать не могло, так как большая часть металла для строительства железных дорог импортировалась из-за границы. В середине 70-х годов потребление черного металла в России составило в общем 64 млн. пудов, а производилось в ней всего лишь 26 млн., иными словами, строительство железных дорог в России стимулировало не столько развитие отечественной тяжелой промышленности, сколько развитие промышленности западноевропейских стран.

⁹⁷ За 1866—1879 гг. число фабрик, насчитывавших свыше тысячи рабочих, увеличилось с 26 до 41, насчитывавших рабочих от 500 до 1 тыс. — с 27 до 44, с числом рабочих от 100 до 500 — с 115 до 118. См. Н. Я. Масленников. К вопросу о развитии фабричной промышленности в России. «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VI. СПб., 1889, стр. 264.

⁹⁸ Отсталая техника начала вытесняться здесь усовершенствованной машинной техникой в основном лишь в 90-х годах XIX в. «Горнозаводская промышленность России». СПб., 1893, стр. 50; С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 87—92.

Таким образом, в силу указанных выше причин, задержавших рост и развитие крупной промышленности в России, в силу преобладания в промышленности отсталых форм производства, мануфактуры и работы на дому процесс образования класса фабрично-заводских городских рабочих в 60—70-х годах XIX в. далеко еще не был завершен. Рабочий класс оставался малочисленным и в массе своей был еще тесно связан с мелким крестьянским и кустарным производством, из недр которого он вышел.

Накопление крупных капиталов за счет разорения основной массы трудящегося крестьянства и усиления эксплуатации пролетариата, дальнейшее расширение сети железных дорог, а с ним и товарного обращения, рост техники производства и кадров квалифицированных рабочих, капиталистическая организация торговли, банковского дела, кредита, накопление опыта руководства крупной капиталистической промышленностью, — все это обусловило исключительно быстрые темпы развития капитализма в России в 80-е и особенно в 90-е годы XIX в.

В этом процессе значительную роль играла проводившаяся царским правительством покровительственная политика по отношению к отечественной промышленности, а также вторжение в промышленность России, особенно в тяжелую индустрию, иностранного капитала.

В результате экономического кризиса, который был частью мирового кризиса, в Петербурге, Москве и других промышленных городах в 1882—1886 гг. произошло значительное сокращение производства, вначале в легкой промышленности, а вскоре и в других отраслях⁹⁹. Кризис сопровождался упадком железнодорожного строительства, что, в свою очередь, сказалось на развитии металлургической и металлообрабатывающей промышленности, которые к тому времени, как мы видели, и без того находились на низком уровне.

Уже с 1887 г. началось оживление промышленности, которая после непродолжительного кризиса 1890 г. делает новые скачки вверх, перешедшие во второй половине 90-х годов в бурный промышленный подъем.

Развитие крупной фабричной хлопчатобумажной промышленности уже в 60—70-х годах нанесло решающий удар по ручному ткачеству. В 80-х годах пробил час ручного полотняного, шелкового и других производств. С появлением фабричного гвоздя и других фабричных металлических изделий начался упадок и кустарного железного производства. Таким образом,

⁹⁹ С. Струмилин. Промышленные кризисы в России. — «Проблемы экономики», 1940, № 2, стр. 120—121. Общую характеристику кризиса 1882 г. читатель найдет и в кн.: Л. Мендельсон. Мировые экономические кризисы и циклы XIX века. Госполитиздат, 1949, стр. 594—597.

к началу 80-х годов мануфактурное производство в ведущих отраслях промышленности перешло в фабричное. Фабрично-заводское производство разоряло громадные массы бывших мелких хозяев, выбрасывая их на рынок труда в качестве продавцов рабочей силы.

80-е годы и начало 90-х годов были временем дальнейшего быстрого развития главной отрасли крупной промышленности царской России — текстильной. Особенно значительный рост наблюдался в хлопкообрабатывающей промышленности, занимавшей ведущее место среди отдельных видов текстильных производств¹⁰⁰. По хлопчатобумажному производству Россия занимала в середине 90-х годов XIX в. второе место в Европе.

В текстильной промышленности за это время значительно возросла концентрация. Так, в 1890 г. в России насчитывалось 59 хлопчатобумажных фабрик с числом рабочих свыше 1 тыс., что в сравнении с 1879 г. дает рост на 40%, в то время как число фабрик, насчитывавших менее тысячи рабочих, увеличилось незначительно¹⁰¹.

Быстрее в этот период стала развиваться и машиностроительная промышленность¹⁰². Важнейшими ее центрами были столичные города — Петербург и Москва. Здесь были сосредоточены крупнейшие механические заводы (Александровский, Балтийский, Путиловский, Невский и другие — в Петербурге; Бромлей, Лист, Вейхвельд и другие — в Москве) и железнодорожные мастерские при главнейших магистралях. В 1890 г. в Петербурге насчитывалось 33 машиностроительных предприятия с 13 191 рабочим¹⁰³, а в Москве — 44 с 9478 рабочими¹⁰⁴. Близ Москвы расположилось одно из крупнейших предприятий страны — Коломенский машиностроительный завод. Назовем также завод Московского товарищества механических изделий в Подольске.

Машиностроение получило развитие и в других городах Центрально-промышленного района и юга России. Тяжелое машиностроение, за исключением транспортного, было развито

¹⁰⁰ О быстром развитии крупного машинного производства в этой отрасли говорят данные о числе механических ткацких станков. В 1860 г. их было около 11 тыс., в 1890 г. — около 87 тыс. В 1895 г. механических станков было уже 108 тыс. См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 414; «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», СПб., 1901, стр. 3.

¹⁰¹ П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Изд. 3. СПб., 1894, стр. IX; П. А. Орлов. Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и вел. княжеством Финляндским. СПб., 1881, стр. 48—80.

¹⁰² «Производительные силы России», СПб. [1896], отд. XII, стр. 5.

¹⁰³ П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России, стр. 756.

¹⁰⁴ Там же, стр. 752.

слабо. Преобладало среднее и мелкое машиностроение. В машиностроении, в целом, Россия сильно отставала от крупных западноевропейских стран.

За эти годы усилилось развитие производства сталелитейного, рельсового и разных металлических изделий. Главные центры этих производств — Екатеринославская губ. и Петербург. Быстрое развитие указанных отраслей промышленности обусловило рост числа рабочих металлистов. Этот отряд пролетариата почти целиком сложился в пореформенный период и особенно в последнем десятилетии XIX в. Насчитывая в 1887 г. 113,3 тыс., он вырос в 1897 г. до 214,3 тыс. человек¹⁰⁵.

Со второй половины 80-х годов начался рост горной и горнозаводской промышленности, ставший особенно интенсивным с начала 90-х годов. «...Развитие горной промышленности идет в России быстрее, чем в Зап. Европе, отчасти даже быстрее, чем в Сев. Америке», — писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»¹⁰⁶.

Сравнительно быстрый рост металлургической промышленности России в 80—90-х годах XIX в. стимулировался развернувшимся к тому времени широким строительством железных дорог. Половина полученной стали уходила на рельсы.

До начала 80-х годов в русской металлургии продолжал господствовать Урал, на Юге к началу 80-х годов были заложены лишь предпосылки дальнейшего развития названной отрасли, бурный рост которой начался лишь после соединения железными дорогами Донецкого угольного бассейна с Криворожьем. Оттеснение Урала Югом по производству стали относится ко второй половине 80-х годов, по производству чугуна — к середине 90-х годов. Коренные причины отставания Урала и необычайно быстрого роста Юга вскрыты В. И. Лениным.

В 80-х и первой половине 90-х годов XIX в. были построены новые металлургические заводы на юге России, на Урале и в Замосковском районе. Важнейшим итогом технического прогресса в области металлургии в этот период является вытеснение доменных печей на холодном дутье печами на горячем. Выплавка чугуна на минеральном топливе в тот же период значительно возростала по сравнению с выплавкой его на древесном, отсюда и перемещение центра чугуна и стали с Урала на Юг с его неисчерпаемыми залежами минерального топлива.

Добыча каменного угля в России за изучаемый период возросла более чем в 2 раза. Еще более бурными темпами росла

¹⁰⁵ «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1887 гг.». СПб., Изд. Деп. торг. и мануф., 1889, стр. 94—105; «Свод данных фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.». СПб., 1900, стр. 134—151.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 428.

за это время добыча нефти. С 1880 по 1894 г. она увеличилась в 15 раз. Нефть добывалась и обрабатывалась в тот период почти исключительно в Бакинском районе¹⁰⁷. Быстрый рост добычи нефти в этот период был также связан с техническим прогрессом.

Таким образом, 80-е и начало 90-х годов XIX в. отмечены быстрым ростом горной и горнозаводской промышленности на базе технического прогресса. Рост в России тяжелой промышленности в эти годы привел к появлению новых отрядов пролетариата — рабочих тяжелой промышленности, металлостроителей, угольщиков, нефтяников.

Одной из важнейших особенностей развития русского капитализма было, как известно, несоответствие между общей экономической отсталостью царской России и высоким уровнем концентрации русской промышленности. Еще в конце XIX в. Россия по степени концентрации промышленности занимала первое место в мире.

* * *

В 80-х — начале 90-х годов окончательно определились важнейшие центры крупной капиталистической промышленности России. Петербург, столица государства и самый главный культурный центр страны, был и крупнейшим городом русской промышленности. По технической оснащенности производства, по количеству паровых двигателей, машин, по степени концентрации производства, по уровню производительности труда петербургская промышленность занимала первое место в России и являлась, таким образом, ведущим центром технического прогресса.

Главной отраслью петербургской промышленности была металлургическая, особенно машиностроительная; за ней шла текстильная¹⁰⁸. За 25-летний период пореформенной эпохи (1865—1890) пролетариат Петербурга и Петербургской губ. вырос с 33 458 до 73 948 человек, т. е. более чем вдвое, из них число рабочих-металлистов увеличилось с 10 954 до 21 471, текстильщиков — с 10 560 до 24 459, рабочих пищевой промышленности — с 2745 до 13 731 человека¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Из 315,1 млн. пудов нефти, добытых в стране в 1894 г., 308,5 было добыто в Бакинской губ. См. А. Лоранский. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1894 заводском году. СПб., 1896, стр. XXX, XXXI, XLII—XLIII, 323, 346—355.

¹⁰⁸ В. К. Яценский. Роль Петербурга в промышленном развитии дореволюционной России. «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 99, 101, 103.

¹⁰⁹ С. Г. Каценельсон. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в Петербурге в 1870—1890 гг. М., 1947 (Канд. диссертация). Таблица к стр. 114—118.

По своему профессиональному составу рабочие Петербурга отличались от рабочего класса России в целом сравнительно большим удельным весом металлостроителей. В 1890 г. рабочие-металлисты Петербурга составляли около трети всего фабрично-заводского пролетариата столицы; в целом по Европейской России металлостроители составляли 10%. Концентрация пролетариата на крупных предприятиях здесь была выше, чем в Москве и других городах России. Более высоким был и процент грамотных среди рабочих. Все это, наряду с другими обстоятельствами, определяло передовую, ведущую роль петербургского пролетариата в рабочем движении России.

В народном хозяйстве России издавна громадное значение имел Центрально-промышленный район, в состав которого входили Московская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская губернии. По уровню промышленного развития Московская губерния занимала ведущее положение в Центрально-промышленном районе. К концу 80-х годов XIX в. губерния насчитывала 1737 предприятий (включая мелкие, но не менее чем с суммой производства в 2 тыс. руб.), в которых было занято около 193 тыс. рабочих, или 22% всего состава пролетариата фабрично-заводской промышленности Европейской России¹¹⁰.

О быстром хозяйственном росте Москвы свидетельствовал рост ее населения, которое за последние три десятилетия XIX в. увеличилось в 2 раза, достигнув к 1902 г. 1 092 тыс. человек¹¹¹. Быстро росла и численность московского пролетариата. В 1853 г. в крупной капиталистической промышленности Москвы насчитывалось 443 предприятия и 46 074 рабочих, в 1890 г. — 667 предприятий и 76 752 рабочих¹¹². 80—90-е годы XIX в. были периодом бурного роста Москвы и как крупнейшего железнодорожного узла страны; в связи с этим большой удельный вес в составе московского пролетариата приобрели рабочие-железнодорожники. Однако более половины всего фабрично-заводского пролетариата Москвы составляли рабочие-текстильщики¹¹³.

Наряду с крупными капиталистическими предприятиями для московской промышленности характерно также и наличие множества предприятий ремесленной и мелкой кустарной промышленности, что при расположении наиболее крупных фабрик вне

¹¹⁰ П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России, стр. 752, 760.

¹¹¹ См. «Перепись Москвы 1902 года», ч. I, вып. 2. Население. М., 1906, стр. 10.

¹¹² См. «История Москвы», т. 4. М., 1954, стр. 73.

¹¹³ Там же.

городской черты обусловило меньшую по сравнению с Петербургом концентрацию московского пролетариата.

Однако в целом промышленность Москвы и Московской губ. находилась на уровне высокой концентрации. Здесь были размещены известные текстильные мануфактуры: Даниловская, Балашихинская, Реутовская, Измайловская, Вознесенская, Воскресенская, Высоковская, Богородско-Глуховская, Рубовская, Прохоровская, Н. Н. Коншина и другие, а также ряд крупнейших и крупных машиностроительных предприятий (Коломенский завод, Доброва и Набоголец, Бромлей и т. д.).

Следующее место после Московской губ. в Центрально-промышленном районе занимала Владимирская губ. — второй истинный центр русской хлопчатобумажной промышленности; на ее 73 предприятиях трудились в 1890 г. 78 793 рабочих. Всего в текстильном производстве губернии было занято 103 509 рабочих. Промышленность Владимирской губ. также отличалась высокой концентрацией: на одной трети предприятий было сосредоточено почти $\frac{3}{4}$ всех рабочих губернии. Здесь находились крупнейшие предприятия Никольской мануфактуры Саввы Морозова, фабрики Викулы Морозова, Переяславская, Шуйская, Долматовская мануфактуры и т. д. Значительным центром крупной текстильной промышленности стал в то время и г. Иваново-Вознесенск.

К наиболее развитым в промышленном отношении районам центральной России относились также Костромская, Ярославская и Тверская губернии.

В Центрально-промышленном районе было, таким образом, сконцентрировано почти все производство текстильной промышленности России того времени. Определенное место здесь занимала и металлообрабатывающая промышленность. Кроме того, Центрально-промышленный район издавна являлся также и одним из центров горнозаводской промышленности¹¹⁴.

Таким образом, к середине 90-х годов XIX в. в центре России, во главе с Петербургом и Москвой, сосредоточились самые значительные массы фабрично-заводского пролетариата.

Исключительно бурный рост крупной капиталистической промышленности происходил в эти годы на Украине, что в значительной мере объяснялось отсутствием здесь столь сильных пережитков крепостничества, как на Урале и в центре России. «Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, — писал Ленин, — не знает ни тради-

¹¹⁴ См. А. Лоранский. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1894 заводском году, стр. XII, XXVII, 220—223, 242, 312—313; А. Г. Рашинов. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма. «Исторические записки», т. 46, стр. 165.

ций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения»¹¹⁵.

Уже в конце 70-х годов XIX в. Донецкий бассейн вышел на первое место среди других угольных бассейнов страны, дав в 1880 г. 43%, в 1895 г. — 53,7%, а в 1900 г. — 68,9% общей добычи угля по стране¹¹⁶. Каменноугольная промышленность Донбасса отличалась высокой концентрацией¹¹⁷.

Быстро шло на Украине и строительство мощных металлургических предприятий. К концу 90-х годов здесь уже действовало 17 крупнейших металлургических заводов. Центр металлургической промышленности России переместился с Урала на Украину¹¹⁸. В металлообрабатывающей промышленности вообще и в машиностроении в частности Украине принадлежало одно из первых мест, а по отдельным производствам и первое место. В сталелитейном, рельсовом и железоперелочном производствах на трех заводах в Екатеринославской губ. было сосредоточено 11 226 рабочих из общего числа 24 445 рабочих, занятых на всех 32 заводах Европейской России. На Украине развивалась и обрабатывающая промышленность. По производству сахара Украина, как известно, занимала господствующее положение в стране.

В итоге роста крупной капиталистической промышленности города Украины — Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Луганск и другие — стали местами сосредоточения больших масс крупнопромышленного пролетариата. Среди промышленных городов юга России одно из первых мест занимал Ростов-на-Дону.

Большое значение в экономике страны начал приобретать в 80-х — начале 90-х годов Баку, важнейший промышленный центр Закавказья. Численность рабочих Баку, занятых в нефтяной промышленности, увеличилась с 1254 человек в 1883 г. до 6188 в 1895 г.¹¹⁹ Характерной чертой бакинского пролетариата был его многонациональный состав.

С конца 70-х годов XIX в. и в других центрах Закавказья (Тифлис, Батум, Чиатура и др.) начала развиваться крупная капиталистическая промышленность, но в целом Закавказье в то время оставалось аграрным районом.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

¹¹⁶ А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954, стр. 21.

¹¹⁷ По данным на 1890 г., 37 крупнейших шахт занимали около $\frac{3}{5}$ всего числа рабочих и давали свыше 70% всей добычи угля (см. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 431).

¹¹⁸ А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 21—26.

¹¹⁹ К. А. Пажинов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.—Л., 1940, стр. 89, 95.

То же можно сказать и о западных окраинах царской России — Белоруссии и Литве. Промышленными центрами Белоруссии были города Гродно и Сморгонь, Гомель, Пинск, Бобруйск и др. Здесь преобладала мелкая промышленность.

В Белоруссии к концу XIX в. числилось свыше 23 тыс. рабочих, не считая рабочих железнодорожных мастерских¹²⁰.

В Литве (в основном Виленская и Ковенская губернии) в 1890 г. в обрабатывающей промышленности числилось 483 предприятия, на которых было занято 6168 рабочих.

В Лифляндской и Курляндской губерниях (ныне территория Латвийской ССР) была развита металлообрабатывающая промышленность. Значительное развитие получила здесь и легкая промышленность (суконное производство, лесопильное, пробочное, химическое, пищевое и др.)¹²¹.

В Эстляндской губ. (ныне Эстонская ССР) первое место по объему продукции и числу рабочих занимала текстильная промышленность. Более половины текстильщиков были заняты на Кренгольмской мануфактуре, одном из крупнейших текстильных предприятий царской России¹²².

Несмотря на наличие крупной промышленности, Эстония и Латвия оставались все же аграрными районами. Более 2/3 населения было занято здесь в сельском хозяйстве.

Развитие крупной капиталистической промышленности на национальных окраинах России содействовало окончательному слиянию экономики этих районов с экономикой всей страны. Развитие крупной промышленности и железнодорожного транспорта содействовало еще более тесному сближению угнетенных царизмом народов России с великим русским народом. Важнейшим последствием развития на окраинах страны крупного капиталистического производства было появление и там сравнительно широких масс фабрично-заводского пролетариата, который совместно с русским пролетариатом выступил на борьбу против царизма и буржуазии.

Общим итогом развития промышленного капитализма в России в 80-х и первой половине 90-х годов XIX в. было завершение технического переворота в главнейших отраслях промышленности и победа крупного капиталистического фабричного производства над мелким и мануфактурным производством.

¹²⁰ «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1954, стр. 301—307, 313

¹²¹ По имеющимся данным, на 1890 г. в Лифляндской губ. числилось в фабрично-заводской промышленности 647 предприятий с числом рабочих 22 288, а в Курляндской губ. — 430 предприятий и 5507 рабочих. Всего 1077 предприятий с 27 795 рабочими (без горнозаводской и без железнодорожного транспорта и морского торгового флота). П. А. Орлов и С. Г. Булдагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России, стр. VII.

¹²² Там же, стр. 45, 759.

История развития крупной промышленности в странах, вступивших раньше России на этот путь, показывает, что для перехода от первого периода развития промышленного капитализма, характеризующегося быстрым ростом легкой промышленности, ко второму периоду, который отличается усиленным развитием тяжелой промышленности, требовался сравнительно большой промежуток времени. В России, позже других стран Европы вступившей на путь капиталистического развития, этот промежуток времени был значительно короче, чем на Западе.

Переход русской промышленности в конце XIX в. к высокой капиталистической технике и к крупным формам производства нашел яркое выражение в быстром росте железнодорожного транспорта и тех отраслей промышленности (металлургической, угольной, нефтяной, химической, машиностроительной, строительной), которые составляют технико-экономическую базу развитого капитализма. Хотя эти отрасли и не получили достаточного развития в царской России, но их появление и рост имели большое значение в развитии русского капитализма и порожденных им острых социально-экономических противоречий.

Несмотря на серьезные шаги в развитии крупной капиталистической промышленности, царская Россия оставалась экономически отсталой аграрной страной. Сельское население к концу XIX в. составляло свыше пяти шестых всего населения страны. Подавляющее большинство населения России составляли мелкие производители — крестьяне и кустари с их крайне отсталым хозяйством и нищенским уровнем жизни. Экономическое развитие страны тормозилось значительными остатками крепостничества.

Передовая капиталистическая промышленность, сосредоточенная в немногочисленных центрах, и невероятно отсталое сельское хозяйство, в котором было занято подавляющее большинство населения страны, — такова основная черта народного хозяйства царской России, многонациональной страны с разнообразными социально-экономическими укладами, от патриархально-родового строя до развитого промышленного капитализма.

* * *

Важнейшим итогом социально-экономического развития России 60—80-х годов XIX в. было появление наряду с сохранившимися основными классами старого феодально-крепостнического общества — классом помещиков и его антиподом крестьянством — двух новых классов — класса буржуазии и его антипода пролетариата. Зародившись еще в недрах феодально-крепостнического строя, промышленная буржуазия и фабрично-заводской пролетариат сложились как самостоятельные классы именно в этот период.

После падения крепостного права начался быстрый рост русской торгово-промышленной буржуазии. Наряду с русской буржуазией складывалась и национальная буржуазия на окраинах.

Политически господствующим классом после реформы 60-х годов остался класс дворян-помещиков. Проведенные сверху помещичьим правительством отмена крепостного права и буржуазные реформы 60-х годов сохранили за дворянством основы его экономического и политического господства: помещичье землевладение и царское самодержавие. Сохранив и после 1861 г. свои особые привилегии, «первенствующее» сословие явилось самой прочной опорой царизма. Не добившись политических прав и после реформы 1861 г., буржуазия, однако, получила самое необходимое для своего обогащения за счет жестокой, почти неограниченной эксплуатации рабочего класса и всего трудящегося народа. К 80—90-м годам XIX в. буржуазия стала ведущей экономической силой в государстве. Царское правительство, являясь диктатурой крепостников-помещиков, защищая прежде всего их интересы, вынуждено было, однако, считаться с интересами крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии.

Вместе с ростом капитализма и буржуазии рос их могильщик — пролетариат. Первый крупный резерв пролетариата был создан реформой 1861 г., одним ударом освободившей значительные массы крепостных рабочих и безземельных крестьян от крепостной зависимости, сделав их таким образом свободными продавцами своей рабочей силы. Крупная машинная индустрия вызвала полное отделение рабочего от земли и превращение мелкого производителя в пролетария. Непрерывное разорение и обнищание многомиллионной крестьянской массы создало неисчерпаемый рынок самой дешевой рабочей силы. Только часть безземельной и малоземельной многомиллионной крестьянской массы и массы разоренных крупным капиталом кустарей и ремесленников могла найти занятие в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве. Остальная часть образовала огромную резервную армию труда. Наемную армию капитала в России к середине 90-х годов XIX в. В. И. Ленин определил примерно в 10 млн. человек¹²³.

Крестьянство явилось, таким образом, основным источником образования в России пролетариата. Беднейшую часть крестьянства, явившуюся непосредственным источником пополнения рядов пролетариата в России, В. И. Ленин определил как «класс наемных рабочих с наделом»¹²⁴. К нему относилось не-

¹²³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 510—511.

¹²⁴ Там же, стр. 145.

имущее крестьянство, включая и совершенно безземельных, но типичными представителями его были батраки, поденщики, чернорабочие и всякие иные «рабочие с наделом». «...В их лице,— писал В. И. Ленин,— воплощается связь крепостнической системы общественного хозяйства с капиталистической, их историческая близость и их родство, прямое переживание крепостничества в капитализме»¹²⁵. К этой массе «пролетарских хозяев» В. И. Ленин относил в 90-х годах не менее половины крестьянских дворов, приблизительно 0,4 населения, «т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян»¹²⁶.

Другим важнейшим резервом, питавшим рабочей силой крупную промышленность, были кустари — «домашние рабочие». Они составляли «едва ли не самую крупную часть нашей «резервной армии» капитализма»¹²⁷. В таких губерниях, как Тверская, Костромская, Ярославская, Калужская, численность кустарей составляла 15—20% всего населения¹²⁸.

Остатки крепостничества в капиталистической экономике царской России, задерживавшие процесс образования постоянных кадров современного фабрично-заводского пролетариата, вместе с тем прикрывали факт образования гигантской армии наемных рабочих русского капитализма, приближавшейся по своей численности к наемным армиям передовых капиталистических стран мира.

Параллельно с ростом численности фабрично-заводского пролетариата шел процесс его качественного изменения¹²⁹: наиболее быстро росла численность основного отряда пролетариата — рабочих крупной фабрично-заводской, а особенно тяжелой и горной промышленности и железнодорожного транспорта. За 1865—1890 гг. численность рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской, горной промышленности и железнодорожном транспорте, увеличилась более чем в 2 раза, с 706 тыс. до 1432 тыс.¹³⁰ В фабрично-заводской промышленности численность рабочих выросла на 65%, в горной — на 106%, на железнодорожном транспорте — почти в 8 раз. К середине 90-х годов XIX в. численность всего крупнопромышленного пролетариата

¹²⁵ Там же, т. 16, стр. 398.

¹²⁶ Там же, т. 3, стр. 145.

¹²⁷ Там же, стр. 391.

¹²⁸ Труды Комиссии по обследованию кустарной промышленности в России, вып. XIV, ч. II. СПб., 1885, стр. 430—463.

¹²⁹ Специальное статистико-экономическое исследование процессов образования промышленного пролетариата капиталистической России дано в кн.: А. Г. Р а ш и н. Формирование рабочего класса в России. Историко-экономические очерки. М., 1958, а также в ряде опубликованных статей этого автора. Мы указываем только на самые главные явления этого процесса и вытекающие из них выводы.

¹³⁰ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 436.

выросла до 2512 тыс. (фабрично-заводских рабочих было 1554 тыс., горных — 544 тыс., железнодорожных — 414 152)¹³¹.

Крупная капиталистическая фабрика с ее машинным производством создавала класс постоянных фабричных рабочих, окончательно порвавших свои связи с деревней. Известный русский санитарный врач Дементьев, обследовавший в конце прошлого столетия 20 тыс. рабочих писал: «Перед нами, следовательно, уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющих своего крова, не имеющих фактически никакой собственности, — класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день своим трудом. И он образовался не со вчерашнего дня. Он уже имеет свою фабричную генеалогию и для немалой своей части насчитывает уже третье поколение»¹³². Известный ученый Ф. Ф. Эрисман, под руководством которого проводилось указанное обследование, пишет, что в 80-х годах XIX в. «прядельные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, не приспособленного»¹³³. Само собой разумеется, что такой тип настоящего фабричного рабочего еще в большей мере вырабатывался на предприятиях металлообрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности.

Рассмотрим состав петербургского пролетариата. Он состоял в основном из кадровых квалифицированных рабочих, давно оторвавшихся от деревни. Петербургская крупная промышленность, преимущественно металлообрабатывающая, по высоте своего технического оборудования и по совершенству организации производства стояла на одном из первых мест в стране. Естественно, она требовала многочисленных кадров квалифицированных, передовых рабочих. Главным источником формирования петербургского пролетариата являлись отходники-кустари промышленных губерний страны, прошедшие школу производственного обучения на местных промыслах.

Исследователь отхожих промыслов Д. Н. Жбанков говорит, что отходники нередко проживали в Петербурге 10—30 лет безвыездно. «С этими питерщиками живет чаще всего на стороне и вся семья... Другие, и особенно бездетные семьи, и вовсе пе-

¹³¹ «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.». СПб., 1900, стр. III, XVII, XX. А. Лоранский. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1897 заводском году, стр. LXXXIII; «Статистический сборник Мин. путей сообщения за 1897 г.», табл. XII, стр. 21.

¹³² Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2. М., 1897, стр. 46.

¹³³ Сборник статистических сведений по Московской губ., т. IV, ч. 1, под ред. Ф. Ф. Эрисмана. М., 1890, стр. 292.

реселились в Питер и с деревней их связывает только то, что они ежегодно выправляют паспорта и числятся в крестьянах»¹³⁴.

Степень отрыва петербургского пролетариата от земли была гораздо более высокой, чем в других промышленных центрах страны. Как отмечает известный статистик Ю. З. Янсон, в составе петербургского пролетариата уже в 70-х годах XIX в. насчитывалось большое число «потомственных рабочих», отцы и деды которых работали в столице. Среди рабочих в Петербурге было гораздо больше грамотных, чем в других городах.

В Москве, как и в Петербурге, также большую роль в формировании пролетариата сыграли крестьяне (кустари), пришедшие сюда из окружавших Москву промышленных губерний. Работая на крупных мануфактурах, фабриках и заводах Москвы десятилетиями или оседая здесь на постоянное жительство, они постепенно рвали свои связи с деревней.

Об исключительно высокой концентрации пролетариата России как одной из важнейших его особенностей было указано выше в связи с характеристикой итогов развития промышленности. Здесь только добавим, что к середине 90-х годов XIX в. больше половины рабочих России, занятых на крупных предприятиях (свыше 100 рабочих), было сконцентрировано на предприятиях, насчитывавших свыше 500 человек¹³⁵. В последнем десятилетии XIX в. бурными темпами развивался процесс поглощения мелкой и средней промышленности крупной и росло сосредоточение пролетариата на громадных промышленных предприятиях.

В пореформенный период быстро растут новые промышленные и пролетарские центры, особенно в национальных районах юга и запада России. Значительные массы пролетариата возникли в Польше, на Украине, Кавказе, в Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии и других районах, что имело громадное значение для всего русского рабочего движения. Рабочий класс национальных районов образовался как составная часть общероссийского пролетариата.

Процесс образования промышленного пролетариата в национальных районах определялся степенью развития в них крупной капиталистической промышленности. Кроме Украины, Польши и Латвии, где к этому времени сложились крупные отряды пролетариата, в большинстве городов на окраинах, особенно в Белоруссии и Литве, характерной чертой состава пролетариата явилась его разбросанность на мелких предприятиях.

¹³⁴ Д. Н. Жбанков. Бабыя сторона. «Материалы для статистики Костромской губ.», вып. VIII. Кострома, 1891, стр. 48.

¹³⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 446.

В составе пролетариата национальных районов значительное место занимали русские рабочие. Среди прибывавших из России рабочих встречалось немало людей, прошедших школу революционной борьбы в пролетарских центрах. Они приносили с собой на окраины передовые идеи освободительного движения пролетариата.

Так подготавливалась почва для совместной борьбы рабочих всех национальностей России против самодержавия и буржуазии.

Следует напомнить, что промышленный пролетариат России не был так отгорожен от крестьянства, как пролетариат в классических странах капитализма. Русский фабрично-заводской рабочий находился в тесном соприкосновении с сельским пролетариатом, многомиллионной массой батраков и поденщиков, из недр которой он сам вышел. В деревне нередко жила его семья. Русский рабочий был тесно связан с «кустарями» — домашними рабочими крупной капиталистической промышленности, поставленными в еще более тяжелые условия труда и быта, чем фабрично-заводские рабочие.

В отличие от западноевропейских стран, где на базе колониального грабежа десятилетиями создавалась сильная и влиятельная рабочая аристократия, на которую опиралась в метрополиях империалистическая буржуазия, в России этот слой рабочей аристократии, заражавшей рабочее движение ядом буржуазной идеологии, был сравнительно слаб и незначителен, хотя, разумеется, вследствие мелкобуржуазного крестьянского характера страны в среде русского пролетариата имелись мещанские элементы, которые служили социальной базой для разного рода мелкобуржуазных течений.

Рост численности и качественные изменения состава пролетариата имели важные последствия для его освободительной борьбы. На месте немногочисленного, раздробленного, сохранившего еще непосредственные связи с деревней рабочего класса 60—70-х годов, к середине 90-х годов сложился сравнительно многочисленный, сплоченный крупнопромышленный пролетариат со свойственными ему качествами самого передового, последовательно революционного класса.

* * *

Положение пролетариата в царской России последней четверти XIX в. было значительно более тяжелым, чем положение пролетариата стран Запада, давно прошедших через буржуазно-демократические революции. Жизнь и труд русских рабочих того времени протекали в условиях промышленного переворота и связанного с ним необычайного роста капиталистической экс-

плуатации, притом в стране с сильными пережитками феодально-крепостнических отношений.

Длительное господство в России крепостнической системы наложило свой особый отпечаток на положение пролетариата и после падения крепостного права, когда был уничтожен принудительный труд на фабриках и заводах. Единственным «завоеванием» рабочих стало лишь право продавать свою собственную рабочую силу, чего они были лишены ранее. Во всем остальном они, как и весь народ, оставались политически бесправными.

На положении пролетариата России сильно сказался процесс массового разорения мелких производителей — крестьян и кустарей, — который принял грандиозные размеры в 80-х — начале 90-х годов. Переполнение рынка труда миллионами людей, ищущих заработка, способствовало усилению капиталистической эксплуатации.

Господствовавшая в крепостной период на ряде предприятий, особенно в горной промышленности, двухсменная 12-часовая работа продолжалась и после отмены крепостного права. Более того, с развитием крупного капиталистического производства она получила распространение даже в новых отраслях тяжелой промышленности — каменноугольной, нефтяной и др.

В текстильной промышленности рабочий день доходил до 14—15 часов. В этой отрасли промышленности, как отмечал Маркс, «прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня»¹³⁶. На текстильных фабриках Иваново-Вознесенского района средний рабочий день, по подсчетам местного писателя Ф. Д. Нефедова, составлял 15½ часов¹³⁷. Даже в столице, в Петербурге, рабочие на текстильных фабриках работали по 13—14 часов в сутки¹³⁸. На фабриках Москвы и Московской губ. рабочий день продолжался 13½, а на ряде фабрик и 17 часов. «17-часовой дневной труд — и едва можно заработать 40 копеек! Это ужасно!», — воскликнул на суде в 1877 г. знаменитый рабочий Петр Алексеев¹³⁹. Рабочий день на отдельных предприятиях Владимирской губ. иногда достигал 16—17 часов¹⁴⁰.

¹³⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, 1953, стр. 303.

¹³⁷ Ф. Д. Нефедов. Наши фабрики и заводы. «Русские ведомости», 1872, № 84, стр. 3 (Приведено у М. Балабанова. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II, М., 1925, стр. 119).

¹³⁸ Б. Б а з и л е в с к и й. Революционная журналистика 70-х годов. [Ростов-на-Дону, 1906], стр. 20—21, 174, 207.

¹³⁹ «Рабочее движение в России в XIX в.» Сб. документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. 2. Госполитиздат, 1950, стр. 45.

¹⁴⁰ Н. П. К р а с а в ч е н к о. Экономическое положение и борьба рабочих-текстильщиков Владимирской губернии в 1880—1894 годах. М., 1955 (Канд. диссертация), стр. 126—131.

На машиностроительных и металлообрабатывающих предприятиях рабочий день был несколько короче. В горной промышленности он составлял чаще всего 12 часов с перерывом на обед 1—2 часа ¹⁴¹.

Продолжительность рабочего дня в 60—70-х годах равнялась в среднем 13—14 часам, а в ряде случаев была еще больше. Фабриканты, кроме того, удлиняли рабочий день так называемыми сверхурочными работами, заставляли рабочих трудиться в воскресные и в праздничные дни.

В крупной капиталистической промышленности России, несмотря на достигнутый в короткое время значительный рост производительности труда, рабочий день в 80—90-х годах оставался самым длинным по сравнению с рабочим днем в других европейских странах. В то время отсутствовала официальная регламентация рабочего времени в промышленности. Даже в одной и той же отрасли производства рабочее время устанавливалось по произволу того или иного фабриканта или заводчика.

Подробные данные о границах рабочего дня в Москве в начале 80-х годов были собраны санитарным врачом П. А. Песковым. В результате произведенного им в 1881 г. обследования 72 предприятий по обработке волокнистых веществ он установил, что рабочее время на этих предприятиях колебалось от 14,25 часов до 11,55 часов ¹⁴². На отдельных фабриках, по утверждению того же Пескова, рабочий день был более длинным, причем фабриканты особенно эксплуатировали рабочих перед окончанием срока их найма, перед их уходом с фабрики, — тогда рабочее время достигало 18—20 часов в сутки ¹⁴³.

Губительным для здоровья рабочего был не только непомерно длинный рабочий день, но и распространенная тогда в текстильной промышленности так называемая система коротких смен: рабочий после 6-часовой работы получал на столько же часов отдых, затем снова работал 6 часов и снова такой же отдых и т. д.

Предпринятое санитарной инспекцией в середине 90-х годов широкое обследование продолжительности рабочего дня и состояния заработной платы в 20 губерниях ¹⁴⁴ показало, что во многих районах на предприятиях рабочее время составляло 13 и более часов.

¹⁴¹ К. А. Па ж и т н о в. Положение рабочего класса в России, т. II. Л., 1924, стр. 30—32.

¹⁴² См. П. А. П е с к о в. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в Москве. Труды комиссии для осмотра фабрик и заводов в Москве, вып. II. М., 1882, стр. 73.

¹⁴³ Там же, стр. 73—74.

¹⁴⁴ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. По донесению старших фабричных инспекторов. СПб., 1896.

Следовательно, до того, как руководимые социал-демократами рабочие массы Петербурга, Москвы и других промышленных центров России своими крупными стачками вырвали в 1897 г. у царского правительства закон о сокращении рабочего дня до 11½ часов, продолжительность рабочего дня в русской промышленности не только не уменьшилась со времени крепостного права, но в известной степени даже увеличилась.

Основное средство к существованию наемного рабочего и его семьи — заработная плата — в капиталистической России всегда находилось на чрезвычайно низком уровне, но в изучаемый нами период, 80-е годы XIX в., скудость заработков подавляющего большинства рабочих доходила до крайнего предела. И это при столь продолжительном рабочем дне! Санитарный инспектор Е. М. Дементьев, внимательно исследовавший тогда положение рабочих в Центрально-промышленном районе, открыто признавал, что заработная плата русского рабочего «есть минимум, обеспечивающий от голода, когда заработок дает только возможность существовать полуживотную жизнью» ¹⁴⁵.

Чрезвычайно низкий уровень заработной платы рабочего в царской России был предопределен всем ее экономическим и политическим строем, а также все умножавшимся «избыточным населением», миллионами крестьян, которых ежегодно выталкивала разоряющаяся русская деревня. Через четверть века после отмены крепостного права реальный заработок основной массы русских рабочих оказался ниже, чем он был накануне реформы. Между тем среднегодовая выработка на одного рабочего за это время значительно выросла. По данным Н. Я. Масленникова, за период с 1866 по 1879 г. она поднялась по производству пряжи на 52,6%, тканей — на 79,4%, ситца — на 94% ¹⁴⁶.

Владелец хлопчатобумажной фабрики Я. П. Гарелин, автор книги «Город Иваново-Вознесенск», откровенно пишет о значительном падении реальной заработной платы у рабочих его предприятия. С 1858 по 1882 г. заработок рабочих увеличился «на 15% средним числом, в то время как цена на ржаную муку увеличилась на 102%» ¹⁴⁷. Цены на мясо за этот период возросли более чем в 3 раза. «Возможно ли жить хотя бы порядочно при таких условиях?» ¹⁴⁸, — вопрошает автор, обвиняя помещиков в обнищании рабочих своей фабрики.

¹⁴⁵ Е. М. Д е м е н т ь е в. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, стр. 182.

¹⁴⁶ Н. Я. М а с л е н н и к о в. К вопросу о развитии фабричной промышленности в России. «Записки Русского географического общества по отделению статистики», т. VI, стр. 256.

¹⁴⁷ Я. П. Г а р е л и н. Город Иваново-Вознесенск, ч. II. Шуя, 1885, стр. 103.

¹⁴⁸ Там же, стр. 101, 103.

Во Владимирской губ., включая и Иваново-Вознесенск, средняя заработная плата текстильщика в середине 80-х годов не превышала 8 руб., а в середине 90-х годов — 10 руб. в месяц¹⁴⁹.

В несколько лучшем положении оказались рабочие машиностроительной промышленности и рабочие-мастеровые, т. е. небольшая прослойка квалифицированных рабочих (механиков, слесарей, токарей и т. п.). Подавляющая масса рабочих получала мизерную заработную плату, примерно 10—11 руб. в месяц¹⁵⁰.

Но и эту чрезвычайно низкую заработную плату, которой едва хватало на пищу, одежду и жилище, капиталисты и их приказчики уменьшали всевозможными приемами: длительными задержками в выдаче заработной платы, прямыми обсчетами, широко развитой системой штрафов; ту же роль играли так называемые «хозяйские харчи» и фабричные лавки. А некоторые «предприимчивые» хозяева, не довольствуясь барышами с фабричных лавок, открывали для своих рабочих также и кабаки. Трактир и лавка при фабрике приносили многим хозяевам не меньше дохода, чем сама фабрика.

Жандармский ротмистр Иванов, которому в данном случае можно верить, доносил «совершенно секретно» своему начальству в 1883 г., что в Московском уезде «фабричные лавки... продают необходимые рабочим продукты по высоким ценам, отчего месячная заработная плата если не целиком поступает обратно в фабрику, то большей частью...»¹⁵¹. Жандармский полковник Фаминцын в обзоре по Владимирской губ. тоже писал о «бедственном» положении рабочего, о том, что «на всяком шагу он обсчитывается, обвешивается и обмеривается...»¹⁵².

Таков далеко не полный перечень дополнительных источников грабежа нищенского заработка русского рабочего в капиталистической России. Петр Алексеев в уже цитированной речи на суде говорил: «Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабег доходом»¹⁵³. Громадная часть высоких прибылей Морозовых, Хлудовых, Коншиных и прочих русских «текстильных королей»

¹⁴⁹ См. Н. П. Красавченко. Экономическое положение и борьба рабочих-текстильщиков Владимирской губернии в 1880—1894 годах. Автореферат канд. диссертации. М., 1954, стр. 10.

¹⁵⁰ См. Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, стр. 134, 135.

¹⁵¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 642.

¹⁵² Там же, стр. 638.

¹⁵³ Там же, стр. 44.

извлекалась, таким образом, посредством прямого грабежа рабочих.

Широко распространенная в те годы система штрафов, которая появилась одновременно с крупной капиталистической промышленностью еще в 60—70-е годы, особенно возмущала рабочих. То и дело налагаемые на них в чем неповинных рабочих бесконечные штрафы не только приводили их в негодование, но, что очень важно, вызывали в них чувство социального протеста, который был пока еще стихийным и не всегда осознанным, но уже побуждал их к массовым выступлениям против произвола хозяев. И не случайно штрафы являлись одной из главных причин волнений и стачек рабочих на наиболее крупных предприятиях страны в 80-х годах.

Следствием низких заработков рабочих было систематическое недоедание. Ф. Ф. Эрисман пишет, что рабочие, не имея возможности купить необходимое количество масла и мяса, питались почти исключительно черным хлебом и кашей¹⁵⁴. Сахар был им тоже недоступен. «Далеко не все рабочие, — продолжает Эрисман, — в особенности малолетние и женщины, могут себе позволить роскошь ежедневного чаепития»¹⁵⁵. Истощение и быстрое изнашивание организма фабрично-заводского рабочего было прежде всего прямым результатом такого питания и тяжелых условий труда, а также и антисанитарной обстановки на предприятии и дома. Само устройство фабричных помещений и их кубатура в большинстве случаев не отвечали элементарным требованиям гигиены.

Возмутительные условия труда рабочих на предприятиях в Московской губ. признавал и фабричный инспектор И. И. Янжул: «Жилые и рабочие помещения, — свидетельствовал он, — на большинстве фабрик неудовлетворительны, и первые, как общее правило, везде слишком переполнены. Нечистоплотность и отсутствие необходимой вентиляции воздуха составляют обыденное явление на большинстве наших фабрик. ...Недостаточное ограждение механизмов, огнеопасность многих фабричных построек, отсутствие правильного удаления отходов и вообще недостаточность мер к устранению вредных условий производства, — все это влечет за собой сильную болезненность рабочих и частые случаи несчастий на фабриках, сколько-нибудь точной регистрации которых почти нигде не существует... Медицинская помощь на большинстве фабрик — фиктивна»¹⁵⁶.

Еще больше страдали рабочие горной промышленности на

¹⁵⁴ См. Ф. Ф. Эрисман. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893, стр. 47—48.

¹⁵⁵ Там же, стр. 49.

¹⁵⁶ И. И. Янжул. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884, стр. 142.

шахтах и рудниках, особенно на юге. Шахты освещались дымчатыми и чадящими масляными лампочками. Свой чрезмерно длинный рабочий день углекопы проводили в согнутом положении. Забойщику приходилось отбивать уголь, стоя на корточках, а если пласт тонок, то и лежа на боку. Саночник тащил уголь ползком на коленях. Рабочим нередко приходилось работать совершенно голыми. Часто происходили завалы шахт, гибли и калечились шахтеры. Массовый травматизм вовсе не являлся неизбежным результатом машинного труда, как утверждали народники. Он порождался зверской капиталистической эксплуатацией, абсолютно безразличным отношением фабрикантов к охране труда и жизни рабочих.

Семьям рабочих, погибших от несчастных случаев, владельцы предприятий не оказывали почти никакой помощи, а потерявшие работоспособность оставались без всяких средств к существованию. Условия труда рабочих в капиталистической промышленности России в силу экономической, политической и культурной отсталости страны были намного хуже условий труда рабочих Запада в этот период. Положение пролетариата России в 80—90-х годах XIX в. живо напоминает описанное Ф. Энгельсом положение английских рабочих в 30—40-х годах XIX в.

Несмотря на дешевизну мужского труда, в капиталистической промышленности России, особенно в текстильной, широко применялся еще более дешевый труд женщин, подростков и детей.

В табачном, бумажном и некоторых других производствах легкой промышленности женщины составляли подавляющее большинство. По данным А. В. Погожева, число работниц в середине 90-х годов (1894—1895 гг.) составило 25,9% общей численности фабрично-заводского пролетариата¹⁵⁷.

Во всей крупной промышленности России женщины составляли 15% общего числа рабочих¹⁵⁸. Распространение женского и детского труда в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности к концу XIX в. было значительным — от 2,7% до 46%. До закона 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»¹⁵⁹, который несколько ограничил эксплуатацию детей и подростков, процент всех несовершенно-

¹⁵⁷ См. А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 83.

А. Г. Рашин считает эти данные преувеличенными, так как Погожев включил в свой подсчет рабочих мелких предприятий, но не включил рабочих горной и горнозаводской промышленности, где процент женщин был весьма низок. А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 185—186.

¹⁵⁸ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 186.

¹⁵⁹ ПСЗ. Собр. 3, т. II, № 931.

летних к общему числу рабочих составлял в отдельных отраслях промышленности от 6 до 40.

Труд женщин и детей был прежде всего следствием нищенской заработной платы русского рабочего, который вынужден был продавать в капиталистическое рабство не только себя, но и нередко свою жену и детей. Рабочий день детей и подростков не был ограничен. Они работали как взрослые — 12—14 часов в сутки, получая менее половины заработной платы взрослого рабочего.

В то время здоровье русского рабочего подкашивал не только непосильный труд в невероятно тяжелых условиях, но и ужасный быт. Мы уже упоминали о плохом питании рабочих. Известный деятель русской социально-гигиенической школы Ф. Ф. Эрисман в своей работе «Подвальные жилища Петербурга»¹⁶⁰ нарисовал потрясающую картину скученности и антисанитарного состояния жилья рабочих в столице Российской империи. Не лучше было и в других городах.

После падения крепостного права усилился наплыв в русские города громадных масс разоренных, обнищавших крестьян и кустарей в поисках заработков. При нищенском заработке рабочие были вынуждены жить в невыносимой скученности и при этом платили очень высокую квартирную плату, особенно в крупных городских центрах. Она составляла почти треть их заработка. Пришлые рабочие чаще всего пользовались тем жильем, которое им предлагал фабрикант. Очень часто этим жильем служило рабочее помещение. Из 165 обследованных Эрисманом фабрик 77, т. е. 47% не имели особых спальных помещений для рабочих. В ткацких, рогожных, красильных, мебельных фабриках, в булочных рабочие нередко спали у станков, в красильном кубе, на столах для раскатки хлеба. Насколько невыносимым здесь было положение рабочих, можно судить хотя бы по тому, что даже царское правительство в середине 80-х годов проектировало издание закона о «воспрещении жилья рабочих в помещениях для работы»¹⁶¹.

В городах рабочие иногда снимали угол или койку, это были так называемые «вольные» или «угловые квартиры». Но часто бывало, что рабочие жили в специально выстроенных огромных многоэтажных казармах, в которых отгораживались маленькие каморки для семейных рабочих и большие общие спальни для остальных. Каморка представляла собой в сущности деревянный ящик объемом редко в 1 куб. сажень, чаще же $\frac{1}{2}$ куб. сажени, а иногда даже и $\frac{1}{5}$ куб. сажени на человека.

¹⁶⁰ Архив судебной медицины и общественной гигиены, 1871, кн. 3 и 4.

¹⁶¹ Труды Комиссии, учрежденной для составления положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов, т. VI. СПб., 1889, стр. 114—117.

Размер общей спальни достигал иногда 70 куб. сажен. Дощатые нары, обычно без всякой разгородки на отдельные места, двумя этажами тянулись через всю комнату. Рабочие говорили, что они «живут друг на дружке» (когда один работал, другой спал на его постели). Грязь, беспорядок, паразиты, воздух, пропитанный различными испарениями,— все это являлось источником всевозможных болезней. Смертность в рабочих районах была выше обычной.

Еще худшими были жилищные условия горнорабочих, особенно на юге России. В этом солнечном крае рабочие изнывали в темных берлогах-землянках. Многие рабочие жили в наскоро сколоченных бараках, где спали вповалку на земляных нарах, только сверху прикрытых досками. Положение особенно ухудшалось осенью и весной, когда многие рабочие заболели лихорадкой и лежали прямо на полу за неимением мест для больных.

В начале 90-х годов В. И. Ленин так описал тяжелую участь русских пролетариев: «...положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Зарботки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей... росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих»¹⁶².

Гнет капитала в царской России, исключительный по своей тяжести и безобразным формам, особенно резко обострялся при экономических кризисах. Кризисы в России, являясь частью мировых кризисов, в силу пережитков крепостничества еще больше увеличивали и обостряли нужду и бедствия трудящихся масс. «В России,— писал Ленин,— вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране»¹⁶³. В России промышленный кризис всегда переплетался с аграрным. К застою промышленности и безработице присоединялся голод в деревне. Переплетение в России промышленных кризисов с аграрными вызывало страшное обнищание миллионных масс трудящихся, что, конечно, сильно влияло и на положение рабочего класса.

¹⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 85.

¹⁶³ Там же, т. 5, стр. 77.

Последствием кризиса была не только массовая безработица, но и интенсификация труда, значительное сокращение заработной платы, введение еще более высоких штрафов, а также замена труда мужчин более дешевым трудом женщин. Именно так обстояло дело в период промышленного кризиса 1881—1886 гг. Пытаясь переложить на рабочих его последствия, капиталисты предприняли решительное наступление на уровень жизни рабочих, находившихся, как мы видели, и без того на грани нищенского существования. Начались массовые увольнения рабочих. Заработная плата снижалась вдвое, а то и втрое. Рабочие, например на хлопчатобумажных фабриках Хлудова в Егорьевске, зарабатывали в 1885 г. при пятидневной рабочей неделе в 2,5 раза меньше, чем в каждом году из 15 предыдущих лет. О произволе фабрикантов, о новом их нажиме на рабочих посредством грандиозных штрафов, вычетов свидетельствуют бурные стачки тех лет. Об этом же говорит и история знаменитой Морозовской стачки 1885 г., положившей начало организованному классовому рабочему движению.

Итоги развития крупной капиталистической промышленности в России в 80-х — начале 90-х годов показывают сравнительную зрелость социально-экономических условий, в которых тогда развертывалось рабочее движение, по сравнению с условиями 40-х годов на Западе, когда там произошли первые крупные выступления рабочих. За исключением Англии, которая в 40-х годах была уже страной относительно крупного капиталистического производства, в других странах Западной Европы ко времени первых серьезных выступлений промышленного пролетариата (30—40-е годы XIX в.) промышленность переживала период перехода от мануфактуры к крупной индустрии. Так было во Франции.

Еще на более низком уровне промышленного развития находилась к тому времени Германия. «До 1848 года в Германии не было, собственно говоря, крупной промышленности. Преобладал ручной труд; пар, машины встречались лишь в виде исключения»,— писал в 1880 г. Ф. Энгельс, обозревая экономическую историю Германии¹⁶⁴.

Рабочее движение в России в 80-х и в начале 90-х годов развертывалось в условиях, когда в решающих отраслях промышленности был в основном завершен переход от мануфактуры и ремесла к машинной индустрии, и в результате этого сформировался фабрично-заводской пролетариат, в значительной степени сконцентрированный на крупных предприятиях. Рабочее движение в России уже в этот период было движением преимущественно крупнопромышленного пролетариата, хотя в значительной части своей еще связанного с деревней.

¹⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 484.

Рабочий класс России испытывал не только капиталистический гнет, но и гнет политический, жестокий гнет царизма, а значительная часть рабочих страны подвергалась вдвойне и национальному угнетению. Политическое бесправие ставило пролетариат России в положение полной беззащитности перед произволом капиталистов. В 80-х годах XIX в. в России капиталистическая эксплуатация достигла предела, за рамками которого начиналась угроза массового физического вырождения пролетариата.

Только объединенный протест рабочих, их растущая борьба могли противостоять объединенным силам буржуазии и царизма. Это обусловило высокую степень революционности русского пролетариата, подготовило благоприятную почву для распространения в его среде идей научного социализма.

3. РЕВОЛЮЦИОННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 70-х и 80-х гг.

С начала 70-х годов рабочее движение в России концентрируется в крупных городских центрах: Петербурге, Москве, Риге, Одессе, Харькове, Вильне, Варшаве, Лодзи, Белостоке и т. д.

В первой половине 70-х годов произошло 146 выступлений рабочих, в том числе 95 стачек. Основной формой борьбы в 70-х годах становится стачка. Преобладание рабочих стачек над менее зрелыми формами протеста (бунты, уход с работы, жалобы к начальству и т. д.), наряду с небывалым возросшим количеством выступлений и с ведущей ролью в борьбе городского фабрично-заводского пролетариата, является важнейшим признаком начала собственно рабочего движения в России.

Одновременное возникновение нескольких стачек в Петербурге и Москве в 1870—1871 гг., совпавшее с событиями Парижской коммуны и наивысшим подъемом деятельности руководимого Марксом I Интернационала, вызвало к себе пристальное внимание властей. Московскому генерал-губернатору А. А. Ливену пришлось подвергнуть подробному разбору перспективу появления «рабочего вопроса» в России. В 1871 г. он писал: «Рабочий вопрос может и, в силу неизменного хода событий, даже должен возникнуть в России, подобно тому, как это было на Западе»¹⁶⁵.

Впереди по числу выступлений в это время идут рабочие-текстильщики; во всех странах на заре капитализма это был наиболее многочисленный отряд борющегося пролетариата. Знаменитые стачки рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге и на Кренгольмской мануфактуре

¹⁶⁵ ЦГИАМ, ф. III Отд., 3 экспед., д. 184, 1871 г., л. 42.

(в Нарве), в начале 70-х годов, обратили на себя всеобщее внимание как совершенно новое явление в общественной жизни России¹⁶⁶.

Во второй половине 70-х годов в России произошло 193 выступления рабочих против предпринимателей. Высокого подъема рабочее движение достигло в 1878—1879 гг., во время второй революционной ситуации. Движение особенно быстро развивалось в Петербурге.

Стачками и выступлениями рабочих на фабриках и заводах в 1878—1879 гг. начал руководить «Северный союз русских рабочих», который призывал рабочих к классовой солидарности, к организации своих сил, к массовой стачечной борьбе. В Петербурге в эти годы произошли самые крупные и наиболее организованные стачки рабочих-текстильщиков. С 27 февраля по 20 марта 1878 г. бастовали рабочие Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрики.

В стачке участвовало 2 тыс. рабочих. Они выставили следующие требования: 1) уменьшение рабочего дня с 13 до 11 часов; 2) увеличение заработной платы; 3) отмена платы за кипяток; 4) отмена высоких штрафов и вычетов из заработной платы¹⁶⁷. Под давлением стачечников 12 марта администрация объявила «Новые правила для найма на работу», в которых она соглашалась с 16 марта отменить плату за кипяток, но не соглашалась удовлетворить главные требования рабочих.

Рабочие стойко продолжали стачку. Упорствовала и администрация. Тогда рабочие попытались найти поддержку сначала у пристава, а затем у градоначальника. Но убедившись, что и тот, и другой стоят за администрацию, забастовщики решили подать прошение наследнику (Александру III). Вожаки стачки, разумеется, понимали, что эта затея обречена на неудачу. «Но делать было нечего,— пишет Г. В. Плеханов, принимавший участие в руководстве стачкой.— Веру в царя нужно было разрушить не словами, а опытом»¹⁶⁸. В составлении прошения участвовали деятели «Северного союза русских рабочих». «Мы обращаемся к вам, как дети к отцу,— писали рабочие наследнику.— Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не

¹⁶⁶ Подробные материалы об этих стачках и их описание см. в сб. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 1, стр. 46—48, 49—51, 238—243, 317—406; Э. А. Корольчук. Рабочее движение семидесятых годов. Сборник архивных документов с вводной статьей. М., 1934, стр. 16, 21—22, 46—89; «Кренгольмская стачка 1872 г.», сб. документов и материалов. Таллин, 1952.

¹⁶⁷ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 220—234, 652.

¹⁶⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. III. М., 1928, стр. 165.

заступится за нас и мы должны положиться на себя и на свои руки»¹⁶⁹.

В 3 часа дня 16 марта 200 рабочих собрались у Аничкова дворца. Передать наследнику прошение взялся прибывший сюда вскоре градоначальник. Вместо ответа на рабочих посылались жестокие репрессии. Фабричные казармы были окружены жандармами, наиболее активные забастовщики арестованы.

Вместе с тем администрация была вынуждена пойти на незначительные уступки, после чего рабочие постепенно начали приступать к работе. Однако 15 января 1879 г. 700 ткачей вновь объявили стачку в знак протеста против увольнения 44 рабочих. Главными ее организаторами были члены «Северного союза русских рабочих» Петр Моисеенко, Лука Иванов и другие. Стачечники решили вновь идти с жалобой к наследнику. Но на Фонтанке жандармы и полиция окружили толпу и силой разогнали ее, задержав около 50 рабочих.

Между тем стачка расширялась. На следующий день, 16 января 1879 г., прядильщики фабрики Шау в знак солидарности с рабочими Новой бумагопрядильной фабрики также объявили стачку и выдвинули те же требования, что и их товарищи-ткачи. Солидарное выступление рабочих двух предприятий вызвало волнения и на фабриках Чешера и Мальцева¹⁷⁰. Одно из воззваний «Северного союза русских рабочих», выпущенное в те дни, оканчивалось так: «Долго терпели мы всякие неправды, долго ждали, не заступится ли за нас кто повыше. Теперь пускай от нас потерпят: плохо придется им всем, когда мы возьмемся за ум, когда все будем стоять друг за друга и отвечать: «Все за одного, — один за всех»»¹⁷¹. Эти слова были в то время лозунгом всех стачечников. Воззвание призывало рабочих других фабрик и заводов примкнуть к стачке и оказать материальную помощь стачечникам¹⁷², передовые рабочие распространяли его среди своих товарищей, обходя квартиры и казармы.

Стачки 60—70-х годов явились первой школой классовой борьбы пролетариата России, они имели важное значение в подготовке следующего этапа рабочего движения, способствовали воспитанию первых его деятелей, первых организаторов революционных рабочих кружков и союзов. Рабочее движение кон-

¹⁶⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 428.

¹⁷⁰ Хроника революционного рабочего движения в Петербурге, т. I. Сост. Э. Корольчук и Е. Соколова. Л., 1940, стр. 108, 110.

¹⁷¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 310.

¹⁷² Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Л., 1946, стр. 181—187.

ца 70-х годов стало оказывать свое влияние и на развитие русской революционной мысли. Оставаясь еще на почве утопического крестьянского социализма, представители революционной интеллигенции, наиболее чуткие к общественным явлениям, стали интересоваться рабочим движением.

В первой половине 80-х годов в Петербурге произошли серьезные выступления рабочих на механических заводах и крупных текстильных фабриках. В январе 1881 г. петербургский градоначальник сообщил в записке в Департамент полиции: «Между рабочими разных фабрик, преимущественно же расположенных по Обводному каналу: Новобумагопрядильни, Резиновой мануфактуры и на Путиловском заводе, а равно на заводах Голубевском, Василеостровском, Патронном, Балтийском и других замечено сильное возбуждение по поводу дороговизны продуктов, квартир и, в особенности, по случаю увольнения рабочих и сбавки штучных работ»¹⁷³.

Снижение заработной платы вызвало в этот период ряд стачек в Петербурге, в Москве и Московской губ., в Иваново-Вознесенске и других местах. 2 августа 1882 г. началось одно из крупнейших выступлений того времени — стачка рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве. Все рабочие этой громадной фабрики (свыше 5200 человек) прекратили работу, требуя повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уменьшения грабительских штрафов, прекращения произвола мастеров, улучшения жилищно-бытовых условий¹⁷⁴.

Администрация фабрики, рассчитав массу рабочих, изгнала их с территории фабрики, лишив пищи и крова. Рабочие, оставшиеся на работе, подвергались всяческому притеснениям. Ветхость фабричного оборудования, прекращение торговли на фабричном рынке до окончания рабочего дня, постоянное повышение норм выработки, полное бесправие — все это подготовило почву для крайнего возмущения рабочих.

В стачке 1882 г. в еще большей степени, чем в стачке 1872 г., проявилась интернациональная солидарность эстонских и русских рабочих, выступивших совместно в защиту своих прав. Несмотря на полицейские угрозы и на прибытие целого полка пехоты, рабочие продолжали стачку.

Для эстонских рабочих важное значение имела их близость к Петербургу. На Кренгольмской мануфактуре работали русские рабочие с петербургских фабрик, по меткому определению генерал майора Федорова, «знакомые с устройством забастовок». Во главе стачечников находились известные рабочие-

¹⁷³ «Красный архив», т. 6(91), 1938, стр. 156.

¹⁷⁴ История Эстонской ССР. Таллин, 1952, стр. 236; «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 471—472, 487—496.

революционеры, участвовавшие в работе кружка на этой фабрике еще в 70-х годах (например, П. Федоров), а также и молодые, выдвинувшиеся в ходе стачки (Д. Григорьев, В. Филиппов, П. Кулламаа и др.)¹⁷⁵. Стачка продолжалась с 28 июля до 12 августа. Последняя группа бастовавших (500 человек) приступила к работе лишь 16 сентября. Только жестоким военно-полицейским террором, избиениями, массовыми арестами и высылками рабочих царизму удалось подавить это выступление.

Выступление рабочих Кренгольмской мануфактуры оказало влияние на рабочих других предприятий Нарвы. Вслед за ними объявили стачку рабочие Нарвской суконной фабрики, а также рабочие Литейного завода¹⁷⁶. Впервые в Эстонии в одном и том же городе рабочие нескольких фабрик участвовали одновременно в забастовке, что свидетельствовало о росте среди них организованности и сознательности.

В эти же годы отдельные выступления рабочих происходили и в других национальных районах — на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве, в Закавказье, а также на Урале и в Сибири.

В Центрально-промышленном районе и даже в Москве крупные выступления рабочих в 70-х годах были еще сравнительно редким явлением. Это положение стало меняться с 80-х годов. В первой половине 80-х годов значительно усиливаются проявления недовольства среди рабочих Центрально-промышленного района. В этот период рабочее движение развивалось в условиях глубокого и затяжного экономического кризиса.

Рабочие протестовали против ухудшения их материального положения, проводимого фабрикантами посредством снижения расценок, все увеличивающихся штрафов, обчетов, вычетов и т. п. Из-за снижения заработной платы и наложения чрезмерных штрафов происходили стачки и волнения рабочих Измайловской мануфактуры Гилля в Московском у., ткацкой фабрики Дербенева в Иваново-Вознесенске, Вознесенской мануфактуры в Дмитровском у. Московской губ., фабрики «Ярославская большая мануфактура» и т. д. Наиболее крупными из них были стачки на ткацких фабриках Моргунова в с. Озерах Московской губ., где бастовало до 5 тыс. рабочих, на шерстоткацких фабриках Н. Каверина и Бровкиных в Москве и на московском слесарном заводе Дюлькера.

Одним из крупнейших выступлений рабочих в этот период в Центрально-промышленном районе была стачка рабочих Ярцевской бумагопрядильной фабрики А. И. Хлудова в с. Ярцеве Смоленской губ., которая произошла в сентябре 1880 г. Пово-

дом к стачке послужило снижение заработной платы рабочим на 10%. Рабочие прекратили работу, потребовав сохранения старых расценок, а также уменьшения штрафов и прекращения разных вычетов. В ответ на отказ фабриканта выполнить их требования они начали ломать машины и бить стекла в помещении фабрики и в домах представителей фабричной администрации, где прятались полицейские власти, вступали в столкновения с полицией. Наиболее активное участие в этой стачке приняли пришлые рабочие. Смоленские губернские власти не без основания считали, что «самый... беспокойный элемент представляют рабочие московские и отчасти калужские и гжатские»¹⁷⁷.

Несмотря на угрозы, рабочие держались стойко. Стачка продолжалась с 9 по 12 сентября. Для расправы с рабочими смоленский губернатор выслал воинскую команду в 500 человек; стачка была сломлена, а наиболее активные участники ее арестованы, заключены в тюрьму, высланы этапным порядком. Несколько сот рабочих получили расчет.

Подавление стачек силами полицейских и воинских частей было обычным явлением. Так, например, когда в Москве рабочие чугунолитейного механического завода бр. Малкиель 13 июня 1884 г. объявили стачку из-за увеличения рабочего дня на 2 часа, против стачечников была вызвана полиция, которая начала искать «главных зачинщиков». Таковыми, прежде всего, были признаны рабочие механических мастерских, прибывшие с петербургских заводов. Арестовано было 29 человек. Кроме того, расследование установило, что большое влияние имел на рабочих чертежник И. А. Кузьмин: «Пользуясь тем, — свидетельствовал московский обер-полицмейстер Огарев, — что на его обязанности лежит ходить по всем мастерским завода для объяснения чертежей изготовляемых изделий, он вел агитацию между рабочими, стараясь возбудить их неудовольствие против администрации завода, объясняя им, что протест свой они должны делать коллективно, массой, а не частями, и ни в коем случае не посылать от себя уполномоченных, как это требует начальство, так как их непременно арестуют, тогда как всех рабочих арестовать нельзя; что все это хорошо ему, Кузьмину, известно из примеров, бывших на заводе в С.-Петербурге, где он жил все время до приезда своего в Москву»¹⁷⁸.

В декабре 1885 г. вспыхнула стачка рабочих Вознесенской мануфактуры. Владельцы этого предприятия начали наступление на жизненный уровень рабочих, сократив рабочую неделю сначала до пяти, а вскоре до четырех дней, вследствие чего плата рабочим сократилась на одну треть. Среди рабочих росло

¹⁷⁵ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 236.

¹⁷⁶ Там же, стр. 478, 489, 492.

¹⁷⁷ Там же, стр. 446.

¹⁷⁸ Там же, стр. 563.

возмущение. Но администрация не шла ни на какие уступки. Тогда рабочие прибегли к стачке. В ответ на это на фабрику были высланы войска. Но рабочие продолжали бастовать. «Я пришел к тому заключению, — доносил по этому поводу генерал-губернатор В. А. Долгоруков министру внутренних дел Д. А. Толстому, — что столь долго продолжающееся и столь упорное уклонение рабочих от возобновления работ на фабрике есть, несомненно, результат подстрекательства пришлых рабочих»¹⁷⁹.

Все пришлые рабочие фабрики были разбиты на десятки, их вызывали в контору и опрашивали. Выходцы из местных деревень, расположенных не далее 15 верст в округности, отпускались. Остальных задерживали и затем партиями отправляли в Московскую пересыльную тюрьму.

Но стачка продолжалась, несмотря на то, что на фабрике оставалось две роты солдат и 170 казаков. Начавшись 1 декабря 1884 г., она полностью закончилась 2 января 1885 г. Несмотря на сильный нажим владельцев, поддержанных царской властью, рабочие Вознесенской мануфактуры добились сохранения прежних договорных условий¹⁸⁰.

Стачка более 3 тыс. рабочих Вознесенской мануфактуры, продолжавшаяся целый месяц, явилась важным событием в истории рабочего движения России первой половины 80-х годов. Она была непосредственной предвестницей знаменитой Морозовской стачки, которая началась через пять дней после окончания бурной Вознесенской стачки.

* * *

Уже в 70 — начале 80-х годов рабочее движение в России проявлялось в многочисленных выступлениях и разнообразных формах протеста против гнета капитала и остатков крепостничества¹⁸¹. Тогда в наиболее промышленных губерниях (Петербургской, Московской, Владимирской, Екатеринославской, Херсонской и др.) стачки становились постоянным явлением общественной жизни. Рабочим движением были охвачены почти все промышленные районы России, однако на первый план выдвигались ведущие центры экономической и политической жизни страны. В Петербургской и Московской губерниях за 1870—1884 гг. произошло более половины всех выступлений рабочих Российской империи. За ними следует тесно примыкающая к

¹⁷⁹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 578.

¹⁸⁰ Там же, стр. 579—581.

¹⁸¹ По неполным данным хроники рабочего движения в России за 1870—1884 гг. имели место около 500 различных выступлений рабочих. Там же, т. II, ч. 1, стр. 607—618; т. II, ч. 2, стр. 644—676.

ним Владимирская губ. с ее старыми промышленными центрами (Иваново-Вознесенском, Орехово-Зуевом, Шуей и др.). Необходимо отметить, что движение по стране в целом оставалось стихийным и разрозненным, и в нем участвовало еще меньшинство рабочих.

Уже в этот период Петербург — цитадель русского революционного рабочего движения. За период 1870—1884 гг. Петербург дал 40% всех стачек и волнений, происходивших по всем городам России. За Петербургом идет Москва. Из других городов, игравших заметную роль на начальном этапе рабочего движения, следует отметить Иваново-Вознесенск, Серпухов, Вышний Волочок, Одессу, Киев, Харьков, Белосток, Варшаву, Лодзь, Нарву, Ригу, Вильно. В результате дальнейшего развития капиталистической промышленности и роста фабрично-заводского пролетариата наряду со старыми центрами выдвигаются новые. На Украине на первое место выдвигаются центры угольной и металлургической промышленности — Екатеринослав и знаменитая Юзовка.

Как мы уже отметили, наиболее активную роль в революционной борьбе пролетариата в 70-х — первой половине 80-х годов играли рабочие-текстильщики. За ними шли металлисты, горнорабочие, рабочие-строители железных дорог и каналов, рабочие железнодорожных мастерских, судорабочие.

Основные три отряда пролетариата России — текстильщики, металлисты (к которым следует отнести и рабочих железнодорожных мастерских) и горнорабочие — за это время дали вместе 75% выступлений.

В 70—80-х годах вслед за пролетариатом крупнейших промышленных центров России на арену общественной жизни вступил пролетариат национальных окраин — Польши, Украины, Кавказа, Прибалтики и т. д., который пробуждался к борьбе с капиталистами бок о бок с русским пролетариатом и под его влиянием. Основы интернационализма и братской солидарности многонационального пролетариата России были заложены уже в его первых классовых битвах, что имело исключительно важное значение для всей последующей истории рабочего движения в России.

Во второй половине 80-х годов резко ухудшилось и без того тяжелое положение фабрично-заводского пролетариата и усилилась его борьба против капиталистического гнета. В борьбу вступили новые массы рабочих Центрально-промышленного района, где была сосредоточена главная отрасль русской промышленности — текстильная.

На Никольской мануфактуре товарищества «Савва Морозов, сын и К^о» в 1885 г. работало около 8 тыс. рабочих. Эта громадная по тем временам фабрика была расположена в Орехово-

Зуеве Владимирской губ., в то время одним из крупнейших центров русской текстильной промышленности, о котором В. И. Ленин так писал в 1895 г.: «Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий»¹⁸².

Частые выступления рабочих Никольской мануфактуры объяснялись их невероятно тяжелым положением. На фабрике царствовали порядки весьма близкие к крепостническим и ничем не ограниченный произвол хозяина, управляющих, мастеров; все они бессовестно глумились над рабочими.

«Неудовольствие народа, — показывал впоследствии прокурору главный организатор Морозовской стачки П. Моисеенко, — заключалось в сильно пониженной заработной плате и в сильно чрезмерных штрафах, которыми доводили народ до горя и слез»¹⁸³. То же заявил на следствии и ткач Ф. Л. Козлов. «Штрафы и главные штрафы нас заели, одолели... Как ни старайся, как ни сделай хорошо, невозможно, чтобы тебя то и дело не штрафовали... Довольны Морозовым только те служащие у него, которые действительно получают настоящее жалование: его приказчик, управляющие, смотрители и т. п.; а мы, простой рабочий народ, — недовольны, потому жить нечем, на пропитание настоящее мы не можем выработать»¹⁸⁴.

О том же единодушно говорили в своих показаниях все привлеченные к следствию и суду участники стачки. «Когда мы читаем книгу о чернокожих невольниках, возмущаемся, но теперь перед нами белые невольники», — воскликнул на суде адвокат Плевако, защищавший участников Морозовской стачки.

Осенью 1884 г. на фабрике начал складываться кружок из передовых рабочих, которым руководили талантливые и опытные рабочие-революционеры Петр Моисеенко и Лука Иванов. Ближайшим их помощником был местный рабочий Василий Волков.

Ткачи Петр Анисимович Моисеенко и Лука Иванович Иванов (Абраменков) начали свой трудовой путь подростками. Оба они активно участвовали в революционной пропаганде среди петербургских рабочих, оба работали на ткацких фабриках Петербурга, где и прошли свою революционную школу. Лука Иванов в 1875 г. организовал первый революционный кружок

¹⁸² В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 1.

¹⁸³ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 202; «Морозовская стачка. 1885—1935 гг.». Сб. статей, документов и воспоминаний с предисловием А. М. Панкратовой. М., 1935, стр. 24.

¹⁸⁴ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 146—148.

на Кренгольмской мануфактуре. П. Моисеенко и Л. Иванов были видными деятелями «Северного союза русских рабочих», от имени которого в 1879 г. организовали стачки на Новой бумагопрядильне и фабрике Шау, за что подверглись ссылке.

В 1883 г. оба они вернулись из ссылки и поступили на фабрику в с. Никольском. Ко времени их приезда на фабрику возмущение рабочих достигло значительного накала, но все же поднять многотысячную рабочую массу на выступление было делом нелегким: «С трудом, — пишет Моисеенко, — приходилось уговаривать людей, что в таком положении, в таких условиях жить никак невозможно»¹⁸⁵.

Постепенно недовольство и сила протеста рабочих нарастали. Как показал на следствии П. Моисеенко, еще весной 1884 г. возникла у них мысль о стачке, причем часть рабочих просила его написать воззвание с призывом к ней, от чего он отказался, считая момент неподходящим¹⁸⁶. Условия для стачки созрели осенью. В октябре 1884 г. на фабрике заработная плата была в очередной раз снижена на 15%, а штрафы настолько увеличились, что рабочие оставались почти совсем без заработка. В это время до рабочих дошел слух о стачке на Вознесенской мануфактуре.

Стачка началась в 6 часов утра 7 января, а уже в 6 часов 30 минут, по приказу владимирского губернатора, в экстренный воинский поезд были посажены два батальона солдат, которые в тот же день прибыли в Никольское. Вскоре туда же приехал сам губернатор в сопровождении прокурора Московской судебной палаты. Повсюду были расставлены патрули.

Губернатор повел переговоры с прибывшим в тот же день хозяином фабрики о некоторых незначительных уступках рабочим. Но Морозов решительно воспротивился этому. Василий Волков в сопровождении более тысячи рабочих явился к губернатору и представил составленный П. Моисеенко совместно с ним краткий список требований рабочих: восстановить расценки, которые существовали до пасхи 1884 г.; «вместо штрафов... сделать скидку в 5% заработной платы с пасхи 1884 г.», следовательно, все штрафные деньги за это время вернуть рабочим; выдать полагающийся им хлеб; сократить рабочий день малолетних, увеличенный хозяином втрое. Эти требования были ночью переданы в Москву Морозову, который сообщил о категорическом отказе их удовлетворить.

Моисеенко и Волков выступили с речами, в которых призывали стачечников отстаивать до конца свои требования. Ими было выработано «Требование по общему согласию рабочих». В вводной части этого документа рабочие настаивали на воз-

¹⁸⁵ «Морозовская стачка. 1885—1935 гг.», стр. 63.

¹⁸⁶ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 193.

вращении им штрафных денег с оставлением в пользу хозяина не более 5% всей суммы. Затем излагались требования рабочих, в их числе и требование ввести фабрично-заводское законодательство.

Рабочие собрались плотной толпой вокруг своих руководителей и твердо настаивали на своем, хотя на улицах поселка находились солдаты и патрулировали казачьи разъезды. Решив арестовать «зачинщиков», губернатор распорядился оттеснить толпу. В это время Волков подошел к нему, чтобы передать «Требования по общему согласию рабочих», но вместе с сопровождавшими его товарищами был схвачен солдатами. На клич Волкова: «Один за всех и все за одного», толпа закричала: «Все, все, всех берите» и бросилась освобождать арестованных. После ожесточенной схватки рабочие были оттеснены, но, несмотря на угрозы губернатора, они долго еще оставались перед строем войск, громко требуя освобождения Волкова и его товарищей.

На следующий день из Москвы прибыли еще две сотни казаков и батальон пехоты. Рабочие казармы были окружены. Несколько сот человек, в том числе и руководители, были арестованы и отправлены в Московскую и Владимирскую тюрьмы.

Оставшись без руководства, лишённые материальной помощи, небольшие группы рабочих под страхом репрессий стали приступать к работам 14—15 января. Но большинство рабочих бастовало до 18 января.

Требования рабочих Никольской мануфактуры, поскольку они объективно отражали борьбу против остатков крепостничества во взаимоотношениях между капиталистами и рабочими, в известной мере выражали недовольство последних всей общественно-политической системой. Стачка была огромной школой классовой борьбы для рабочих и их руководителей. Кругозор их расширялся. От обороны они переходили в наступление, от отдельных мелких требований — к составлению целой программы требований, направленной против существовавших в промышленности порядков.

В феврале 1886 г. во Владимире состоялся суд над участниками стачки. 17 рабочих во главе с П. Моисеенко и В. Волковым были присуждены к разным срокам заключения. Возмущение этим приговором в кругах демократической интеллигенции, а также рост стачечного движения заставили правительство в мае 1886 г. пересмотреть в судебном заседании дело ореховозуевских забастовщиков. Суд был вынужден ограничиться осуждением П. Моисеенко и В. Волкова, а остальных подсудимых оправдать.

Морозовская стачка вызвала такое глубокое сочувствие к рабочим в различных слоях населения, что царское правитель-

ство оказалось бессильным предупредить оправдательный приговор суда. 28 мая 1886 г. прокурор Владимирского окружного суда писал прокурору Московской судебной палаты в секретном письме следующее: «Со времени возникновения этого дела все симпатии общества склонялись на сторону рабочих, так что очень часто приходилось слышать вопрос о том, что будет Морозову за его злоупотребление и когда его будут судить за притеснения рабочих. Судебное заседание не могло разрушить этого впечатления...»¹⁸⁷

Известный мракобес М. Н. Катков в «Московских ведомостях» изливал свою злобу: «Вчера,— писал он,— в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютационный выстрел¹⁸⁸ в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос...»,— вопил Катков, пытаясь припугнуть царское правительство тем, что оправдательный приговор может «развратить народные массы», что «с народными массами шутить опасно»¹⁸⁹. Таким образом, появление «рабочего вопроса» в России признавалось в середине 80-х годов даже идеологами монархизма.

Морозовская стачка и судебный процесс приковали к себе внимание всей России. Весть о ней проникла во всю легальную прессу того времени. «Эта громадная стачка,— писал Ленин,— произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования»¹⁹⁰.

Морозовская стачка явилась исходным пунктом нового, более высокого этапа русского рабочего движения; она оказала самое непосредственное влияние на рабочих всего Центрально-промышленного района и прежде всего на рабочих Москвы, Московской и Владимирской губерний. Морозовская стачка показала силу массовой солидарной борьбы. Она показала также, что в России не только в столице, но и в провинции в промышленных центрах рабочие могут выдвигать умелых организаторов из своей среды.

В 1885 г. из 75 стачек и волнений по всей России 47 имели место в Московской губ. Рабочие волнения охватили крупнейшие текстильные фабрики: Даниловскую, Измайловскую, Вознесенскую, Глуховскую и др. Стачки в Московской губ. начались сразу же после Морозовской стачки.

¹⁸⁷ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. I, стр. 282.

¹⁸⁸ Так назвал Катков сто один вопрос, поставленный судом на рассмотрение присяжных, ответы которых послужили основанием для вынесения оправдательного приговора участникам стачки.

¹⁸⁹ «Московские ведомости», 1886, № 146, от 29 мая.

¹⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 23.

Из выступлений рабочих Московской губ., последовавших в январе 1885 г. вслед за Морозовской стачкой, самой крупной была стачка рабочих Измайловской мануфактуры. Ткачи Измайловской мануфактуры 12 января 1885 г. объявили забастовку из-за дороговизны продуктов и многочисленных вычетов. Требования рабочих были удовлетворены, но они не приступали к работе до возвращения из Москвы 15 ходоков. Ходоки, вернувшись, предложили стачечникам выставить новые требования более наступательного характера. Ходоки были арестованы¹⁹¹, а ткачи 14 января начали стачку, на другой день к ним присоединились и прядильщики; бастовали все рабочие фабрики — более 1000 человек. Правление Измайловской мануфактуры вывесило объявление о новых расценках и о размере платы за питание рабочих, а также о некотором уменьшении вычетов и снижения цен на продукты. Но рабочие настаивали, «чтобы директор фабрики возвратил им все деньги, удержанные с них за квартиру, за кухарку, за больницу, за баню, и штрафные деньги, с пасхи прошлого [1884] года до января 1885 г.»¹⁹². Тогда власти срочно вызвали роту солдат. Начались аресты наиболее активных участников стачки. Войска оцепили рабочие казармы и после зверского избития рабочих арестовали еще несколько человек. 17 января забастовщики партиями были приведены под конвоем солдат для получения расчета. Наиболее активные участники стачки (21 человек) были отправлены в тюрьму, а организатор стачки А. С. Смирнов привлечен к суду.

В феврале стачечное движение в Центрально-промышленном районе, несмотря на жестокие меры правительства, приняло еще более широкие размеры и распространилось на ряд фабрик Московской губ. (Вознесенская мануфактура, Суконная фабрика Суворова в Москве, фабрика Корса в Московском у.), а также на предприятия соседних губерний.

Из февральских стачек и волнений рабочих 1885 г. следует особо отметить крупную стачку рабочих Тверской мануфактуры. На этой громадной фабрике, принадлежавшей купчихе Морозовой, работало около 5,5 тыс. рабочих. Здесь были те же порядки, что и на фабрике «Савва Морозов, сын и К^о» в Никольском.

Стачка в Твери началась 25 февраля в 6 часов утра. В стачке участвовали все рабочие фабрики — 2300 ткачей, 2000 прядильщиков и 1200 рабочих из ситценабивного цеха. Рабочие вели себя мирно, не допуская никаких эксцессов.

По требованию администрации на фабрику прибыли полтора батальона пехоты и полэскадрона драгун. Вместе с войсками приехали губернатор, прокурор Тверского окружного суда и следователь по важнейшим делам. Губернатор приказал со-

¹⁹¹ ГИА МО, ф. Канц. Моск. ген.-губ., д. 43, 1885 г., лл. 1—2.

¹⁹² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 310.

брать всех рабочих к 3 часам пополудни следующего дня. Началось следствие.

Рабочие предъявляли следующие требования: 1) отменить неправильные штрафы; 2) челноки, как необходимая принадлежность ткацкого станка (два челнока для каждого станка) должны были быть хозяйские и выдаваться ткачам бесплатно. Деньги, взятые за челноки за последние три года, подлежали возврату рабочим; 3) за каждую чистку станков назначить особую плату — 20 коп.; 4) штрафы за привес и недовес утка отменить; 5) уток выдавать ткачам по требованию, не дожидаясь смен; 6) штрафы за поломку разных частей станка отменить; 7) удалить мастера Яковлева и смотрителя ткацкого станка Соколова, которые крайне несправедливо относились к рабочим, немилосердно их штрафовали.

26 февраля в 3 часа дня около 4 тыс. рабочих в окружении войск были собраны на фабричном дворе, где губернатор в присутствии прокурора предложил рабочим избрать уполномоченных. Выбрано было восемь человек. В конторе фабрики с ними начались переговоры.

Представители, выдвинутые рабочими для переговоров с властями и администрацией, ярко обрисовали положение на фабрике. Возьмем показания ткача Козьмы Павлова. Это был грамотный и развитый рабочий, он не только хорошо владел своим ремеслом, но и знал жизнь своей фабрики, вникал во все нужды и обиды товарищей. «25 числа сего февраля, — объяснял Козьма Павлов судебному следователю, — я вместе с прочими на работу не пошел, потому что работать нам стало совсем невозможно», так как хозяева и их помощники «стали налагать на нас за всякую безделицу штрафы, и притом несоразмерные с действительной стоимостью». При этом Павлов «для более наглядного убеждения»¹⁹³ представил следователю 24 рабочих расчетных тетради, которые неопровержимо свидетельствовали о прямом грабеже рабочих хозяевами. В большинстве представленных им книжек только штрафы составляли от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка рабочих.

Уполномоченные повторили свои требования, твердо заявив, что рабочие не возобновят работу, пока их условия не будут удовлетворены. Соглашения не последовало.

Власти объявили бастующим Тверской мануфактуры ультиматум: в течение трех дней с 1 марта они обязаны получить расчет и очистить фабричные жилые помещения или же встать на работу на условиях, продиктованных владельцами фабрики. Одновременно были вызваны дополнительные воинские части. Но рабочие продолжали стачку.

¹⁹³ Там же, стр. 324.

Правление фабрики вывесило объявление: «В понедельник 4 марта будет дан свисток и звонок к началу работ»¹⁹⁴. В этот день в 9 часов утра губернатор в сопровождении прокурора, жандармских, полицейских и прочих чинов прибыл на фабрику, где в назначенный час был дан сигнал к работам, но рабочие заявили, что не приступят к работам, а равно не возьмут расчет и не оставят занимаемые ими на фабрике помещения, пока правление фабрики не возвратит им $\frac{3}{4}$ всех наложенных на них прежде штрафов¹⁹⁵.

Тогда власти решили выселить рабочих при помощи войск. Однако они этого сразу сделать не решались, боясь более решительных действий многотысячной сплоченной и организованной массы рабочих, которая продолжала стоять на своем. Администрация распорядилась не выдавать рабочим из лавки продуктов. Жилые помещения рабочих и вся территория фабрики были окружены войсками. Те рабочие, которые выходили за пределы фабричной территории, обратно не допускались. Администрация добилась того, что к 8 марта более 2 тыс. человек покинули фабрику. 10 марта из 4200 рабочих на фабрике осталось 995. 11 марта эта часть рабочих, не выдержав блокады и голода, приступила к работе. В следующие дни к работе приступили остальные.

Стачка рабочих Тверской мануфактуры — выдающееся событие в истории русского рабочего движения 80-х годов.

После Москвы и Московской губ. по числу стачек и участников стачек на первом месте стояла Владимирская губ. За вторую половину 80-х годов (1885—1890) здесь произошло 83 выступления рабочих, из них более 50 стачек¹⁹⁶. Морозовская стачка оказала непосредственное влияние на забастовочное движение в крупнейших промышленных очагах губернии — Иваново-Вознесенске, Шуе, Тейкове, Коврове. Самым значительным выступлением здесь в 1885 г., после стачки на Никольской мануфактуре Морозова, была общая стачка рабочих в г. Иваново-Вознесенске — первое совместное выступление рабочих нескольких фабрик в этом известном центре хлопчатобумажного производства. Его начали ткачи фабрики И. Гарелина. Основной причиной стачки послужило снижение заработка рабочих и введение девятичасовой смены. Издание закона 1885 г. о запрещении ночной работы женщинам привело при сдельной оплате к падению заработной платы на 25%. Рабочие потребовали повышения расценок. Хотя прибывшим из Владимира вой-

¹⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, Мин. юст., оп. 86, д. 3275, 1885 г., лл. 3, 16—18.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ См. Н. П. Красавченко. Экономическое положение и борьба рабочих-текстильщиков Владимирской губ. в 1880—1894 годах, стр. 466—484.

сковым частям удалось подавить стачку, однако фабриканты вынуждены были пойти на некоторые уступки, и стачка кончилась частичным успехом рабочих.

В 1885 г. происходили крупные стачки рабочих-металлистов. К ним следует отнести стачку в Петербурге на Путиловском заводе, которая отличалась своей организованностью. Прекратив работу, 500 рабочих собрались на заводском дворе и заявили, что существующими на заводе порядками они недовольны и к работам приступать не намерены. Вынужденные угрозами администрации встать на работу, они потребовали, чтобы заводское начальство выслушало каждую группу рабочих. Более двух недель продолжались переговоры рабочих с администрацией. Забастовка закончилась также частичным успехом рабочих.

Морозовская стачка и последовавшие за ней стачки и волнения рабочих 1885 г. в разных губерниях Центрально-промышленного района были единым и самым крупным движением рабочих России 80-х годов. Стачки рабочих этого района с неослабевающей силой продолжались и в 1886 г.

В январе 1886 г. по причине снижения администрацией расценок вспыхнула стачка на ткацкой фабрике Бутюгина в Москве. В ответ на угрозы прибывших полицейских привлечь забастовщиков к ответственности двое ткачей вышли вперед и заявили, что рабочие ни за что на работу на прежних условиях не пойдут и требуют расчета. Полиция попыталась арестовать этих двух рабочих представителей, но остальные рабочие закричали, что не допустят ареста своих товарищей. Вся толпа рабочих была задержана и отправлена в полицейский дом. Затем были еще арестованы некоторые активные участники стачки, и лишь после этого полиции удалось принудить рабочих вернуться к работе. Важно отметить, что среди стачечников активную роль играли бывшие петербургские рабочие. Московский полицмейстер писал московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукову: «Забастовка эта, как выяснено, состоялась по подстрекательству крестьянина Алексея Тимошина, который... прежде служил на фабриках в С.-Петербурге»¹⁹⁷.

На Невской бумаготкацкой и красильно-набивной мануфактуре К. Я. Паля 600 рабочих ткацкого отделения подали прошение министру внутренних дел с жалобой на произвольное снижение администрацией расценок. В прошении было точно указано, насколько прибавилось работы и насколько вместе с тем снизился заработок рабочих на новых условиях. В ответ на это им было предложено немедленно оставить завод и «в настоящее время, — говорится в прошении, — не по собственному капризу, а единственно из-за невыгодности продолжать работу у Паля

¹⁹⁷ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 407.

мы в числе 600 человек рабочих с 28 минувшего ноября вынуждены без работы и решительно без всяких средств к существованию скитаться по городу»¹⁹⁸.

Однако, добившись увеличения расценок, рабочие фабрики Паля не приступили к работам, а стали уговаривать рабочих соседней Петровской ткацкой фабрики присоединиться к ним и потребовать также увеличения платы у себя на фабрике.

Соединившись, рабочие этих двух фабрик отправились на Спасскую фабрику. «Таким образом, в 12 часов дня в понедельник толпа на улице состояла уже из рабочих всех трех фабрик, числом, примерно, около 3000 человек», — писал об этом событии фабричный инспектор¹⁹⁹, с которым повели переговоры выборные от рабочих.

Стачка была зверски подавлена войсками. 72 рабочих были арестованы, 21 — выслан. В следующем, 1887 г., рабочие Спасской и Петровской мануфактур снова забастовали, требуя повышения заработной платы; на этот раз революционное выступление пролетариата кончилось также не в пользу рабочих, но оно показало, как постепенно росла солидарность в рядах российского пролетариата.

Новые данные о стачечном движении рабочих во второй половине 80-х годов опровергают неправильные утверждения, что фабричное законодательство 1885—1886 гг. и промышленное оживление 1887 г., наступившее после кризиса 1882—1886 гг., привели к ослаблению рабочего движения в России, к спаду стачечной волны. Наоборот, в связи с практическим осуществлением фабричного законодательства и благодаря промышленному оживлению борьба рабочих в 1887 г. усилилась. В названном году состоялось 90 стачек и волнений против 75 в 1885 г. и 53 в 1886 г. В 1887 г. произошло стачек больше, чем в любом году с 1870 по 1894 г. В целом, даже по неполным сведениям, в 1885—1889 гг. в России произошло 301 выступление рабочих, тогда как в 1880—1884 гг. их было 145²⁰⁰. Борьба пролетариата принимала все более упорный характер. Заводской пролетариат крайне недоверчиво относился ко всякого рода нововведениям, ожидая от начальства лишь ухудшения своей участи. По закону 1886 г. были введены расчетные книжки, но самый способ введения этих книжек порой носил издевательский характер. Так, от рабочих Ярцевской фабрики, большинство которых было неграмотным и не могло ознакомиться с новым законом, стали требовать немедленной подписи под расчетными книжками, а уклоняющихся от исполне-

¹⁹⁸ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 435.

¹⁹⁹ Там же, стр. 435—436, 441—442.

²⁰⁰ Там же, стр. 72.

ния этого грозили прогнать с фабрики²⁰¹. Рабочие объявили стачку. Официальное следствие установило такие причины волнения на Ярцевской фабрике: «1) непредупреждение рабочих при найме 1 октября о выдаче им на основании закона 3 июня 1886 г. новых расчетных книжек; 2) полная бестактность в сем деле фабричной администрации... 3) отсутствие наблюдения за применением новых правил и за введением новых расчетных книжек со стороны фабричной инспекции, не посетившей фабрику со времени издания закона ни одного раза...». Тем не менее, большая группа рабочих была арестована и осуждена на различные сроки заключения²⁰².

Под влиянием роста рабочего движения в центре России в 80-х годах (особенно во второй половине) на путь массовых стачек вступают рабочие национальных районов страны: Польши, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа.

Процесс капиталистического развития Польши протекал в условиях все усиливавшихся внутренних социально-экономических противоречий, они обострялись политическим и национальным гнетом. Это обусловило здесь сравнительно быстрый рост рабочего движения, которое с самого начала развивалось под влиянием пролетарского движения России. Пропаганду социалистических идей среди рабочих Варшавы, Лодзи и других городов повели польские студенты, обучавшиеся в Петербурге, Москве, Киеве. В 70-е годы появились первые революционные кружки польских рабочих²⁰³.

В промышленных городах Украины первые стачки фабрично-заводских рабочих произошли в начале 70-х годов.

В стачечном движении Украины видное место со второй половины 80-х годов начинают занимать металлисты и горнорабочие. В первые ряды борющегося пролетариата выходят рабочие Донбасса и Криворожья. Наиболее крупные рабочие выступления на Украине во второй половине 80-х годов имели место в Юзовке, которая к тому времени стала крупным промышленным центром юга России, и на Брянском заводе в Екатеринославе. Именно с этого времени революционная борьба пролетариата становится здесь более активной. 5 мая 1887 г. в Юзовке 400 рабочих шахты № 19 начали стачку. В тот же день они убедили забастовать рабочих ряда других шахт. 1500 стачечников явились к зданию конторы и заявили, что на прежних условиях они работать не будут. Бастующие

²⁰¹ См. там же, стр. 462.

²⁰² Там же, стр. 464—465.

²⁰³ И. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. М.—Л., 1925; см. также Н. Пухлов. Начало рабочего движения в Польше (70—80-е годы XIX в.). «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 152—167.

предъявили администрации шахт требования: 1) повысить расценки; 2) удалить некоторых штейгеров, конторщиков и фельдшера, ненавистных рабочим за их грубое обращение. В случае неудовлетворения требований рабочие просили считать их всех.

Опасаясь дальнейшего распространения стачки и еще более решительных действий со стороны рабочих, администрация решила их обмануть. Вызвав войска, она заявила рабочим, что их условия приняты и чтобы они пошли на работу. Но рабочие не поверили администрации и заставили инженера выдать им подписку в том, что их требования будут выполнены.

Утром с прибытием войск начались аресты активных участников стачки, по всем шахтам были вывешены объявления, в которых рабочие призывались приступить к работе. 7 и 8 мая были арестованы 342 рабочих шахты № 19. 9 мая прибывшие сюда вице-губернатор и прокурор, собрав всех рабочих, объявили о «незаконности стачки» и потребовали возвращения на работу всех забастовщиков. Рабочие молчали, но к работе не приступали. 10 и 11 мая начались новые массовые аресты участников стачки. После некоторого колебания оставшиеся на свободе рабочие постепенно приступили к работе²⁰⁴.

Стачка в Юзовке свидетельствовала о росте сознательности и сплоченности в среде рабочих юга России. Большинство активно действовавших рабочих были выходцами из Смоленской губ. Многие из них уже ранее участвовали в стачках на фабриках и заводах центральной России.

Конец 80-х годов (1888—1890) отмечен размахом рабочего движения в Иваново-Вознесенске, Шуе, Серпухове. Революционная борьба рабочих поднялась на высшую ступень: она проявила тенденцию к переходу в крупные стачки пролетариата всего города. Так, например, в сентябре 1888 г. возникла стачка 1,5 тыс. рабочих фабрики Терентьева в г. Шуе. Участники стачки требовали отмены ночных работ и зимних расценок. К бастовавшим присоединилось еще 3 тыс. рабочих фабрик Бурылина и Павлова. В Шую были вызваны из Москвы подразделения пехоты и два полка казаков. В ответ на это к стачке присоединились новые отряды рабочих, и число участников стачки возросло до 6 тыс. человек. Рабочие выпустили воззвание, которое замечательно не только четким изложением их экономических требований, но и протестом против политического режима в стране: «Если правительство назначено в государстве для порядка и защиты слабого от сильного, так разве это порядок, что тысячи человек будут работать на одного какого-нибудь жадного купца, от произвола которого мы

²⁰⁴ ГИАДО, ф. 4 с., д. 236, 1887 г., лл. 183—189.

ни в чем не ограждены... Если же правительство по-прежнему останется глухо к нашим просьбам и требованиям, то, следовательно, нам нечего надеяться на поддержку и помощь с его стороны в наших бедственных и безвыходных положениях: пусть же правительство после этого заслуживает от нас презрения; это будет насилие, и на насилие мы ответим насилием, не в настоящем, так в будущем! Мы должны добиваться своих прав силою!»²⁰⁵. Стачечникам удалось добиться ряда уступок от фабрикантов²⁰⁶.

В 1889 г. бастовали почти все ткацкие фабрики Шуи и Иваново-Вознесенска. Забастовки подавлялись большими отрядами войск. Рабочие Иванова-Вознесенска, начавшие стачку 18 апреля, отражали натиск казаков камнями. Схватки с казаками были отчаянные. Рабочие держались до 25 апреля, после чего вынуждены были уступить.

Иваново-вознесенская и другие стачки второй половины 80-х годов показали, что рабочие начали понимать важность организованного отпора своим угнетателям. Развитие массового рабочего движения в России и рост в нем элементов организованности вынуждены были признать и народолюбцы. Их орган «Листок «Народной воли»», сравнивая рабочее движение с крестьянским, писал в 1886 г.: «Движение рабочих гораздо осмысленнее и во стремлениям, одушевляющим их, и по самому ведению дела»²⁰⁷. Далее перечисляются черты, отличающие революционную борьбу рабочих: «Сознание непримиримой противоположности интересов рабочего и капиталиста, ненависть к существующему порядку вещей во всей его полноте, идеи, вращавшиеся до сих пор в образованных кругах и переходившие в народ только в отдельных случаях, оказываются теперь до известной степени присущими пятитысячной толпе... Стена между интеллигенцией и народом как будто дрогнула впервые со времени возникновения русского революционного движения»²⁰⁸.

Рост рабочего движения стал оказывать непосредственное влияние на дальнейшее развитие русской революционной мысли.

В этот период масса рабочих еще только чувствовала несовместимость ее интересов с интересами помещиков и капиталистов, не понимая действительного пути к своему освобождению. Рабочие ограничивались элементарными экономическими требованиями. Борьба велась за ничтожный прожиточный минимум, граничащий с полуголодной жизнью. Даже

²⁰⁵ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 1, стр. 627.

²⁰⁶ См. ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 34, ч. 1, 1888 г., л. 2.

²⁰⁷ Листок «Народной воли», 1886, № 3, стр. 10.

²⁰⁸ «Литература партии «Народная воля», стр. 277.

беспредельно длинный рабочий день пока не вызывал серьезного протеста. В тот период движение рабочих в основном носило неорганизованный, стихийный характер.

* * *

Русское рабочее движение возникло позднее западноевропейского рабочего движения и могло воспользоваться его опытом. Обозревая в 1875 г. историю западноевропейского рабочего движения и указывая на преимущества в развитии рабочего движения в Германии, Ф. Энгельс одним из них считал то, что здесь оно началось позже, чем в других странах Западной Европы. «Так же,— писал он,— как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна... точно так же немецкое практическое рабочее движение никогда не должно забывать о том, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно могло попросту использовать их дорого купленный опыт и избежать теперь их ошибок, которые тогда были большею частью неизбежны. Где были бы мы теперь без примера английских тред-юнионов и политической борьбы французских рабочих, без того гигантского толчка, который дала в особенности Парижская коммуна?»²⁰⁹

В свете этого высказывания Энгельса становятся ясными и преимущества русского рабочего движения, которое возникло и развивалось на плечах не только английского и французского, но и немецкого рабочего движения 70—80-х годов. Первые шаги рабочего движения в России были сделаны в тот период, когда на Западе пролетарское движение уже прошло свой начальный путь и вступило во второй период своего развития, когда марксизм стал распространяться вширь и образовались массовые рабочие партии и другие рабочие организации. Все это создавало благоприятные условия для развития русского революционного рабочего движения.

Рабочее движение в России до появления первых марксистских кружков проявлялось не только в форме стихийного стачечного протеста. Передовые представители рабочего класса активно участвовали в революционном движении своего времени. Революционно-демократические и утопические-социалистические идеи были впервые занесены в среду фабрично-заводских рабочих революционной интеллигенцией еще в 60-х годах XIX в. Но рабочие-революционеры шли своими путями. Уже в этот период рабочие Людиновского (Орловская губ.) машиностроительного завода выдвинули из своей среды талантливых революционеров — Исаю Равского, Василия Вьюшкина,

²⁰⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 142—143.

Якова Дарочкина. Эти высококвалифицированные рабочие и для своего времени образованные люди, связанные с подпольными кружками народнической интеллигенции, были организаторами первых стачек в России.

Революционная пропаганда в рабочей среде стала принимать систематический характер с начала 70-х годов. Вели ее народники среди узкого круга передовых рабочих. В Петербурге, Одессе, Москве и некоторых других городах возникли первые нелегальные рабочие кружки. Их участники ставили перед собой ближайшую цель овладеть элементарными знаниями в области «естественных и общественных наук»²¹⁰. Передовые рабочие нередко сами выступали инициаторами создания таких кружков. Революционные народники, в свою очередь, стремились подготовить в рабочих кружках пропагандистов для деревни.

Уже в 70-х годах передовые представители русского пролетариата наряду с крупнейшими представителями революционной интеллигенции заняли виднейшее место в русском революционном движении своей эпохи, являясь носителями зарождающейся новой, пролетарской тенденции. Эту замечательную плеяду рабочих-революционеров Ленин называл великими деятелями рабочей демократии²¹¹. Участие рабочих в демонстрации у Казанского собора (в 1876 г.), в процессе группы революционеров во главе с Ковальским в г. Одессе (в 1878 г.), участие отдельных рабочих в таких значительных событиях русской общественной жизни того времени, как похороны И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского, ярко свидетельствует о значительной роли рабочих 70—80-х годов в общедемократическом движении России.

До последнего времени в исторической литературе начало сознательного идейного движения среди русских рабочих 70-х годов характеризуется обычно как «революционная пропаганда среди рабочих». Этот термин, внесенный в литературу народническими пропагандистами той поры, суживает действительное историческое содержание славного периода юности русского рабочего движения. Современные данные по истории возникновения и деятельности рабочих кружков и союзов позволяют определить их как зачаток рабочего социалистического движения, а идеологию этих кружков как русский рабочий утопический социализм, отличный от русского крестьянского утопического социализма народников.

²¹⁰ Показания рабочих Д. Е. Изотова, Д. П. Гренко, Н. Б. Наддачина и др. участников «Южно-российского союза рабочих». «Южнорусские рабочие союзы», под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского. М., 1924, стр. 89—90, 135—137.

²¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 276.

В отличие от рабочих кружков домарковского периода во Франции и Германии (30—50-е годы), которые состояли преимущественно из ремесленных рабочих²¹², в тайные рабочие кружки 70-х годов в России входили преимущественно рабочие, занятые на самых крупных и наиболее передовых в техническом отношении предприятиях. Таковы были первые русские рабочие-революционеры: Петр Алексеев, Степан Халтурин, Виктор Обнорский, Василий Герасимов, Лука Абраменков, Петр Моисеенко и многие другие.

В Москве первые нелегальные кружки рабочих появились в середине 70-х годов. Главную роль в постановке пропаганды среди пролетариата Москвы играл рабочий Петр Алексеев, приехавший сюда из Петербурга. Как отмечает его биограф, пропаганда в то время велась на многих крупных московских фабриках и заводах (Носова, Гучкова, Тимашева, Лазарева, Гюбнера и др.), а также в мастерских Курско-Харьковской железной дороги и на других предприятиях²¹³.

Из этих кружков вышли активные рабочие-революционеры, единомышленники Петра Алексеева, — Николай Васильев, Семен Агапов, Иван Баринин, Прокофий Баринин и др.²¹⁴.

Первые революционные рабочие кружки в Одессе тоже возникли на крупных предприятиях. Революционный рабочий кружок в Ростове-на-Дону, сложившийся в 1875 г., в громадном большинстве состоял из рабочих железнодорожных мастерских. В том же 1875 г. возник кружок на Кренгольмской мануфактуре в г. Нарве. Его организатором был рабочий Лука Иванович Абраменков. Главным деятелем кружка был рабочий Павел Федоров. Такие же рабочие кружки были созданы в это время в Туле, Иваново-Вознесенске, Киеве, Харькове, Саратове и в некоторых других городах на крупных фабриках и заводах.

На базе рабочих кружков в Петербурге и Одессе образовались в середине 70-х годов первые русские пролетарские организации: «Южно-российский союз рабочих» в 1875 г. и «Северный союз русских рабочих», оформившийся в 1878 г.

Наиболее активными деятелями первой пролетарской организации в России — «Южно-российского союза рабочих»²¹⁵,

²¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. 2. М., 1948, стр. 324—325; В. Волгин. Уравнительные и социалистические тенденции во французских тайных обществах 1830—1834 годов. «Вопросы истории», 1947, № 6, стр. 26—28.

²¹³ Н. С. Каржанский. Московский ткач Петр Алексеев. М., 1954, стр. 43.

²¹⁴ Там же, стр. 34.

²¹⁵ В 1875 г. «Южно-российский союз» состоял из шести групп: 1) группы передовых рабочих механического з-да Баллино-Фендерих, 2) механического з-да Гулье-Бланшарда, 3) городская группа, куда вхо-

дители рабочие типографии Заславского и другие рабочие города, 4) группа золотого кружка», т. е. часовых мастеров, 5) группа рабочих железнодорожных мастерских (это была наиболее многочисленная группа) и 6) группа рабочих на Слободке-Романовке. Б. Итенберг. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России. М., 1954, стр. 46.

кроме его организатора интеллигента Е. О. Заславского, были городские квалифицированные рабочие крупнейших механических предприятий Одессы, преимущественно рабочая молодежь, выросшая в самой Одессе или прибывшая сюда из Елисаветграда, Николаева и других промышленных мест юга России. Эта молодежь жаждала света и знаний, ненавидела капиталистический гнет, рвалась в бой с самодержавием. Особенно выделялись молодые рабочие Николай и Сергей Наддачины, Федор Кравченко, Петр Силенко, Степан Наумов.

История возникновения и деятельности русских рабочих организаций домарковского периода освещена в советской литературе²¹⁶, но незаслуженно мало внимания уделено их идеологии. А между тем эта сторона имеет особенно важное значение для понимания процесса рождения марксизма в России.

Что же представляла собой идеология этих первых русских рабочих социалистических организаций, непосредственно предшествовавших первым марксистским группам и кружкам в России? В значительной мере она определялась следующим: экономическая и политическая зависимость русской буржуазии от царизма, ее апелляции к царским властям в борьбе с рабочим движением сделали уже для первого поколения русских рабочих-революционеров явной связь буржуазии с царизмом. Отсюда вытекала характерная для рабочего движения России с самого его возникновения политическая направленность, которая все усиливалась. Прудонистские реакционные утопии «гармонии» между трудом и капиталом и «слияния» буржуазии и пролетариата в один класс не имели и не могли иметь успеха среди русских рабочих даже в самом начале их вступления на арену революционной борьбы.

См. сб. «Южно-российский союз рабочих», под ред. Н. М. Осиповича. [Киев], 1924; сб. «Южнорусские рабочие союзы», под ред. В. В. Макакова и В. И. Невского. Первые исследовательские статьи по истории рабочего движения 70-х годов были написаны В. И. Невским. См. сб. «От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. О пропаганде среди рабочих в начале 70-х годов см. Ш. М. Левин. Кружок чайковцев и пропаганда среди рабочих. «Каторга и ссылка», 1929, № 12(61), стр. 7—27. См. также Б. Итенберг. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России; Э. А. Корольчук. Из истории «Южно-российского союза рабочих». «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 78, 1948, стр. 5—30.

²¹⁶ См. сб. «Южно-российский союз рабочих», под ред. Н. М. Осиповича. [Киев], 1924; сб. «Южнорусские рабочие союзы», под ред. В. В. Макакова и В. И. Невского. Первые исследовательские статьи по истории рабочего движения 70-х годов были написаны В. И. Невским. См. сб. «От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. О пропаганде среди рабочих в начале 70-х годов см. Ш. М. Левин. Кружок чайковцев и пропаганда среди рабочих. «Каторга и ссылка», 1929, № 12(61), стр. 7—27. См. также Б. Итенберг. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России; Э. А. Корольчук. Из истории «Южно-российского союза рабочих». «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 78, 1948, стр. 5—30.

Характеризуя первые шаги рабочего движения России, В. И. Ленин отмечает его революционную политическую направленность, стихийное, но неудержимое стремление рабочих к идеям политической борьбы за демократию и социализм. В. И. Ленин высоко ставил эту черту русского рабочего движения. «Разве,— спрашивал он в 1899 г. «экономистов»,— русский рабочий в массе не поставлял в течение более чем 20 лет своих лучших, самых развитых и самых честных и смелых товарищей в ряды революционных кружков и организаций?»²¹⁷. Разоблачая редакторов «Рабочего дела»²¹⁸ и «Рабочей мысли»²¹⁹, которые утверждали, что русское рабочее движение в 70—90-х годах сводилось будто бы только к стачкам и легальным обществам, В. И. Ленин писал: «Да ведь это же прямая неправда! Русское рабочее движение уже 20 лет тому назад (написано в 1899 г.— Ю. П.) основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи...»²²⁰

Взгляды рабочих-социалистов 70-х годов на значение политической борьбы для движения к социализму явились значительным шагом вперед по сравнению со взглядами современной им революционной народнической интеллигенции. Уставы и программы первых русских рабочих организаций, а также их практическая деятельность ярко об этом свидетельствуют. «Когда в 1875 г.,— писал В. И. Ленин,— образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»²²¹.

Стремясь к политической свободе, передовые рабочие России 70-х годов понимали, что в России ее можно добиться только революционным путем. Но завоевание политической свободы рабочие-революционеры рассматривали не как самоцель, а как необходимое условие дальнейшего развития русского рабочего движения.

Идея насильственного свержения царизма и завоевания политических свобод стоит во главе программных требований как «Южно-российского союза рабочих», так и «Северного союза русских рабочих». Разумеется, передовым рабочим 70-х годов было трудно подняться до уровня научного социализма, пока интеллигенция оставалась в идейном плену утопическо-

²¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 266.

²¹⁸ «Рабочее дело» — орган «экономистов» за границей.

²¹⁹ «Рабочая мысль» — орган петербургских «экономистов».

²²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 235.

²²¹ Там же, стр. 237.

го социализма. В оценке соотношения классовых сил в России и движущих сил русской революции, в анализе путей перехода России к социализму рабочие-революционеры во многом следовали народническим теориям, которые в то время еще господствовали в революционном движении. Вместе с тем на формирование ранней идеологии русского рабочего движения оказывало большое влияние движение пролетариата в странах Западной Европы. Сопоставление устава «Южно-российского союза рабочих» с уставом I Интернационала, а программы «Северного союза русских рабочих» с Эйзенахской и Готской программами немецкой социал-демократии показывает влияние международного рабочего движения 60—70-х годов на идеологию первого поколения русских рабочих-революционеров.

С самого начала пробуждения рабочего класса России к политической жизни его наиболее сознательные представители горячо стремились овладеть передовыми идеями своего века. Почти все крупные деятели революционного движения 70-х годов отмечают характерную черту русских рабочих — необыкновенную жажду знаний вообще и живой интерес к общественным теориям. «Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести»,— отмечает Плеханов в своих воспоминаниях эту особенность петербургских рабочих, которая произвела на него сильное впечатление. «Настоящим революционером рабочий станет тогда, когда овладеет знаниями»,— так говорили передовые петербургские рабочие в 70-х годах²²². Вопрос об отношении революционеров к теории — один из важнейших пунктов разногласия между народниками и рабочими.

В царской России строжайше преследовалось чтение и хранение социалистической литературы, особенно произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но, несмотря на все полицейские репрессии, эта литература разными путями проникала в Россию и распространялась в революционном подполье.

Круг литературы подпольных рабочих кружков 70-х годов проливает свет на источники формирования идейно-политических взглядов первого поколения русских рабочих-революционеров. К сожалению, в нашем распоряжении нет исчерпывающего перечня такой литературы. Это могло бы явиться интересной темой специального исследования. Но и известный нам список революционно-демократической, социалистической и атеистической литературы, которая была в ходу у участников рабочих кружков, следует признать весьма значительным.

Наиболее доступными и самыми распространенными среди передовых рабочих 70—80-х годов были произведения рус-

²²² Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 130—131.

ской революционно-демократической литературы, среди которой особый интерес вызывали произведения Чернышевского, Белинского, Герцена, Добролюбова. На художественных произведениях русских революционных демократов воспитывался ряд поколений не только революционной интеллигенции, но и передовых рабочих России. «Рабочие-семидесятники,— верно отмечает историк русского рабочего движения этого периода,— в большей степени, нежели интеллигенты-народники 70-х годов, воспринимали то, что можно назвать революционно-демократической струей просветительства»²²³. Рабочие буквально зачитывались произведениями великого сатирика Салтыкова-Щедрина, увлекались стихами Н. А. Некрасова. «Из писателей, знакомых мне в то время,— вспоминал один из участников «Южно-российского союза рабочих»,— наибольшее влияние на меня оказал Некрасов, его стихи я заучивал наизусть, его два томика стихотворений постоянно лежали у меня на столе, и часто, вместо нелегальных книжек, я чигал собиравшимся у меня рабочим его стихи»²²⁴.

Такой же живой интерес вызывала у рабочих и литература по историческим и социально-экономическим вопросам. Здесь наряду с произведениями Чернышевского «Основание политической экономии» и «Капитал и труд» особое место занимала очень популярная в то время книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», о которой мы уже упоминали. Это были настольные книги рабочих-революционеров. С первым томом «Капитала» К. Маркса были знакомы не только некоторые участники «Северного союза русских рабочих»²²⁵, но и ранее возникшего «Южно-российского союза рабочих»²²⁶. В кругах передовых рабочих Петербурга была известна также работа К. Маркса «Гражданская война во Франции» (нелегальное русское издание 1871 г.). Статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», напечатанная в «Современнике» в 1861 г., знакомила рабочих с трудом Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Статья Н. Покровского «Что такое рабочий день?», напечатан-

²²³ Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге, стр. 51.

²²⁴ М. П. Скверин. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе, Одесса, 1921, стр. 17.

²²⁵ Э. А. Корольчук (см. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге, стр. 50), называет ряд заводских рабочих середины 70-х годов, «которые хорошо знали 1-й том «Капитала» К. Маркса. Это — И. Т. Смирнов, Я. Тихонов, С. Шмидт».

²²⁶ I том «Капитала» в русском издании 1872 г. был взят жандармами во время ареста у рабочих, членов «Южно-российского союза» Н. Надячина и П. Сикачина (Б. Итенберг. Указ. соч., стр. 69).

ная в 1870 г. в «Отечественных записках», излагала III главу I тома «Капитала». В легальной демократической и нелегальной революционной печати 60—70-х годов широко освещалось положение пролетариата на Западе, деятельность I Интернационала, социалистических рабочих конгрессов, стачки рабочих в разных странах.

По словам Плеханова, С. Халтурин изучал историю французской революции, европейские конституции, уставы английских тред-юнионов и особенно современное ему рабочее движение и социалистические теории западноевропейского рабочего движения.

Революционное рабочее движение России с самого начала было почти свободно от влияния идей анархизма²²⁷ в отличие от других стран, в частности романских (Франции, Италии, Испании), где в 50—70-х годах анархизм получил широкое распространение в рабочем движении. В России анархизм в 70-х годах был распространен преимущественно среди революционной интеллигенции, которой удалось увлечь за собой лишь отдельных рабочих.

Рабочее движение, поскольку оно выражалось в стачках и волнениях, рассматривалось революционными народниками 70-х годов как одно из проявлений недовольства «народа», т. е. главным образом крестьянства. Лозунг Маркса «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» трактовался народниками так, что освобождение «народа», т. е. крестьянства, должно быть делом самого «народа». В самостоятельном классовом движении городского промышленного пролетариата русские народники видели лишь слепое подражание западноевропейскому образцу.

Лекции и литература о международном рабочем движении, о Международном товариществе рабочих, о Парижской коммуне вызывали у передовых русских рабочих желание побывать за границей. Некоторые рабочие исполнили свое желание и сумели лично познакомиться с пролетарским движением на Западе. Они возвращались на родину, обогащенные новыми идеями, идеями классовой борьбы пролетариата. Решительные попытки передовых рабочих сосредоточить свое внимание на пропаганде идей демократии и социализма главным

²²⁷ В советской исторической литературе проблема отношения передовых рабочих 70-х годов к анархизму в связи с историей возникновения и деятельности первых русских рабочих организаций выяснена наиболее полно в кн.: Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Одним из первых на эту сторону вопроса указал В. И. Невский (см. его статью «Виктор Павлович Обнорский». «Историко-революционный сборник», т. III. М.—Л., 1926; см. также Б. Итенберг. Указ. соч.).

образом в собственной, рабочей среде встречали со стороны «деревенщиков» явное сопротивление.

Г. В. Плеханов очень живо изобразил пропаганду, которую он и его товарищи, еще будучи народниками-бакунистами, вели среди рабочих: «Мы проповедовали им,— вспоминает он,— не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними в виде соблазнительного идеала допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария»²²⁸.

Неудивительно, что наиболее дальновидные из передовых рабочих Петербурга уже к середине 70-х годов в своих политических взглядах разошлись с народниками.

В среде рабочих-революционеров нарастал протест. Этот протест вытекал, во-первых, из того, что заводские рабочие не желали мириться с анархистским отрицанием необходимости вести борьбу за политическую свободу; во-вторых, заводские рабочие не идеализировали мелкобуржуазное крестьянство; в-третьих, до них доходили известия о той беспощадной борьбе, которая велась с бакунизмом в западноевропейском рабочем движении Марксом и Энгельсом и их единомышленниками. Кроме того, многие передовые рабочие были знакомы с такими произведениями, как «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Историческое развитие Интернационала» П. Лаврова и «Программа рабочих» с Уставом I Интернационала, с программами некоторых западноевропейских рабочих партий, в которых развенчивался анархизм.

Скептическое, а порой и враждебное отношение передовых рабочих Петербурга к проповеди народников, в особенности народников-бакунистов, было в той или иной мере признано не только Плехановым, марксистом, но и теми, кто остался верен анархизму или народничеству, например П. Кропоткиным, О. Аптекманом, Н. Русановым, С. Степняком-Кравчинским, С. Коваликом, И. Джабадари, Г. Голосовым и др.²²⁹

Первые рабочие организации в России возникли на почве

²²⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 141.

²²⁹ П. Кропоткин. Записки революционера. М.—Л., 1933; О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг. С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. 5. Эскизы и силуэты. Степан Халтурин. СПб., 1908; М. Фроленко. Записки семидесятника. М., 1927; И. Джабадари. Процесс 50. «Былое», 1907, № 8(20); С. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193. М., 1928.

роста стихийного рабочего движения, но они возникли не как профессиональные организации, выросшие из стачечного движения, а как политические организации, как зачаток социалистического рабочего движения, в противовес народникам, не придававшим рабочему движению самостоятельного значения. В то время русские рабочие-социалисты не сочиняли социалистических доктрин. Но виднейшие из них являлись авторами или соавторами программных документов, в которых были выражены их революционные взгляды и самые глубокие чаяния. Продуктом коллективного творчества была и знаменитая речь Петра Алексева, а также Семена Агапова на судебном процессе по делу «50-ти». Наиболее зрелыми произведениями русской рабочей мысли домарксистского периода являются «Программа «Северного союза русских рабочих»» (1879) и «Письмо в редакцию «Земли и воли» от рабочих «Северного союза»» (1879). Эти документы, авторами которых были петербургские рабочие Степан Халтурин, Виктор Обнорский и другие, отразили типичные черты идеологии русских рабочих-социалистов домарксистского периода.

Без помощи марксистской интеллигенции начавшееся рабочее движение не могло само выбраться на путь научного социализма. Но оно пыталось самостоятельно найти этот единственно верный путь к цели и явило замечательные примеры героических поисков правильной революционной теории и практики.

Русские рабочие-социалисты 70-х годов были революционерами и, в отличие от представителей рабочего утопического социализма на Западе, считали, что преобразование своей страны на социалистических началах возможно только в результате революционного переворота. Мирный, реформистский путь к социализму они считали исключенным. Не порвав еще окончательно с народническими взглядами, Халтурин и другие авторы программы «Северного союза» все же близко подошли к идее исторической роли пролетариата, что коренным образом отличало их от народников. Халтурин самой революционной силой считал рабочих. «В рабочих,— пишет Плеханов,— видел он самых надежных, прирожденных революционеров»²³⁰.

Исключительное значение «рабочего сословия» как наиболее передовой и самой надежной части трудящихся в борьбе за революционное преобразование России подчеркнута в составленной Халтуринным и его товарищами программе «Северного союза русских рабочих»: «Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас

²³⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 196.

рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах... Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдём мы вперед и в братском единении сольёмся в одну грозную боевую силу... На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, — и мы должны дать его»²³¹.

Исключительная роль рабочего класса в борьбе за революционные преобразования страны выражена, хотя и не совсем четко, и в заключительной части программы «Северного союза». «Знайте, — обращаются Халтурин и его товарищи к рабочим, — что в нас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь»²³².

Выдвигая пролетариат как передовую революционную силу, Халтурин и его товарищи считали важнейшей своей задачей просвещение и организацию рабочих. «Ум его, — подчеркивает Плеханов, — до такой степени исключительно поглощен был рабочим вопросом, что ему едва ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни. Он знакомился с интеллигентами, слушал их толки об общине, о расколе, о «народных идеалах», но народническое учение так и осталось для него чем-то почти совсем чуждым»²³³.

Рабочие-революционеры видели главную задачу своей деятельности в том, чтобы помочь рабочим осознать свои особые классовые интересы. Различие в классовом положении рабочих и крестьян, различие между их целями и стремлениями не было еще вполне осознано первым поколением русских рабочих-революционеров. Но вместе с тем дело просвещения и организации городских рабочих они считали главным, перво-степенным. Они были убеждены в том, что пропаганда революционных и социалистических идей должна вестись прежде всего среди промышленного пролетариата и что пропагандистами этих идей должны быть преимущественно рабочие. Халтурин сам был неутомимым пропагандистом и всеми силами старался подготовить пропагандистов из среды рабочих. Отсюда и родилась идея создания самостоятельной рабочей организации.

Идея преобразования России революционным путем была воспринята передовыми рабочими 70-х годов у революционно-демократической интеллигенции. Но понимание рабочими-революционерами характера революции и ее движущих сил су-

²³¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 241—242.

²³² Там же, стр. 242.

²³³ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 197.

щественно отличалось от взглядов народнической интеллигенции. Последняя рассматривала предстоящую революцию как крестьянскую социалистическую революцию. Фабрично-заводскому пролетариату народники не отводили роль самостоятельной революционной силы.

Критикуя программу «Северного союза русских рабочих», орган русских народников-бакунистов «Земля и воля» считал одним из главных ее недостатков отход от традиционного взгляда на крестьянство как на главную силу предстоящей революции.

Представляя себе грядущую революцию как «народную», «социалистическую» революцию, рабочие-революционеры все же оказались впереди народников-интеллигентов и в этом отношении, так как рассматривали эту революцию с точки зрения интересов не только крестьянства, но прежде всего фабрично-заводского пролетариата²³⁴.

Важнейшей заслугой первого поколения русских рабочих-революционеров является выдвижение ими требования политической свободы. «...Будущий историк революционного движения России, — писал в 1892 г. Г. В. Плеханов, — должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции. Это требование сближало Северо-Русский Рабочий Союз с западноевропейскими рабочими партиями, придавало ему социал-демократическую окраску»²³⁵.

Требование передовыми рабочими политической свободы вытекало из их опыта революционной деятельности в условиях царского самодержавия и было подсказано также опытом борьбы западноевропейского пролетариата за демократические свободы.

В отличие от народолюбцев, которые понимали политическую борьбу как борьбу кучки заговорщиков, действующих средствами политического террора, рабочие-революционеры понимали политическую борьбу как борьбу рабочих масс. Но они не считали политическую свободу своей конечной целью, как буржуазные либералы, а рассматривали политические свободы как необходимое условие своей дальнейшей организации и борьбы за социализм.

²³⁴ Здесь важно сопоставить программу «Северного союза» с программой «землепольцев». «Этой программой, — говорится в установочной статье № 1 «Земли и воли» (1878 г.), — мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным». Далее говорится, что экспроприация фабрик будет осуществлена мимоходом как побочный продукт крестьянской революции («Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 121).

²³⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 186.

Возражая народникам, упрекавшим организаторов «Северного союза» в том, что они, признавая политическую борьбу, действуют против логики, ибо выставляют будто бы чуждые рабочим буржуазные требования, авторы программы «Северного союза» отвечали: «Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть, в свою очередь, опять весьма важное условие для желанного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ради осмысленности социальной революции мы желали бы ее оттянуть на бесконечно длинное время. Во все нет, мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле»²³⁶.

Для русского рабочего движения характерно, что его деятели с самого начала поставили перед собой широкие задачи. Это ярко проявилось в стремлении создателей «Северного союза русских рабочих» превратить его в организацию пролетариата всей России. «Союз,— писал Г. В. Плеханов,— не думал ограничивать поле своей деятельности одним Петербургом. Самое название его (*Северно-Русский Союз*) принято было лишь на время, лишь до тех пор, пока не пристанут к нему рабочие провинциальных городов. Идеалом вожakov Союза была единая и стройная *всероссийская рабочая организация*»²³⁷. Это было также идеалом деятелей ранее возникшего «Южнороссийского союза рабочих». Среди передовых рабочих, таким образом, уже в 70-х годах возникла и крепла идея создания «Великого союза» рабочих всей России. Эту идею «Северный союз» провозгласил в своей программе.

Исходный пункт программы союза утверждает, что, осознав безвыходность своего положения, его деятели «пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплавивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, которая необходима для успешного ведения борьбы»²³⁸.

²³⁶ Письмо в редакцию «Земли и воли» от рабочих «Северного союза». «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 244—245.

²³⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 186.

²³⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 239.

Создание передовыми рабочими Петербурга и Одессы в 70-х годах своих рабочих союзов и их деятельность выражали стремление российского пролетариата выделиться из общего потока разночинского буржуазно-демократического движения в самостоятельное пролетарское движение, в рабочую партию. Это не могло не повлиять на дальнейшее развитие русской революционной мысли в сторону марксизма. Первые рабочие организации России привлекли внимание наиболее чутких в политическом отношении представителей русской интеллигенции и толкнули их на мысль пересмотреть традиционный народнический взгляд на роль фабрично-заводских рабочих в русской революции.

Характерной чертой идеологии пролетарского движения в России с самого его зарождения явилось признание интернациональной классовой солидарности пролетариата различных наций и разных стран. Эта черта определялась многонациональным составом пролетариата России. Интернациональная классовая солидарность среди рабочих России ярко проявилась уже в первых крупных стихийных массовых выступлениях рабочих 70-х годов (Кренгольмская стачка 1872 г., стачки 70-х годов на Украине, в Белоруссии, в Польше и на других национальных окраинах царской России).

Среди первого поколения петербургских рабочих-революционеров, игравших в 70-х годах ведущую роль в движении, были и финны — Карл Иванайнен, Карл-Август Стольберг, Александр Форсман, эстонцы Вильгельм Прейсман, Давид Альторф, латыш Оттон Балтгальс и другие представители разных национальностей²³⁹. Многонациональным был и состав «Южно-российского союза рабочих». В нем главную роль играли местные рабочие-украинцы, но члены организации считали себя неразрывной частью общерусского рабочего движения.

Революционное рабочее движение в России с самого начала испытывало на себе влияние западноевропейского рабочего движения. В 70-х годах, когда деятельность созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом первого Международного товарищества рабочих достигла в связи с Парижской коммуной высшей точки своего развития, влияние этой организации сказалось и на русской революционной интеллигенции. Усилился интерес к международному рабочему движению и его центру — Международному товариществу рабочих и среди русских политических эмигрантов и русских студентов, учившихся за границей. Многие из них возвращались в Россию и знакомили русских рабочих с положением пролетариата за рубежом и его борьбой.

²³⁹ См. Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге, стр. 293—312.

Идея международной классовой солидарности, одно из ярких проявлений стихийного влечения рабочих к идеям социализма и демократии, питалась как исключительно тяжелыми условиями жизни русских рабочих и первым опытом их героической борьбы против социального и политического гнета у себя на родине, так и опытом западноевропейского рабочего движения.

Программа «Северного союза русских рабочих» призывала к единению пролетариев внутри России с пролетариями других стран. «...В братском единении сольемся в одну грозную боевую силу»²⁴⁰. Глубокий и все возрастающий интерес русских рабочих к пролетарскому движению в странах Западной Европы нашел свое отражение в попытках представителей первого поколения русских рабочих-революционеров непосредственно, без помощи народнической интеллигенции, познакомиться с опытом рабочего движения других стран. Эти моменты, а также требование политической свободы, сближали «Северный союз русских рабочих» с социал-демократическим движением Запада той эпохи. По словам Плеханова, это придавало Союзу «социал-демократическую окраску»²⁴¹. Однако в понимании конкретного пути движения к социализму, особенно в родной стране, члены Союза находились еще в плену народнических представлений. Требования буржуазно-демократические и социалистические были смешаны, при этом характер социалистических требований отражал влияние народничества, а также влияние не вполне марксистской «Эйзенахской» программы немецкой социал-демократии.

* * *

Несмотря на жестокую политическую реакцию, наступившую после событий 1 марта 1881 г., революционная пропаганда среди рабочих не только не прекратилась, но в отдельных районах, в частности на юге России, даже усилилась.

Дальнейший рост рабочего движения, распространение этого движения на новые районы непрерывно питали ту почву, на которой из среды передовых рабочих складывались новые рабочие кружки, пытавшиеся продолжать славное дело создания рабочей организации, начатое первыми рабочими союзами 70-х годов.

Вместе с тем развитие рабочего движения и одновременно полная неудача народнической агитации в деревне неумолимо толкали и революционную интеллигенцию на пересмотр ее отношения к городскому рабочему.

После раскола «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» обе народнические группы, вопреки своим

²⁴⁰ «Рабочее движение в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 241.

²⁴¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 188.

программам, не отводящим рабочему классу самостоятельной роли, пытались найти поддержку в растущем рабочем движении. Эта попытка выразилась в издании народовольцами «Рабочей газеты»²⁴², а чернопередельцами газеты «Зерно»²⁴³.

По существу эти газеты не были рабочими ни по своему идейному направлению, ни по составу авторов. Но они отражали стремление народников использовать в своих интересах развивающееся рабочее движение.

В директивном документе организации «Народная воля» — «Подготовительная работа партии» — специальный раздел посвящен городским рабочим. «Городское рабочее население, — говорится в этом разделе, — имеющее особенно важное значение для революции как по своему положению, так и по относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска»²⁴⁴.

Рабочие в планах народовольцев все еще продолжали рассматриваться не как самостоятельная, а как вспомогательная сила. Главной силой народовольцы считали не рабочий класс, а войско²⁴⁵. В 1880 г. народовольцы выработали «Программу рабочих членов партии». Это, собственно, не программа рабочей организации, а программа радикальной мелкобуржуазной партии, прикрываемая социалистическими фразами. Программа декларирует общие цели и задачи революционного движения России в духе народнического социализма. Вместе с тем народовольцы стремились к расширению пропаганды среди городских рабочих, имея в виду не только вербовку отдельных террористов, но и подъем движения среди массы рабочих, как и среди других слоев народа, который, как они полагали, будет вызван известием о гибели царя.

Наряду с народовольцами, чье преобладающее влияние сказалось в 80-х годах и в рабочей среде, пропаганда среди рабочих в Петербурге и некоторых других городах велась в конце 70-х и начале 80-х годов чернопередельцами.

В 80-х годах пропаганда среди рабочих значительно усилилась на юге России. В Одессе после разгрома «Южно-российского союза рабочих» сохранившиеся отдельные кружки рабочих неоднократно присваивали себе название первой рабочей организации. В 1878 г. от имени группы одесских рабо-

²⁴² «Рабочая газета» — ежемесячное издание народовольцев. Всего в 1880—1881 гг. вышло три номера.

²⁴³ «Зерно» выходило в 1880—1881 гг. в России.

²⁴⁴ «Литература партии «Народная воля», стр. 308.

²⁴⁵ Там же.

чих было послано приветствие французским рабочим в связи с седьмой годовщиной Парижской коммуны.

Передовые рабочие Одессы продолжали группироваться, собираться на сходки для совместного чтения нелегальной и легальной литературы. В 1878 г. отдельные интеллигенты (П. Аксельрод, Я. Стефанович, Л. Дейч и др.), примкнувшие вскоре к «Черному переделу», связались с представителями рабочих кружков Одессы и попытались вновь образовать «Южно-русский рабочий союз». Составленные инициаторами «Южно-русского рабочего союза» программа и устав этой организации не сохранились. По словам П. Аксельрода, составителя программы, это была смесь бакунистских и социал-демократических идей. Конечная цель союза провозглашалась в духе бакунизма: «преобразование общества на анархических началах». Затем шло обоснование аграрного переворота и перечислялись ближайшие требования демократизации России: всеобщее избирательное право, свобода собраний и т. д.²⁴⁶

В Одессе и в Киеве в начале 80-х годов возник «Южно-русский рабочий союз», руководящую роль в котором играли не рабочие, а народнические интеллигенты — чернопередельцы. Руководители этой организации (Е. Ковальская, Н. Щедрин), оставаясь на позиции народнического социализма, насаждали тактику фабричного террора, стремясь добиться экономических уступок (сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. д.) посредством угроз по адресу представителей фабричной администрации. Главной целью организации явилась подготовка рабочих-пропагандистов для работы в деревне.

Наряду с «деревенщиками», т. е. сторонниками концентрации главного внимания по-прежнему на деятельности среди крестьянства, а также убежденными террористами, часть революционной интеллигенции и передовых рабочих смотрела на рабочие кружки и союзы, как на самостоятельное важное дело.

В 1882 г. в Киеве вел пропаганду среди рабочих один из видных деятелей «Народной воли», а затем известный ученый — А. Н. Бах²⁴⁷. Выработанный им план бесед с рабочими лег в основу его брошюры «Царь-голод», получившей в 80-х годах широкое распространение в рабочих кружках.

С середины 80-х годов тенденция в среде передовых рабочих к выделению в самостоятельные рабочие кружки усиливается. Эта тенденция нашла свое выражение в революцион-

²⁴⁶ П. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923, стр. 330, 331.

²⁴⁷ А. Н. Бах. Воспоминания народовольца. М., 1931; см. «Былое», 1907, № 1, стр. 117—153; № 2, стр. 190—215; № 3, стр. 200—238.

ных кружках Харькова, Екатеринослава, Одессы, Ростова-на-Дону.

С ростом рабочего движения выдвигалась тонкая, но все увеличивавшаяся прослойка передовых рабочих: организаторов и руководителей стачек, организаторов и участников первых рабочих революционных кружков, создателей первых рабочих политических организаций.

К середине 80-х годов, несмотря на жестокую политическую реакцию, революционные рабочие кружки существовали во многих промышленных городах России.

Передовые рабочие царской России 70—80-х годов не могли, однако, сами подняться до высоты теории научного социализма, пока революционная интеллигенция оставалась в плену старых утопических теорий. Но рабочее движение явилось важнейшей основой для зарождения и распространения марксизма. Рост рабочего движения неизбежно толкал наиболее передовых представителей русской революционной интеллигенции на путь научного социализма.

4. ВОЗДЕЙСТВИЕ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ НА РАЗВИТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

Процессы общественного развития и опыт освободительного движения внутри самой России явились первопричинами, двигавшими революционную мысль России вперед, к поискам новой, подлинно научной революционной теории. Однако при этом не следует недооценивать огромного значения влияния на развитие русской общественной мысли революционного движения на Западе, где пролетариат в XIX в. шел в авангарде мирового освободительного движения.

Как уже отмечалось, это влияние в 40—70-х годах сказывалось своеобразно, противоречиво.

В массовых выступлениях западноевропейского пролетариата русские революционеры-народники находили, с одной стороны, подтверждение своей основной идеи о возможности широкого народного движения за уничтожение всяких форм гнета и построение нового общества, основанного на идеалах социализма. Но, с другой стороны, они страшились тех социальных условий, которые породили пролетариат и его социальную борьбу. Отсюда и непонимание ими сущности теории научного социализма Маркса и Энгельса.

Причиной здесь была не только социально-экономическая отсталость России, но и тот факт, что учение Маркса в самой Западной Европе до 70-х годов оставалось лишь одним из многочисленных течений социализма и что в рабочем движении

тех стран господствовали различные утопические теории, родственные народничеству.

«Каких-нибудь тридцать лет тому назад,— писал В. И. Ленин в 1905 г.,— марксизм не был еще господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария»²⁴⁸.

Это не могло не сказаться также и на ходе развития русской революционной мысли.

С 70-х, особенно с 80-х годов на почве дальнейшего роста рабочего движения в более развитых капиталистических странах учение Маркса окончательно вытеснило из рабочего движения домарксовы формы социализма, и международное рабочее движение вступило в новый период образования массовых рабочих социалистических партий на марксистской основе.

В России еще задолго до появления первых марксистов был проявлен большой интерес среди передовой русской интеллигенции к научной и политической деятельности основоположников научного социализма. Отдельные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса стали проникать в Россию еще в 40—60-х годах.

Г. В. Плеханов уже в 90-х годах указал на знакомство Белинского с единственным изданием «Немецко-французского ежегодника»²⁴⁹. Плеханов указал и на положительное отношение Белинского к этим статьям, подчеркивая, что мысль Белинского работала в том же направлении, что и мысль Маркса и Энгельса²⁵⁰. Плеханов при этом отметил, что русские революционные демократы все же не знали о важнейших классических произведениях Маркса.

На ряд фактов проникновения в 40—70-х годах марксистской литературы в Россию указал и В. В. Воровский. Советскими исследователями последних лет много сделано по конкретному изучению истории проникновения марксистской литературы в Россию в 40—70-х годах прошлого столетия, т. е. еще задолго до появления первых марксистских групп.

²⁴⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 407.

²⁴⁹ «Deutsch-Französische Jahrbücher» — журнал, издававшийся Марксом и А. Руге в Париже в 1844 г. Он предусматривался как ежемесячный, но вышел только один двоянный номер. В нем были напечатаны работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу», работа Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии» и письма А. Руге.

²⁵⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 240.

Установлено, что отдельные представители русской передовой интеллигенции еще в 40—60-х годах были знакомы с произведениями Маркса и Энгельса — «Нищетой философии», «Положением рабочего класса в Англии», «Манифестом Коммунистической партии», «К критике политической экономии».

Непосредственным поводом к появлению в 60-х годах в русской печати откликов на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» был выход в свет русского перевода книги реакционного немецкого экономиста Бруно Гильденбранда «Политическая экономия настоящего и будущего». Резкие нападки этого немецкого реакционера на Энгельса вызвали шумное одобрение всего антидемократического лагеря. В защиту Энгельса выступил руководимый Чернышевским «Современник». Орган русской революционной демократии критиковал тенденциозность и несостоятельность нападков немецких буржуазных профессоров на Энгельса. Он призывал русских читателей знакомиться с работами Ф. Энгельса.

«Современник» поместил статью Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (1861 г., т. XXXIX), в которой было изложено основное содержание книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Тем самым передовая русская общественность получила возможность ознакомиться с этим выдающимся произведением марксизма.

Одним из первых произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, переведенных на русский язык, был «Манифест Коммунистической партии». Первый русский перевод «Манифеста» был осуществлен еще в 1869 г. М. А. Бакуниным. Мотивы, побудившие непримиримого врага научного социализма заняться переводом «Манифеста», были вскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом в их знаменитом памфлете «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» (1873 г.). Этим переводом Бакунин пытался придать своему «казарменному коммунизму» видимость теоретической основы²⁵¹.

Неудивительно, что в переводе Бакунин допустил грубое извращение текста Маркса—Энгельса в угоду своим анархистским взглядам.

Бакунинский перевод «Манифеста» не получил сколько-нибудь широкого распространения. В очень редких случаях он встречался в нелегальных народнических и рабочих кружках 70-х годов²⁵².

²⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 622.

²⁵² Более точный перевод «Манифеста» был начат известным революционным народником Н. И. Кибальчиком, но не был завершен. См. Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк. Неизвестный перевод «Манифеста Коммунистической партии». «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 224—228.

Иную роль, как увидим, сыграл русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», осуществленный Г. В. Плехановым в 1882 г. Попытку ознакомить русских революционеров с программными документами I Интернационала приняли члены Русской секции этого Интернационала.

Об этом свидетельствует распространение в России отпечатанной в Женеве книги под названием «Международное товарищество рабочих». Эта книга, отобранная агентами III Отделения в 1871 г. у участника московского подпольного революционного кружка²⁵³, содержала в себе: а) общие основные положения товарищества, б) регламент, в) программу и устав первой Русской секции как ветви международного товарищества.

Русский перевод работы Маркса «Гражданская война во Франции» появился в 1871 г., т. е. в том же году, когда она впервые была опубликована.

Русская секция также выпустила в 1871 г. отдельным изданием «Учредительный манифест Первого Интернационала» под названием «Первый манифест Международного товарищества рабочих» и опубликовала в своем журнале «Народное дело» ряд других написанных Марксом документов Интернационала²⁵⁴.

Совокупность исторических условий, как указал Ленин, выдвинула в первую очередь «применение экономического учения Маркса к нашей действительности»²⁵⁵. Это обстоятельство объясняет нам исключительный интерес в России к «Капиталу» еще до появления первых марксистских групп. С «Капиталом» русские читатели стали знакомиться в немецком оригинале вскоре после его выхода в свет (1867 г.). Отдельные экземпляры на разных языках были посланы Марксом своим русским знакомым: А. А. Серно-Соловьевичу, М. М. Ковалевскому, Н. Ф. Даниельсону²⁵⁶. Глубокий интерес к «Капиталу» в России был отмечен самим Марксом. В письме к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. Маркс писал: «Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала»... В 1843—1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы по-

²⁵³ ЦГИАМ, ф. III Отд., 3 экзп., д. 65, 1871 г., лл. 60—66. Часть документа опубликована в сб. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. I, стр. 601.

²⁵⁴ См. Л. А. Левин. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1948, стр. 111.

²⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 54.

²⁵⁶ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 35, 84; Л. А. Левин. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, М., 1948, стр. 112.

сили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847)²⁵⁷ и то, что издал Дункер (1859)²⁵⁸, нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский»²⁵⁹.

Первый том «Капитала» в русском переводе вышел в Петербурге в апреле 1872 г. и послужил могучим толчком к развитию русской передовой мысли, к дальнейшим усиленным поискам правильной революционной теории. «Выработка новой методологической и политико-экономической теории,— писал Ленин,— означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»²⁶⁰.

В этих спорах приняли участие видные представители русской экономической и социологической науки 70-х годов — Н. Зибер, Н. Михайловский, Ю. Жуковский, Б. Чичерин. В частности, крупнейшему русскому экономисту того времени Николаю Ивановичу Зиберу принадлежит серьезная заслуга в пропаганде первого тома «Капитала» в России²⁶¹.

В своих статьях, направленных против критиков Маркса — Б. Чичерина и Ю. Жуковского, Зибер показал, что экономическая теория К. Маркса является дальнейшим развитием лучших достижений мировой экономической науки.

Основные труды Н. И. Зибера — «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» и «Очерки первобытной культуры», — его статьи в таких журналах 70-х и 80-х годов, как «Знание», «Слово», «Отечественные записки», «Юридический вестник», «Вольное слово» и других, оказывали большое влияние на передовую молодежь, способствуя ее повороту к марксизму.

В своих работах «Очерки первобытной экономической культуры», «К истории русской общины»²⁶², «Капитализм в России»²⁶³ и других, основанных на фундаментальном изучении истории крестьянской общины в России и других странах, Зибер доказывал историческую закономерность разложения

²⁵⁷ Имеется в виду «Нищета философии».

²⁵⁸ Имеется в виду «К критике политической экономии».

²⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534.

²⁶⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 249.

²⁶¹ Обстоятельную характеристику Н. И. Зибера в новейшей советской экономической литературе см. А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX в. и марксизм.

²⁶² См. «Слово», 1879, август.

²⁶³ См. «Вольное слово», 1882, № 41. Женева.

общины и возникновения мелкой крестьянской собственности, а также преимущества крупного производства и неизбежность победы его над мелким не только в промышленности, но и в земледелии.

Своими экономическими и историко-экономическими работами Зибер подрывал основы народнических теорий.

В борьбе с народниками В. И. Ленин неоднократно ссылался на высказывания Зибера по ряду экономических вопросов²⁶⁴. То, что дал русской передовой интеллигенции 70—80-х годов главный труд Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», впервые было правильно оценено в дореволюционной марксистской литературе В. В. Воровским. «Эта теоретическая работа давала несравненно больше, чем обещало ее заглавие. Она давала историко-теоретическое исследование учения о ценности всей классической школы экономистов... Это была та самая книга, по которой изучало марксизм молодое поколение конца 80-х — начала 90-х годов, когда перевод «Капитала» (изд. 1872 г.) стал библиографической редкостью»²⁶⁵.

В. В. Воровский характеризует далее Н. И. Зибера как «первого русского последователя исторического материализма» и называет его «ревностным поборником марксизма»²⁶⁶. Однако эти оценки нельзя признать точными.

Прежде всего Зибер не воспринимал марксизм как теорию освободительного движения рабочего класса, он не понимал исторической роли пролетариата, учения Маркса о классовой борьбе и революционного характера перехода от капитализма к социализму. Хотя Зибер и признавал неизбежность гибели капитализма и замены его социализмом, он считал, что смена капитализма социализмом произойдет мирным путем, посредством развития кооперативных организаций, а не через революционную классовую борьбу пролетариата. Тем не менее популяризируя экономическое учение К. Маркса и пытаясь применить экономические идеи «Капитала» к изучению общественно-экономических явлений России, а также и других стран, Зибер внес большой вклад в развитие русской экономической и исторической мысли.

Маркс дал высокую оценку работе Зибера в «Послесловии» ко второму изданию I тома «Капитала». Великие творцы научного коммунизма проявляли с самого начала своей политической и теоретической деятельности глубокий и все возраста-

²⁶⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 201; т. 2, стр. 145, 156, 160, 166—167, 168; т. 3, стр. 29; т. 4, стр. 48, 62.

²⁶⁵ В. В. Воровский. Соч., т. I. М., 1933, стр. 174—175.

²⁶⁶ Там же, стр. 178, 177.

ющий интерес к России, к ее революционному движению, к ее культуре. Ленин подчеркивает, что «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»²⁶⁷.

Маркс и Энгельс придавали первостепенное значение революции в России как для судеб русского революционного движения, так и всего мирового пролетарского движения. Без революционной России они считали невозможной прочную победу социализма в западноевропейских странах. Отсюда их глубокий интерес не только к внешней политике России, но и к ее внутреннему положению, к росту в ней революционного движения.

В 1853 г. Энгельс предсказывал возможность дворянско-буржуазной революции в Петербурге «с последующей гражданской войной внутри страны»²⁶⁸. В 1858 г. К. Маркс в статье «Политические партии в Англии и симптомы новой революции (в Европе)» предсказывает назревание революционной ситуации в России. «Существует,— писал он,— еще другая великая держава, которая десять лет тому назад с чрезвычайной силой задержала поток революции. Мы говорим о России. В настоящее время у нее самой под ногами накопился горячий материал, который, при сильном ветре с запада, может внезапно воспламениться»²⁶⁹. При этом Маркс указывает на «симптомы восстания крепостных крестьян внутри России»²⁷⁰.

Огромный размах крестьянского движения в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. укрепил в Марксе и Энгельсе убеждение в больших революционных возможностях, таящихся в русском народе. Это убеждение росло по мере ознакомления Маркса и Энгельса с русской передовой литературой и ее величайшим представителем Н. Г. Чернышевским.

К концу 60-х годов относится их тесная связь с русскими революционными кругами за границей, объединившимися в Русскую секцию I Интернационала. Образование этой секции К. Маркс считал важным актом не только в плане борьбы против бакунистов на Западе, но и в плане борьбы с их влиянием на русское революционное движение. Маркс и Энгельс считали умственным образованием этой секции и в связи с нарождавшимся тогда русским рабочим движением. В период с конца 60-х до середины 70-х годов основное внимание в «русских делах» Маркс и Энгельс уделяли борьбе против анар-

²⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 12.

²⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 184.

²⁶⁹ Там же, т. XI, ч. 1, стр. 397.

²⁷⁰ Там же.

хистского и бланкистского течений в революционном народническом движении.

Новое обострение интереса основоположников научного социализма к России было связано с восточным кризисом, русско-турецкой войной 1877—1878 гг. и последовавшей за ней революционной ситуацией 1879—1880 гг.

В письме к Ф. А. Зорге от 27 сентября 1877 г. К. Маркс, предвидя назревание революционного кризиса в России, писал: «Этот кризис — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучал по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы... Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, но сами по себе они бесполезны. Но все же — это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения.

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»²⁷¹.

«Пусть только в Петербурге соберется национальное собрание, — и лицо всей Европы изменится»²⁷², — писал Энгельс И. Ф. Беккеру в 1878 г. Через год, 30 января 1879 г., Энгельс в письме к тому же адресату сообщает, что «в России дела идут прекрасно, и это главное. Если там произойдет взрыв, то Вильгельму придется складывать пожитки»²⁷³. 22 июля 1880 г. Ф. Энгельс в письме к М. К. Каблуковой отмечает, что Россия «находится накануне всемирно-исторического кризиса»²⁷⁴. «Русская революция... означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда», — писал он в 1878 г.²⁷⁵

Маркс и Энгельс отмечали серьезные изменения во внутреннем положении России за период с 40-х до 80-х годов.

Общую оценку изменений, происшедших во внутреннем положении России за период со времени европейской революции 1848 г. до начала 80-х годов, дали К. Маркс и Ф. Энгельс в своем знаменитом предисловии к русскому переводу «Мани-

²⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 480.

²⁷² Там же, т. XXVII, стр. 5.

²⁷³ Там же, стр. 27.

²⁷⁴ Там же, стр. 89.

²⁷⁵ Там же, т. XV, стр. 410.

феста Коммунистической партии», сделанному Г. В. Плехановым в 1882 г. «В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться... Теперь... Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе»²⁷⁶.

Маркс и Энгельс видели, что Россия все более и более становится средоточием острых классовых противоречий и очагом революционного пожара. Маркс при этом предсказал не только исключительное влияние русской революции на Европу, но и ее решающее значение для Востока. «... Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение», — подчеркивал В. И. Ленин²⁷⁷.

Маркс и Энгельс допускали различные формы борьбы русских революционеров 60—80-х годов против царизма. Борьба Маркса и Энгельса с Бакуниным и его единомышленниками была вызвана не бунтарской тактикой бакунистов в России, а их попытками дезорганизовать международное рабочее движение. «Если бы Бакунин и иже с ним, — писал Энгельс, — ограничились своими подвигами пределами России, вряд ли кто-нибудь в Западной Европе счел бы нужным специально брать их под обстрел»²⁷⁸.

Но Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что идейная победа над Бакуниным важна и для русского революционного движения. Разоблачая перед мировой революционной общественностью непристойные методы борьбы, применяемые Бакуниным и Нечаевым, Энгельс был убежден, что «страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов», не пострадает от разоблачения анархиста Бакунина и его последователей в России. «Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им»²⁷⁹.

В споре между «бунтарями»-землепольцами и «политиками»-народовольцами Маркс и Энгельс, при всем своем критическом отношении к народничеству в целом, встали на сторону народолюбцев, усматривая прогресс в переходе русского

²⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1956, стр. 8.

²⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 335.

²⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 234.

²⁷⁹ Там же, стр. 235.

революционного движения от анархистской тактики «политического воздержания» к политической борьбе.

К народолюбцам они относились с сочувствием и даже поддерживали личные отношения с их представителями (Л. Гартманом, Н. Морозовым и др.), к чернопередельцам Маркс и Энгельс относились явно неодобрительно.

В письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 г. Маркс говорит о происходящей борьбе между двумя основными фракциями народничества конца 70-х годов — народолюбцами и чернопередельцами. «...Эти господа,— пишет он о чернопередельцах,— высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай. Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»²⁸⁰.

В. И. Ленин в своем «Предисловии к переписке Ф. А. Зорге» так комментирует это место из письма Маркса: «Вот письмо Маркса от 5 ноября 1880 года. Он ликует по поводу успеха «Капитала» в России и становится на сторону народолюбцев против только что возникшей тогда группы чернопередельцев. Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, и — не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов — Маркс нападает на чернопередельцев со всей силой своего бичующего сарказма»²⁸¹.

Исчерпывающее объяснение причин различного подхода основоположников научного социализма к разным группам революционного народничества дал В. И. Ленин в некрологе «Фридрих Энгельс».

«Оба они,— писал Ленин о Марксе и Энгельсе,— сделали социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в политическом отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзыв. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы —

²⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 100.

²⁸¹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 336.

естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции»²⁸².

В Предисловии ко второму изданию «Переписки Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями» правильно указывается, что, «противопоставляя народническим утопиям свою научную точку зрения, Маркс и Энгельс долгое время считали возможным воздерживаться от открытой полемики с народниками, так как внутри России в то время не было другой революционной силы. Они полагали, что ход революции в России вызовет к жизни новые силы русского народа и приведет к краху народнической идеологии. Кроме того, Маркс и Энгельс, страстно ожидавшие взрыва революции в России, в известной мере переоценивали степень революционного кризиса и роль, которую играют народники в подготовке революции»²⁸³.

Поддерживая борьбу русских революционеров против царизма, Маркс и Энгельс вместе с тем положили начало идейной борьбе марксизма с народничеством. Именно такое значение имела критика Марксом и Энгельсом герценовской теории «русского социализма» и в особенности их решительная борьба с анархистскими идеями Бакунина, с бланкизмом Ткачева, в частности с его взглядами на происхождение и характер русского государства, с эклектизмом Лаврова, Николая — она и т. д. Эта борьба сыграла определенную роль в подрыве влияния народничества в России еще до появления марксистских групп. Труды Маркса и Энгельса, в которых разоблачается анархизм, явились для первых русских марксистов незаменимым идейным оружием в борьбе с различными оттенками народничества. Основатели научного социализма стояли у колыбели марксизма в России.

* * *

Серьезное влияние на развитие русской революционной мысли 70—80-х годов оказал рост международного рабочего движения и распространение идей марксизма в Германии и Франции.

Последние три десятилетия XIX в. были временем быстрого роста социализма во всей Европе. За это время образовались рабочие социалистические партии Англии, Австрии, Венгрии, Италии, Норвегии, Швеции и других стран. В конце 80-х годов возник II Интернационал. В. И. Ленин так характеризует этот период: «Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся

²⁸² Там же, т. 2, стр. 12—13.

²⁸³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 5.

использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*»²⁸⁴.

Центр международного революционного движения передвинулся после поражения Парижской коммуны в Германию.

Успехи немецкой социал-демократии в партийной, парламентской, профсоюзной и прочих сферах ее деятельности сделали ее крупной политической силой в стране.

В 70—80-х годах немецкая рабочая социал-демократическая партия, несмотря на отдельные ошибки, в основном стояла на позициях классовой борьбы пролетариата. Возглавляемая своими вождями А. Бебелем и В. Либкнехтом, она была ведущей марксистской партией в международном рабочем движении. Маркс и Энгельс направляли ее деятельность.

Немецкая социал-демократическая печать 70—90-х годов была популярна во всех странах Европы. Произведения В. Либкнехта, А. Бебеля, а также немецкие рабочие социал-демократические газеты и журналы широко распространялись в России среди участников первых марксистских групп и вообще в русском революционном подполье.

Именно в это время, на рубеже 70-х и 80-х годов, во Франции начался подъем рабочего социалистического движения. После кровавой расправы над парижскими коммунарами буржуазии всех стран казалось, что с рабочим движением во Франции покончено надолго, если не навсегда. Но не прошло и десяти лет, как рабочее движение во Франции возродилось с новой силой и на более зрелой основе: развитие капитализма в стране в 70-х и 80-х годах повело к численному росту французского пролетариата, в составе которого укрепился слой рабочих, связанных с крупным фабричным производством. Лучшие представители французской социалистической интеллигенции и передовых рабочих, ранее находившиеся в плену анархизма, в том числе П. Лафарг и Ж. Гед, стали переходить на позиции марксизма. В 1879 г. Ж. Гедом и П. Лафаргом была создана французская рабочая социалистическая партия, построившая свою программу на марксистской основе.

Шаг вперед в это время сделало и английское рабочее движение. Социалистическая агитация, почти затихшая в Англии в 50—70-х годах после упадка чартизма, в 80-х годах вновь оживилась вместе с ростом массового рабочего движения. Осенью 1884 г. в результате реорганизации образовавшейся в 1881 г. демократической федерации была основана

социал-демократическая федерация, которая, однако, не была однородной ни в идейном отношении, ни по своему составу. В эту преимущественно интеллигентскую организацию (рабочие составляли здесь меньшинство) наряду с реформистскими и частично анархистскими элементами вошли последователи Маркса, активные участники английского рабочего движения: Г. Квелч, Э. Эвелинг, Т. Мани, Элеонора Маркс-Эвелинг и др. С помощью Ф. Энгельса эта группа, несмотря на большие трудности, сыграла положительную роль в распространении идей марксизма в английском рабочем движении.

Рост международного рабочего движения в 70-х и 80-х годах XIX в. и широкое распространение идей марксизма в крупнейших капиталистических странах Европы воздействовали на поворот русской революционной интеллигенции и передовых рабочих от народничества к марксизму и ускорили этот поворот.

²⁸⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 545—546.